

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шестопалова Анна Михайловна

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ТИПА
*КНИГА ЛЕГКО ЧИТАЕТСЯ / THE BOOK SELLS WELL***

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Ольга Аркадьевна

Москва 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ	18
1.1. Структурная схема предложения как знак языка	19
1.2. Типы субъекта	34
1.3. Проблема залога и категория возвратности в русском языке	55
1.4. Место квазисубъектных моделей в системе залога английского языка	69
1.5. Типы предикатов и их соотношение с осью времени	77
1.6. Типы наречия и их роль в рамках квазисубъектной модели	91
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	100
ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	103
2.1. Метод контент-анализа	103
2.2. Принципы отбора и обработки языкового материала на базе корпусов текстов	111
2.3. Цифровые методы работы с материалом	118
2.4. Гипотетико-дедуктивный метод и трудности проведения семантического эксперимента	123
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	137
ГЛАВА III. АНАЛИЗ СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ	140
3.1. Обсуждение результатов семантического эксперимента	141
3.2. Неопределяющий агентивный субъект	151
3.3. Неопределяющий неагентивный субъект	155
3.4. Определяющий неагентивный субъект	159
3.5. Количественное соотношение типов субъекта	163
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	205
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	209
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	213
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	215

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время объектом многих лингвистических исследований становятся способы организации языка, а также языковое сознание индивида и сопутствующая ему языковая картина мира. Вместе с тем изучение различных языковых средств, с помощью которых происходит категоризация и концептуализация окружающей действительности, не может проходить в отрыве от порождающих их познавательных процессов [Болдырев 2006: 5]. Соответственно, при изучении языковых структур требуется принимать во внимание их когнитивный статус в том или ином языке.

Объектом данной работы являются квазисубъектные модели типа *Книга легко читается / The book sells well*. Под квазисубъектными моделями в данном исследовании понимаются такие синтаксические конструкции, в которых (с помощью наречия) неодушевлённому субъекту приписываются свойства и характеристики, обуславливающие его способность выполнять некоторые действия, а также имплицитно задаётся наличие внешнего агенса, усилиями которого выполняется описываемое событие.

В качестве **предмета** исследования выступают семантика вышеобозначенных синтаксических моделей и их субъектная перспектива, иными словами, рассматривается степень вовлеченности субъекта высказывания в реализацию описываемого события (прилагает ли субъект усилия для осуществления действия или выступает пациентом).

Данное исследование представляется **актуальным** в контексте роста международных контактов, что обуславливает потребность в оптимизации существующих моделей межкультурной коммуникации и необходимость создания адекватного описания языковых систем, в частности, синтаксиса как структурной основы моделей коммуникации. Анализ синтаксических моделей и их семантики позволит обеспечить реализацию эффективной коммуникации. Развитие сетевых исследовательских технологий как неотъемлемой

составляющей современного мира неизбежно ставит вопрос о включенности лингвистических исследований в общее академическое методологическое пространство, что требует анализа возможностей таких технологий для лингвистического исследования и включения их в актуальный методологический аппарат современной лингвистики. Таким образом, разработка сетевых исследовательских технологий применительно к поставленным задачам является актуальной.

Актуальность предпринятого исследования определяется также наличием общего интереса к процессам языковой категоризации и изучению элементов естественного языка разного уровня, о чём свидетельствуют данные систематического каталога Российской государственной библиотеки, каталога электронной библиотеки eLibrary, электронных библиографических систем Scopus и ScienceDirect, где представлен широкий перечень работ по данной и схожей тематике. Ряд работ посвящён изучению семантики языковых единиц [Сулейманова 1985; Лягушкина 2002; Фомина 2009; Иванова 2011; Евтеева 2014; Лукошус 2015; Чаплин 2020; Лось 2022a; Navarro i Ferrando 1998; Hebert 2018; Solnyshkina 2020]. Значительное количество исследований направлено на изучение семантической структуры различных концептов [Селин 2011; Кравчук 2018; Чупрына 2018; Попова 2019, 2023; Thornton 1988; Missuno 2012; Tillman 2017], анализ когнитивного статуса глаголов и глагольных структур [Болдырев 1995; Шабанова 1998; Холодова 2015; Аверина 2019; Бурнакова 2019; Wärnsby 2006; Nam 2020]. Уделяется внимание семантике синтаксических моделей и их когнитивному статусу [Сулейманова 2000; Фурс 2004; Клепикова 2009; Шаронов 2019; Бирюкова 2021; Аверина 2022; Iten 2000; Castroviejo Miró 2006; Ramos Bierge 2017; De Mendoza Ibáñez 2019; Yamada 2019; Belligh 2021], а также процессам, связанным с языковой категоризацией действительности [Болдырев 2018; Борискина 2019; Лось 2020; Сулейманова 2020; Штеба 2020; Иванова 2022]; рассматриваются типы и роль субъекта [Фомина 2015a; 2015b; Червоный 2020; Fábregas 2014], предиката [Davidse 2008] и наречия [Панкратова 2013; Зубенко 2015; Девятова 2021; Дегальцева 2021] в рамках синтаксических моделей, в том

числе и медиальных моделях. При этом квазисубъектные модели типа *Книга легко читается / The book sells well* уже служили предметом исследования, о чём свидетельствует широкий спектр работ на материале английского и других языков, где рассматриваются особенности и структура медиальных конструкций, представляющих собой аналог исследуемых в данной работе русских квазисубъектных моделей. Так, поднимается вопрос об отнесении данных моделей к прототипическим высказываниям [Taylor 2006]; описываются структурные особенности медиальных конструкций в различных языках [Lai 2007; Tamamoto 2009; Troseth 2009; Fernando 2013]; проводится сопоставительный анализ синтаксических и семантических характеристик данных моделей в различных языках (английском, немецком, нидерландском, греческом, французском, китайском и др.) [Ji 1995; Lekakou 2005; Holvoet 2020; Mitkovska 2021]. Выбранные синтаксические модели рассматривались также с точки зрения залоговой перспективы [Пупынин 2001; Алияришорехдели 2011; Davidse 2007; Alexiadou 2012] и декаузативной деривации [Падучева 2001; Летучий 2014]; они получили описание в рамках генеративной грамматики [Yeom 2002; Lekakou 2005; Li 2014]; единичные работы посвящены проблеме соотношения русских и английских медиальных конструкций [Spencer 2003]. Исследуемые модели, тем не менее, не анализировались с точки зрения их субъектной перспективы, и проблема их семантики не представляется достаточно изученной, так как комплексных исследований, раскрывающих семантический потенциал подобных моделей, на данный момент не представлено; не предложена развёрнутая типология типов субъекта, предиката и наречия, реализующихся в рамках вышеуказанных моделей. Таким образом, исследуемые синтаксические модели на данный момент не получили исчерпывающей семантической интерпретации.

Цель данного исследования состоит в анализе моделей типа *Книга легко читается / The book sells well*, выявлении соответствующих типов субъекта и описании субъектной перспективы данных моделей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

1) сформировать методологическую базу исследования на основе анализа существующих подходов к изучению синтаксических моделей и, в частности, данных моделей и их аналогов в различных языках; рассмотреть существующие подходы к анализу типов субъекта, предиката и роли наречия в формировании синтаксической модели и влиянии наречия на структурную схему предложения;

2) разработать метаязык исследования, уточнить интерпретацию ключевых метатерминов применительно к исследуемому материалу, что позволит предложить исчерпывающее описание семантики квазисубъектных моделей;

3) сформировать эмпирическую базу исследования на основе результатов направленных поисковых запросов в системах Google и Yandex, материалов корпусов текстов и других источников, в частности, текстов инструкций по применению технических приборов и устройств;

4) определить субъектную перспективу квазисубъектных моделей на основе полученных в рамках исследования данных;

5) провести сравнительный анализ квазисубъектных моделей в русском и английском языках, выделить дифференциальные признаки их семантики и описать условия употребления.

Методологическую базу предпринятого исследования составляют ключевые положения когнитивной лингвистики и семантики, связанные с:

– представлениями когнитивной лингвистики о способах и моделях концептуализации и категоризации языковой действительности [Болдырев 1995; 2014; Сулейманова 2020; Заботкина 2021, 2022; Турбина 2021; Rosch 1978; Jackendoff 1985; Langacker 1987, 1991];

– представлениями о структурных моделях, репрезентирующих языковую картину мира; корреляции структурных схем предложений и совпадающих фрагментов внеязыковой действительности [Степанов 1981; Филлмор 1988; Колшанский 1990; Кубрякова 1999; Караулов 2010; Карасик 2019; Аверина 2020; Заботкина 2020];

– интерпретацией семантической структуры предложения как языкового знака [Бенвенист 1974; Гак 1998; Сулейманова 2000; Фурс 2004];

– представлениями о природе значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность; о неизменности и надындивидуальности значения [Селиверстова 2004; Сулейманова 2015, 2018а; Макеева 2020];

– определением особенностей структурной схемы предложения и интерпретацией семантики синтаксических моделей [Степанов 1981; Сулейманова 2000; Селиверстова 2004];

– представлениями о типах субъекта, предиката и наречия и их роли в интерпретации объектов внеязыковой действительности [Степанов 1981; Семантические типы предикатов 1982; Мелиг 1985; Гиро-Вебер 1990; Шабанова 1998; Сулейманова 2000; Виноградов 2001; Падучева 2001; Пупынин 2001; Силкина 2019; Назари 2021; Vendler 1957; Zwart 1998; Lekakou 2005; Taylor 2006; Kaufmann 2007; Langacker 2008];

– обоснованием выбора экспериментальной методики исследования в рамках общего гипотетико-дедуктивного метода и определением специфики семантического эксперимента по отношению к другим видам экспериментов [Степанов 1974; Белайчук 2004; Селиверстова 2004; Сулейманова 2004; Фомина 2009; Лукошус 2015; Холодова 2015; Гордиенко 2017; Чаплин 2020; Лось 2022б, 2023; и др.];

– обоснованием выбора такой методики, как контент-анализ, применительно к исследованию синтаксических моделей [Трубецкой 1997; Сибирцева 2019; Шереметьева 2021; Weber 1990; Krippendorff 2004; Herman 2021];

– введением сетевых исследовательских технологий в лингвистический эксперимент и оценкой их потенциала применительно к экспериментальным исследованиям [Гордиенко 2017; Иванова 2018; Сулейманова 2018б; Сулейманова 2018в; Лукошус 2021; Фролова 2021; Карданова-Бирюкова 2021; Петрова 2021; 2022; Тивьяева 2022; Шереметьева 2022; Suleimanova 2020; Ivanova 2022].

Материалом исследования послужили ресурсы Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса текстов (British National

Corpus, BNC), Корпуса текстов современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA). В качестве источника материала выступали также инструкции по применению технических приборов и устройств на русском и английском языках. В результате объём эмпирической базы исследования составил 2 000 примеров употребления квазисубъектных моделей (1 000 примеров на русском языке, 1 000 примеров на английском языке). Кроме того, в качестве материала исследования выступают результаты проводимого в рамках данной работы семантического эксперимента, анализ которых позволяет уточнить семантическую интерпретацию исследуемых квазисубъектных моделей.

Отбор примеров из инструкций по применению технических приборов и устройств проводился методом сплошной выборки, тогда как при работе с корпусами текстов осуществлялся направленный поиск возвратных моделей. Следует отметить, что критерии по отбору языкового материала на базе корпуса текстов определяются целями и задачами каждого отдельного исследования, поэтому на данный момент универсального алгоритма отбора языкового материала применительно к семантическим исследованиям не представлено. Так, в рамках настоящего исследования были выработаны следующие критерии отбора материала, которые позволили сузить область поиска: при введении в поисковую строку НКРЯ запроса «*ся» на выходе исследователь получает результаты, в которых представлена лексема, оканчивающаяся на формант *-ся*. Такие результаты могут включать не только случаи употребления исследуемых квазисубъектных моделей, но и другие ситуации, в которых реализуются глаголы, оканчивающиеся на формант *-ся*. Ср. высказывание *Язык учится быстро и легко*, где представлена исследуемая синтаксическая модель, и высказывание *Надеюсь, она где-нибудь учится или работает*, в котором употребляется возвратный глагол. Их различие обуславливается тем, что формант *-ся* обладает несколькими значениями, которые реализуются в зависимости от контекста. Так, например, в высказывании *Язык учится быстро и легко* реализуется средневозвратное значение форманта *-ся*, поскольку оно указывает на сосредоточенность действия в

сфере субъекта, при этом семантический субъект, являясь фактически производителем действия, представлен как объект действия. Во втором высказывании, напротив, формант *-ся* придаёт отмеченному глаголу общезовратное значение, которое также замыкает действие в сфере субъекта, но описывает изменения в состоянии субъекта. Данное значение при этом реализуется в случае наличия одушевлённого субъекта, тогда как в рамках исследуемых моделей реализуется неодушевлённый субъект [Виноградов 2001]. Следовательно, чтобы дифференцировать примеры употребления квазисубъектных моделей, необходимо разработать критерии отбора языкового материала, который будет соответствовать определённым условиям. При работе с лексико-грамматическим поиском на платформе НКРЯ необходимо задавать точные грамматические и семантические признаки каждого из компонентов квазисубъектной модели (субъекта, предиката и наречия). Так, в качестве грамматических признаков субъекта необходимо задать обозначение «S,inan» для маркирования неодушевлённого существительного (как отмечалось ранее, субъект в квазисубъектной модели представляет собой неодушевлённый предмет). Для конкретизации позиции наречия отмечаются также семантические признаки: например, отбирались отадъективные наречия типа *быстро*, *сильно*, с помощью которых описываются определённые характеристики субъекта высказывания (Рисунок 1). Глагол в данном случае отмечался с помощью обозначения «V,indic,praes,med», которое маркирует глагол изъявительного наклонения медиального (среднего) залога в настоящем времени.

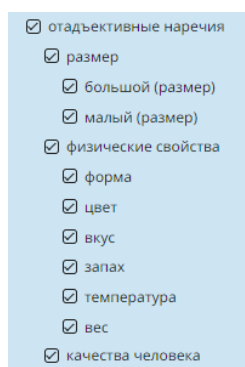

Рисунок 1 – Параметры ячейки «Семантические признаки»
для компонента «наречие»

Как представляется, применённый алгоритм работы с корпусами текстов позволяет оптимизировать процесс отбора языкового материала и произвести направленный поиск исследуемых квазисубъектных моделей в соответствии с заданными критериями.

Методика исследования основана на триангуляционном подходе, заключающемся в совмещении гипотетико-дедуктивного метода с опорой на семантический эксперимент, опроса информантов-носителей языка и последующей проверки полученных результатов на базе поисковых систем Google и Yandex. На начальном этапе исследования формировалась эмпирическая база примеров употребления исследуемых синтаксических моделей из различных источников (материалы корпусов текстов и инструкции по применению технических приборов). Далее составлялся список репрезентативных высказываний, на основе которых разрабатывался семантический эксперимент. Семантический эксперимент представлял собой следующее: в исходной квазисубъектной модели заменялось наречие, которое указывает на определённые характеристики субъекта высказывания и особенности реализации описываемого действия. Например, в высказывании *Чашка легко бьётся* наречие *легко* можно заменить наречием *быстро*, что в свою очередь меняет семантику всего высказывания: *?Чашка быстро бьётся*. Так, наречие *легко* характеризует свойства самого субъекта *чашка* (предмет сделан из хрупкого материала, поэтому он *легко* бьётся). Наречие *быстро*, напротив, характеризует описываемое предикатом *биться* действие: вводится некая внешняя сила или агенс, который прилагает определённые усилия для совершения соответствующего действия, что позволяет ему сделать вывод о характере производимого события (какое количество усилий необходимо приложить для того, чтобы чашка разбилась *быстро*). Далее данный список репрезентативных высказываний (включая предложения с произведённой заменой наречия) предъявлялся информантам-носителям языка для оценки правильности или неправильности полученных высказываний. На этом этапе был получен отрицательный языковой материал (маркирующий те высказывания, которые неприемлемы с точки зрения узуса

языка), что позволило выдвинуть гипотезу относительно семантики исследуемых синтаксических конструкций.

Параллельно проводился эксперимент на основе данных поисковых систем Google и Yandex, которые в нашем случае выступают в качестве коллективного информанта. В строку поиска заносилась квазисубъектная модель, оформленная с помощью оператора «кавычки» (Рисунок 2). Использование данного оператора позволяет ограничить результаты поиска только теми вхождениями, в которых присутствует точное совпадение с искомым высказыванием. Наличие определённого количества вхождений для проверяемого высказывания позволяет судить о его приемлемости с точки зрения узуса языка, тогда как отсутствие точных вхождений, напротив, свидетельствует о неприемлемости высказывания, маркируя его как отрицательный языковой материал.

Рисунок 2 – Форма поискового запроса Google

Далее результаты семантического эксперимента с участием информантов-носителей языка сопоставлялись со статистическими данными направленных поисковых запросов в системах Google и Yandex, составленных для проверки экспериментальной выборки. Корреляция результатов опроса информантов и статистических данных позволяет говорить о достоверности полученных результатов и адекватности выдвинутой гипотезы относительно семантики исследуемых квазисубъектных моделей.

Таким образом, обращение к триангуляционному подходу обеспечивает высокий верификационный потенциал настоящего исследования, поскольку результаты лингвистического эксперимента с привлечением информантов-носителей языка подкрепляются корпусными данными и данными поисковых систем, что позволяет составить адекватное описание семантики исследуемых квазисубъектных моделей.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии когнитивно-семантического подхода к изучению синтаксических моделей.

Результаты анализа семантических компонентов исследуемых структур расширяют существующие представления о концептуализации коммуникативной ситуации носителем языка, его выборе синтаксической модели и отборе соответствующих языковых средств с учётом типа субъекта, предиката и наречия. Получают развитие принципы описания когнитивных механизмов категоризации действительности, которые отображаются в языковом поведении носителей языка. Разрабатывается современная исследовательская методика на основе применения различных сетевых исследовательских технологий в рамках семантического анализа, что позволяет разработать и дополнить алгоритм их использования в рамках лингвистических исследований.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в практике преподавания теоретических дисциплин: общего языкознания, психолингвистики, социолингвистики, лексикологии, теоретической грамматики, теории коммуникации, а также в рамках курсов по выбору по проблемам перевода, лингвистической семантики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Материалы исследования могут найти применение в преподавании практических дисциплин, а именно: в практикуме по культуре речевого общения, предпереводческом анализе текста, практикуме по межкультурной коммуникации, практическом курсе иностранного языка. Выводы и результаты, представленные в данной работе, могут быть использованы при составлении грамматик и учебно-методических пособий по русскому и английскому языкам, а также при написании курсовых, выпускных квалификационных и магистерских работ и диссертаций по смежной тематике. Наряду с этим разработка алгоритма применения различных сетевых исследовательских технологий (поисковые системы Google, Yandex, корпуса текстов), например, в рамках проведения семантического эксперимента, позволит оптимизировать их использование для решения прикладных и исследовательских задач в области лексической семантики, семантики синтаксиса и других смежных областях.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1) впервые выделяются типы субъекта применительно к исследуемому языковому материалу: в рамках исследуемых квазисубъектных моделей выделяются такие типы субъекта, как неопределяющий агентивный субъект, неопределяющий неагентивный субъект, определяющий неагентивный субъект; приводятся аргументы в пользу предложенной интерпретации типов субъекта; разработана система семантических тестов, позволяющих определить тип субъекта, реализующийся в рамках квазисубъектной модели;

2) привлекаются различные сетевые исследовательские технологии для решения как поисковых, так и исследовательских задач, а именно: в рамках гипотетико-дедуктивного метода с опорой на семантический эксперимент сетевые исследовательские технологии, в частности, поисковые системы, используются в качестве коллективного информанта, что представляет собой экспериментальный подход нового типа;

3) подход к семантике синтаксиса исследуемых моделей производится с точки зрения семантической перспективы каждого из составных компонентов исследуемых моделей, а именно: семантика рассматриваемых в данной работе квазисубъектных моделей складывается из совокупности значений составных компонентов (субъект, предикат, наречие), семантика которых определяет восприятие ситуации носителем языка;

4) получены новые нетривиальные описания субъектной перспективы исследуемых квазисубъектных моделей;

5) установлена корреляция субъектной перспективы русских квазисубъектных моделей с соответствующими моделями в английском языке.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Обращение к поисковым системам типа Google и Yandex, а также корпусным технологиям повышает верификационный потенциал семантических исследований, поскольку соответствующие системы больших данных (*big data*) в рамках семантического эксперимента используются в качестве коллективного информанта, что позволяет составить адекватное семантическое описание исследуемых квазисубъектных моделей. Разработанный алгоритм отбора

языкового материала на базе корпусов текстов применительно к задачам данного исследования обуславливает оптимизацию процесса создания эмпирической базы исследования, а предлагаемый алгоритм использования поисковых систем Google и Yandex обосновывает экспериментальное применение поисковых систем в исследовательских целях.

2. Обращение к триангуляционному подходу, который заключается в соотнесении результатов семантического эксперимента с привлечением информантов-носителей языка, проведённого в рамках гипотетико-дедуктивного метода, с данными поисковых систем, позволяет отметить высокую степень корреляции между оценками информантов и статистическими данными поисковых систем, а также получить достоверные результаты.

3. Для описания семантики синтаксических структур, в частности, исследуемых в данной работе квазисубъектных моделей, релевантным оказывается выбор типа субъекта (неопределяющий агентивный субъект, неопределяющий неагентивный субъект, определяющий неагентивный субъект), который определяет, как описываемая ситуация будет концептуализироваться носителем языка.

4. Сравнительный анализ субъектной перспективы квазисубъектных моделей в русском и английском языках показывает преобладание отдельных типов субъекта (неопределяющего агентивного субъекта и определяющего неагентивного соответственно). Данное положение потенциально связано с особенностями соответствующих языковых картин мира, что позволяет предложить расширенное семантическое описание квазисубъектных моделей в обоих языках.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и четырёх приложений.

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его предмет и объект, обозначаются цели и задачи, указывается теоретическая и практическая значимость исследования, описываются методы и материал исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В Главе I «Теоретическое обоснование интерпретации семантической структуры квазисубъектных моделей» рассматривается проблема определения значения различных языковых единиц, в частности, синтаксических моделей; описываются структурные элементы исследуемых квазисубъектных моделей, а именно: предлагается описание типов субъекта, предиката и наречия, которые реализуются в рамках данной синтаксической модели; определяется тип залога и возвратности используемых в модели предикатов и обосновывается роль наречия и его влияние на концептуализацию ситуации, что позволяет предложить адекватное описание семантики исследуемых квазисубъектных моделей.

В Главе II «Методологическая база и методы исследования» обосновывается выбор методов исследования, поэтапно описывается процесс отбора языкового материала и его изучения с применением контент-анализа и гипотетико-дедуктивного метода; описываются особенности применения цифровых методик в целях изучения семантики различных языковых единиц; предлагается алгоритм и определяются принципы отбора языкового материала на базе корпусов текстов с учётом целей и задач данного исследования; описываются этапы и особенности проведения семантического эксперимента с привлечением информантов-носителей языка и обращением к данным поисковых систем Google и Yandex.

В Главе III «Анализ субъектной перспективы квазисубъектных моделей» рассматриваются разработанные автором семантические тесты, позволяющие выделить тип субъекта, который реализуется в рамках исследуемых синтаксических конструкций; производится сравнительный анализ результатов проведённого семантического эксперимента с привлечением информантов-носителей языка и результатов направленной проверки экспериментальной выборки с помощью поисковых операций, выполненных в системах Google и Yandex, определяется степень корреляции полученных данных; рассматривается и сопоставляется субъектная перспектива квазисубъектных моделей в русском и английском языках, что объясняется особенностями соответствующих языковых картин мира.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования, определяется его дальнейшая перспектива.

Список литературы включает 198 наименований (в том числе 58 наименований – на иностранном языке).

В **Приложении 1** представлен фрагмент анкеты, включающий высказывания, которые предлагались информантам-носителям языка для оценивания их правильности или неправильности; указываются критерии оценивания высказывания, оценки и комментарии, предложенные информантами.

В **Приложении 2** приведены статистические данные относительно количества вхождений в поисковых системах Google и Yandex для каждой квазисубъектной модели, входящей в экспериментальную выборку; предложена система корреляции оценок и количества вхождений.

В **Приложении 3** даны обобщённые результаты оценивания экспериментальной выборки и предложена итоговая оценка репрезентативных высказываний с опорой на результаты эксперимента и данные поисковых систем.

В **Приложении 4** приведён фрагмент тестирования языкового материала согласно предложенным в настоящем исследовании семантическим тестам для определения типа субъекта.

Апробация работы. Основные результаты и положения диссертационного исследования были представлены в форме докладов на следующих конференциях:

1. 56-й лингвистический коллоквиум «Translation, Multilinguality and Cognition» (26-28 ноября 2020 г.).
2. Научное мероприятие «Научный старт-2021» (18-25 марта 2021 г., Московский городской педагогический университет).
3. Аспирантская конференция по междисциплинарному образованию (26-27 марта 2021 г., Университет Линнань, Гонконг).
4. XXIII Международная научно-практическая конференция «Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация» (22 ноября 2021 г., Институт международных связей, г. Екатеринбург).

5. Научное мероприятие «Научный старт-2022» (14-24 марта 2022 г., Московский городской педагогический университет).

6. Аспирантская конференция по междисциплинарному образованию (1-2 апреля 2022 г., Университет Линнань, Гонконг).

7. Научное мероприятие «Научный старт-2023» (20-24 марта 2023 г., Московский городской педагогический университет).

8. Аспирантская конференция по междисциплинарному образованию (31 марта – 1 апреля 2023 г., Университет Линнань, Гонконг).

9. Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (20-21 апреля 2023 г., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов).

10. Международная конференция по когнитивной лингвистике «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (19-21 сентября 2023 г., Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск).

Основные положения диссертационной работы отражены в 8 публикациях общим объёмом **3,75 п.л.**, из них 4 работы (2,04 п.л.) опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ

На данный момент многие исследования, проводимые в рамках различных областей гуманитарных наук, отличает активный поиск новых направлений, методов и подходов для изучения тех или иных явлений. В лингвистике в качестве динамично развивающегося направления можно отметить когнитивный подход к исследованию языка, т.е. изучение языка с опорой на анализ познавательных процессов индивидуума (например, представления об особенностях концептуализации и категоризации). В рамках данного подхода выдвигается положение о том, что знания носителя языка формируются и организуются согласно определённым когнитивным моделям, что позволяет концептуализировать или категоризировать объекты соответствующей картины мира [Болдырев 2016: 10-11]. Таким образом, при изучении каких-либо единиц и моделей языка следует принимать во внимание их составные элементы, обращение к которым позволит представить данные единицы в структурированном виде, а также адекватно описать их семантику и определить их место в языковом сознании индивида [Болдырев 2016: 11-12]. Для описания субъектной перспективы квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well* требуется в первую очередь определить статус данной синтаксической модели в языке и далее рассмотреть её составные элементы. В рамках настоящего исследования необходимо выделить типы субъекта, предиката и наречия, которые реализуются в квазисубъектной модели. Анализ их семантических особенностей позволит составить семантическое описание модели в целом и предложить интерпретацию субъектной перспективы данных высказываний в частности. Прежде всего определим место синтаксической модели в знаковой системе языка.

1.1. Структурная схема предложения как знак языка

В настоящее время в рамках исследований, посвящённых лингвистической семантике, проблема изучения и описания семантики синтаксических моделей (структурных схем предложений) представляется актуальной. Так, семантика синтаксических моделей рассматривается с точки зрения семантических компонентов, которые входят в состав исследуемой модели [Фомина 2015а; 2015б; Девятова 2021; Шестопалова 2022]; внимание уделяется изучению семантики конструкции в целом, а также её функционала [Сулейманова 2000; Сулейманова 2004; Афанасьева 2021; Юдина 2021]; исследуются особенности когнитивной интерпретации синтаксических моделей [Сулейманова 2020; Лось 2020; Никитина 2021а, 2021б]. При этом в ряде исследований, начиная с работ Э. Бенвениста, синтаксические модели рассматриваются как знак языка [Бенвенист 1974; Гак 1998; Рахманкулова 2021; Юдина 2021]. Отметим, что вопрос о том, следует ли относить синтаксические модели к знакам языка, представляется актуальным [Масалова 2019], однако остаётся спорным. Рассмотрим далее различные подходы к интерпретации знаковой природы предложений на примере таких квазисубъектных моделей, как *Книга легко читается / The book sells well*.

Э. Бенвенист, рассматривая уровни лингвистического анализа, ставит вопрос о том, что следует считать языковым фактом, т.е. какие языковые единицы представляется возможным отнести к знакам языка [Бенвенист 1974: 129]. Так, в связи с этим выделяется уровень знака, к которому принадлежат слова по причине их двойственной природы: слово характеризуется единством формы и содержания. Форма в данном случае обозначает способность слова разлагаться на элементы низшего уровня (морфемы, фонемы), а содержание (значение) определяется как способность слова входить в состав единиц высшего уровня. За единицу высшего уровня принимается предложение. Слово, таким образом, выступает «минимальной значимой свободной единицей, которая может

образовывать предложения и которая сама может быть образована из фонем» [Бенвенист 1974: 133, 136–137].

Рассматривая уровень предложения (категорематический уровень), Э. Бенвенист отмечает, что предложение не представляется возможным включить в состав некой единицы более высокого уровня. Связано это с характерной особенностью предложений, а именно предикативностью. Предикативность выступает в качестве основного признака и свойства предложения, но при этом сама по себе не считается языковой единицей. Как отмечает учёный, все типы предложений сводятся к предложениям с предикативностью, и категорематический уровень включает только одну форму языковых единиц, которая представлена предложениями. Языкового уровня, который располагался бы выше категорематического уровня, согласно Э. Бенвенисту, не существует. Как представляется, предложения не формируют класс единиц, которые можно было бы противопоставить друг другу (как фонемы и морфемы), что отличает предложения от других языковых единиц. Предложение можно разделить на знаки, но при этом оно само знаком не является. Напротив, предложение относится к единицам речи и имеет смысл и референцию: оно несёт смысловую информацию и соотносится с конкретной ситуацией [Бенвенист 1974: 138–140].

С Э. Бенвенистом трудно согласиться, поскольку, как мы предполагаем, более высоким уровнем по отношению к предложению можно считать текст, состоящий из совокупности предложений, которые потенциально можно противопоставить друг другу. В данном случае возможно разделить предложение на единицы более низкого уровня (слова), а также включить его в состав единицы более высокого уровня (встроить предложение в текст). Вместе с тем предложение можно представить как единство формы и содержания: предложение состоит из отдельных компонентов, совокупность которых позволяет определить значение всего предложения, а также соотнести его с определённой ситуацией [Гак 1998: 207]. Например, исследуемые квазисубъектные модели можно разделить на составляющие компоненты, рассмотреть семантику каждого из них и далее определить, как они в

совокупности влияют на семантику всего предложения. В данном случае можно отметить сближение лексической семантики и семантики синтаксиса. При изучении семантики отдельных языковых единиц привлекаются такие предложения, в которых реализуется данная единица. Наряду с этим при изучении семантики синтаксиса может рассматриваться семантика входящих в предложение слов, прежде всего таких слов, которые составляют предикативный центр предложения [Современный русский язык 1989: 677]. Таким образом, предложение можно считать как единицей речи, так и единицей языка. Предложение, как и любой знак языка, характеризуется единством формы и содержания. Говорящим могут воспроизводиться элементы структуры предложения, составляющие предикативный центр предложения и необходимые для грамматического оформления предложения (форма), а также элементы, обеспечивающие семантическую организацию предложения (содержание) [Там же: 632–633]. Таким образом, в силу того, что предложение, как и любые лексические единицы, характеризуется формой и содержанием, его можно считать знаком языка.

Наряду с этим предложения могут строиться по соответствующим структурным схемам, которые определяют форму и содержание всего предложения. Под структурной схемой предложения понимается «абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение» [Русская грамматика 1980б: 92]. Иными словами, структурная схема предложения представляет собой некий синтаксический образец, который характеризуется определённой формальной организацией и языковым значением, и по данному образцу могут быть построены нераспространённые (элементарные) предложения [Там же: 84–85]. Как видно из определения, структурную схему предложения можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, можно рассматривать наполнение структурной схемы и далее определить, какие структурные компоненты должны входить в данную схему. Во-вторых, после того как определены формальные компоненты структурной схемы, можно далее обратиться к её семантике. При

этом семантика структурной схемы будет строиться из совокупности значений составляющих её компонентов. Иными словами, для определения значения всей структурной схемы необходимо рассмотреть семантику каждого из её составных компонентов [Там же: 87]. Так, в исследуемых квазисубъектных моделях можно отметить следующие структурные компоненты: существительное, которое выступает в качестве субъекта высказывания; глагол, выражающий предикативность высказывания; наречие, которое выполняет функцию обстоятельства. Следовательно, для того чтобы определить семантику квазисубъектной модели в целом, необходимо рассмотреть особенности каждого из данных компонентов. Далее в рамках настоящей работы будут рассмотрены типы субъекта, которые могут реализовываться в рамках модели; тип предиката и грамматические особенности глагола, влияющие на прочтение ситуации; типы наречия, которые дают определённую характеристику описываемой ситуации. Таким образом, в силу наличия у структурной схемы как формы, так и содержания её также можно отнести к знакам языка.

При выделении структурных схем обычно поднимается вопрос о том, что можно считать обязательными структурными компонентами схемы, а что можно отнести к её распространителям. Под распространителями понимаются такие компоненты структурной схемы, которые можно опустить в предложении, при этом исходные семантические отношения между членами предложения, а также общее содержание информации будут сохраняться. Например, из предложения *Книга* + локатив невозможно вывести информацию предложения *На столе книга*. Следовательно, локативный член должен принадлежать структурной схеме [Селиверстова 1990: 47]. В предложении *В комнате наверху они играли в шахматы*, напротив, локатив *в комнате* не принадлежит структурной схеме и является распространителем, так как при его опущении предложение сохраняет смысл [Сулейманова 2000: 14]. В исследуемых квазисубъектных моделях наблюдается следующая ситуация. Из высказывания *Дверь закрывается* также невозможно вывести информацию предложения *Дверь плохо закрывается*. В первом случае предложение содержит информацию, которая представляет

событие как происходящее само по себе. При этом указание на какие-либо свойства и качества субъекта *дверь* в предложении отсутствуют. Во втором случае, напротив, наречие *плохо* вносит информацию о свойствах и характеристиках субъекта, а также вводит некоего постороннего наблюдателя (некое лицо должно было наблюдать, как закрывается дверь, чтобы оценить, насколько плохо или хорошо она закрывается).

Существует мнение, что невозможность опущения актанта в предложении не означает, что он обязательно будет принадлежать структурной схеме. Связано это с тем, что выделяется класс таких лексем, которые в определённых позициях требуют наличия распространителей. Например, в предложении *Платье – белого цвета* невозможно опущение распространителя при слове *цвет*: **Платье – цвета* [Норман 2018: 140]. С данным положением, тем не менее, трудно согласиться. Например, в квазисубъектных моделях, в частности, в английских моделях, наблюдается следующая ситуация, а именно: отмечаются высказывания, в которых можно опустить наречие и принять его за распространитель, при этом предложение будет считаться приемлемым: *The door closes smoothly* / *Дверь плавно закрывается* – *The door closes* / *Дверь закрывается*. Тем не менее в данном случае предложение меняет смысл: предложение без распространителя не указывает на характер реализуемого действия. Наряду с этим можно выделить такие высказывания, в которых опустить наречие невозможно: *The book reads easily* / *Книга легко читается* – **The book reads* / ?*Книга читается*. В данном высказывании после глагола *to read* / *читать* необходим распространитель, с помощью которого даётся характеристика описываемого события. Как представляется, здесь имеют место две разные структурные схемы. Предложения, которые строятся по схемам без наречия, указывают на факт реализации события, тогда как с помощью структурных схем с наречиями отмечаются качества и свойства субъекта высказывания. Иными словами, при опущении наречия смысл всего высказывания меняется. Следовательно, для того чтобы из предложения можно было получить информацию о свойствах и качествах субъекта, структурная схема квазисубъектного предложения должна включать в себя

наречие как один из обязательных компонентов. Всё вышесказанное позволяет, таким образом, подтвердить положение о том, что структурная схема представляет собой знак языка.

Отметим, что при построении высказывания может наблюдаться имбрикация, т.е. сложение различных структурных схем предложения. Например, может происходить совмещение безглагольных структурных схем со схемами, содержащими глагол: *Друзья рядом* + *Друзья веселятся* = *Друзья веселятся рядом* [Степанов 1981: 209], при этом схемы остаются равнозначными. Иными словами, информация, вносимая обеими схемами, сохраняется. Предложение *Друзья веселятся рядом* вносит информацию как о нахождении субъекта в пространстве (*друзья рядом*), так и о производимом им действии (*друзья веселятся*). Ср. *В комнате пахнет яблоками*, *У меня разнесло плечо*, где также наблюдается сложение нескольких схем, а именно: пространственная модель совмещается с различными предикативными словосочетаниями [Сулейманова 2000: 129–130]. При этом информация, вносимая обеими схемами, сохраняется (передается как пространственная, так и предикативная характеристика описываемой ситуации).

Квазисубъектные модели потенциально возможно представить как сложение нескольких структурных схем. Например, может происходить сложение таких схем, как $N_1 Vf_{-ся}$ (где N_1 маркирует существительное в именительном падеже, $Vf_{-ся}$ обозначает спрягаемый глагол с формантом *-ся*) и схемы с предикативным наречием (*Легко*, *Плохо*, *Хорошо* и др.): *Книга продаётся* + *Хорошо* = *Книга хорошо продаётся*. В данном случае, однако, наречие перестаёт быть обязательной частью предикативной составляющей структурной схемы и начинает выполнять обстоятельственную функцию (характеризует, каким образом выполняется действие), т.е. информация, вносимая данной схемой, не сохраняется при сложении (признак состояния, вносимый предикативным наречием, опускается). Мы предполагаем, что в случае квазисубъектных моделей не наблюдается сложения различных структурных схем. Напротив, данная модель представляет собой единую структурную схему.

Соответственно, квазисубъектная модель в русском языке строится по следующей схеме: $N_1 \text{ Adv Vf}_{-ся}$, где существительное может принимать форму единственного или множественного числа, глагол с формантом *-ся* спрягается в зависимости от числа существительного и времени, позицию обстоятельства занимает наречие (Adv). Ср. *Колесо быстро вращается / Колеса быстро вращаются / Колесо быстро вращалось / Колесо еле-еле вращается*. В английском языке наблюдается схожая ситуация, и квазисубъектные модели строятся по следующей схеме: $N V \text{ Adv}$, где существительное может принимать форму единственного или множественного числа, что влияет на форму следующего за ним глагола. Ср.: *The book sells well / The book sold well / The books sell well / The books sell poorly*.

Итак, если признать структурную схему знаком языка, то, как и всякий знак языка, она представляет собой двустороннюю единицу, которая характеризуется единством формы и содержания. Иными словами, помимо формы структурная схема обладает своим значением, как и отдельная лексическая единица. Рассмотрим понимание значения в лингвистической науке. Так, ряд исследователей приравнивает значение к понятию. Однако, как отмечают О. А. Сулейманова и О. Г. Лукошус, значение шире понятия, так как «понятие отражает существенные, релевантные свойства объекта», и как термин «понятие получает однозначное определение», а «значение часто не отражает существенных свойств денотата и с трудом поддается определению» [Сулейманова 2015: 80]. Понятие не является эмоционально окрашенным и не содержит в себе коннотации, тогда так как значение может нести в себе экспрессивные характеристики. Так, в [Сулейманова 2018а: 68-69] рассматривается пример со словом *лютик*, где отмечается несовпадение лексического значения данного слова с используемым в ботанике научным понятием. На интернет-ресурсе «Большая российская энциклопедия» для слова *лютик* приводится следующее определение: «Род растений семейства лютиковых. Многолетние, реже двулетние или однолетние травы с прямостоячими, ползучими или плавающими в воде стеблями (длина до 1,5 м), иногда

луковицеобразно утолщёнными в основании» [БРЭ 2022, URL]. Соответствующее научное определение далее описывает тип и характеристики цветков, лепестков, плодов и пр., что позволяет точно обозначить место данного растения в научной классификации растений. Лексическое значение слова *лютик*, напротив, основано на бытовых представлениях человека о данном цветке, которые также могут быть связаны с «народной» песней «Ромашки спрятались, поникли лютики», осложнённой экспрессивной коннотацией и определёнными ассоциациями. Энциклопедическое понятие, как видно из приведённого выше определения, не включает в себя эмоциональные компоненты и бытовые представления о денотате, тогда как значение, напротив, может быть эмоционально окрашено (употребление слова *лютик* в указанной «народной» песне вызывает у слушающего грусть, которая может быть связана как с окончанием цветения и, тем самым, летнего периода, так и с концом романтических отношений) [Сулейманова 2018a: 68–69].

Многие исследователи рассматривают вопрос о характере соотнесённости значения и концепта. См., например, работу [Прохоров 2009], где автор, рассматривая различные подходы к определению концепта, выделяет следующие основные характеристики концепта: 1) концепт представляет собой некий симулякр, отражающий не реальность как она есть, а некое представление об элементе внеязыковой действительности; 2) концепт можно представить как совокупность отношений к элементам внеязыковой действительности; 3) концепт может быть как всеобщ, так и национально и лично специфичен, что определяет выбор соответствующих языковых средств для его выражения [Прохоров 2009: 158]. Мы предполагаем, что выделенные основные характеристики можно соотнести с особенностями, которые присущи значению, а именно: 1) значение так же, как и концепт, не называет предмет внеязыковой действительности как он есть, а предлагает некое связанное с ним представление; 2) значение может отражать отношение носителя языка к денотату (например, содержать экспрессивные коннотации); 3) значение может включать в себя национально специфические представления о денотате (следует отметить, что

разграничение значения и концепта не входит в задачи настоящего исследования). Тем не менее в случае изучения отдельной языковой единицы значение может быть приравнено к концепту с учётом того, что в структуре концепта могут быть отражены экстралингвистические представления, процессы концептуализации и др. [Сулейманова 2017а: 411]. Содержание концепта может быть раскрыто за счёт анализа семантики конкретной языковой единицы и, следовательно, зависит от языковой вербализации. Таким образом, если речь идёт об описании значения конкретной лексической единицы, проводить различия между концептом и значением не представляется релевантным [Сулейманова 2018а: 69], что также применимо к рассматриваемым квазисубъектным моделям (попытка разграничения концепта и значения в данной работе не влияет на описание семантики исследуемых моделей).

К изучению значения языковых единиц также возможно подойти с точки зрения фреймовой семантики, в рамках которой рассматриваются особенности взаимодействия языковых значений и структур знания, моделируются принципы передачи и структурирования человеческого опыта через значения языковых единиц, что в дальнейшем обеспечивает успешность коммуникации с помощью соответствующих фреймов [Болдырев 2014: 104]. Под фреймом понимается структура данных, которая содержит в себе информацию о некоей стереотипной ситуации и обеспечивает понимание более широкого класса явлений и процессов, а также позволяет представить человеческий опыт в схематизированном виде [Минский 1979: 7; Филлмор 1988: 54]. Выстраивание фрейма заключается в том, что при упоминании ключевого элемента фрейма участники коммуникации будут способны предопределить составные компоненты данного фрейма [Fillmore 1982: 111]. Например, при упоминании фрейма *университет* возможно предопределить такие составляющие его элементы, как *студенты, преподаватели, ректорат и ректор, студенческая столовая, библиотека* и др. Иными словами, выстраивание фрейма позволяет реконструировать описываемую им ситуацию и предсказать, какие единицы получат языковую репрезентацию (т.е. фрейм обуславливает то, как соответствующая ситуация будет представлена в языке). Например,

выстраивание фрейма *Защита ВКР* предопределяет наличие таких составных элементов (субфреймов), как *Выступление студента с докладом*, *Вопросно-ответная сессия*, *Отзыв рецензента*, *Отзыв научного руководителя*, *Благодарность студента*, при этом вербализацию в рамках каждого из данных субфреймов получает оценка проведённой работы, например, с помощью оценочных высказываний (*Я должна признать, что работа состоялась*; *Работа заслуживает высокой оценки* и др.) [Водяницкая 2022: 117, 134]. Фрейм отличен от ситуации как таковой в том, что между ними и их элементной структурой нет однозначной корреляции, что отражено в языковой репрезентации фрейма, которая может быть лингвоспецифична, т.е. одна и та же ситуация, соответствующая данному фрейму, может получать различное языковое выражение. Например, фрейм *перемещение* в русском языке требует указания на способ перемещения (*пойти* vs. *поехать*), тогда как в английском языке данного уточнения не требуется, поскольку глагол *to go* «может предполагать перемещение как пешком, так и на транспортном средстве» [Сулейманова 2023: 74].

Для квазисубъектной модели представляется возможным выстроить соответствующий фрейм, который предопределяет наличие следующих обязательных актантов описываемой ситуации. Так, одним из актантов выступает некая неодушевлённая сущность (неодушевлённый объект), в рамках которой можно наблюдать метафорический перенос, а именно: материальный объект интерпретируется как человек, что позволяет осмыслить опыт взаимодействия с данной неодушевлённой сущностью «в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей» [Лакофф 2004: 59], т.е. имеет место персонификация (олицетворение) неодушевлённого объекта. Так, в ситуациях *Машина быстро заводится* и *The window opens quickly / Окно быстро открывается* возможность выполнения описываемых действий неодушевлёнными предметами (*машина*, *the window / окно*) осмысливается с точки зрения тех действий, которые над ними обычно совершает человек (человек выполняет определённую последовательность действий для реализации

соответствующих событий: поворачивает ключ в замке зажигания, чтобы *завести машину*; поворачивает ручку окна в необходимое положение, чтобы его *открыть*, и др.). Иными словами, неодушевлённая сущность в квазисубъектной модели наделяется признаком одушевлённости и способностью самостоятельно выполнять некие действия, при этом возможность их реализации обуславливается свойствами и качествами данной сущности. В языковом выражении данный участник ситуации может быть представлен различными существительными, которые обозначают неодушевлённые объекты (*дверь, окно, lamp / лампочка, car / машина* и др.).

Следующим элементом ситуации, описываемой с помощью квазисубъектной модели, выступает компонент «действие», включающий все действия, которые потенциально возможно совершить с данным объектом. При этом следует отметить наличие неслучайной связи между неодушевлённым предметом и соответствующим действием во внеязыковой действительности, которая предопределяет формат представления описываемой ситуации и выбор соответствующих языковых средств [Сулейманова 2023: 74]. Так, для неодушевлённого объекта *дверь* сопутствующими будут такие действия, как *открываться, закрываться, распахиваться, раскрываться, отворяться, приоткрываться, захлопываться, устанавливаться, ломаться, краситься, блокироваться, фиксироваться, выбиваться, сниматься* и др. Как представляется, между объектом *дверь* и отмеченными выше действиями во внеязыковой действительности существует устойчивая неслучайная связь: описывается характерная функция двери (различные способы открытия, закрытия двери), а также такие действия, которые реализуются в тех случаях, когда в процесс вовлекаются посторонние лица (*устанавливаться, ломаться, краситься, блокироваться*). Ср. ситуацию с предметом *книга*, для которого набор возможных действий также определяется наличием неслучайной связи между данными актантами во внеязыковой действительности: *Книга читается / пишется*, но **Книга красится / ломается*. Вербализуются данные действия в русской квазисубъектной модели с помощью глаголов с формантом *-ся*, тогда как в

английской модели имеет место глагол в форме активного залога (*The door opens, closes, shuts, breaks, etc.*), т.е. в английском языке выстраивается иной фрейм с точки зрения приписываемой агенту активности или пассивности. Иными словами, одна и та же внеязыковая ситуация обозначается различными языковыми средствами, которые в целом отражают исходную семантику, однако имеет место некоторое содержательное смещение [Сулейманова 2023: 79], проявляющееся в различии в выстраиваемых фреймах через использование возвратных глаголов в русском языке и глаголов в форме активного залога в английском языке. Возвратные глаголы, отличительной особенностью которых является формант *-ся* (см. о значении форманта *-ся* п. 1.3), в данном случае имплицитно задают наличие некоего постороннего лица, за счёт усилий которого выполняется соответствующее действие, и неодушевлённая сущность представляется как реальный производитель действия. Ср. высказывание *Дверь легко открывается*, где ситуация имплицитно задаёт наличие внешнего лица, которое даёт оценку реализуемому действию. В английском языке, напротив, глаголы в форме активного залога не предполагают наличия некой внешней силы, которая будет способствовать реализации описываемого действия. Ср. английское высказывание *The door opens easily*, где действие представлено как реализующееся за счёт внутренних свойств и качеств неодушевлённого предмета.

Третьим обязательным элементом описываемой в квазисубъектной модели ситуации выступает характеристика соответствующего действия, указывающая на его значимые параметры с помощью наречий. Так, действию во внеязыковой действительности можно дать оценку (*хорошо, плохо, нормально*), описать скорость производимого действия (*быстро, медленно*), его сложность (*легко, туго*) или звуковое сопровождение (*тихо, бесшумно, неслышно, шумно*): *Дверь плохо / быстро / тихо закрывается*. В ситуации *Книга легко читается* характеристика *легко* указывает на отсутствие сложности в реализации действия *читается*, что определяется при этом свойством предмета *книга* (книга написана простым языком, что не затрудняет процесс чтения). Ср. также *Дверь внезапно открывается / закрывается* vs. **Дверь внезапно красится*, где между

характеристикой *внезапно* и действиями *открывается, закрывается* наблюдается существующая во фрейме неслучайная связь: отмечается, что действие выполняется резко, очень быстро, что невозможно в ситуации с действием *красится*, для выполнения которого обычно требуется определённое количество времени.

Таким образом, между элементами фрейма квазисубъектной модели наблюдаются неслучайные связи, которые определяют выбор языковых средств для вербализации соответствующей ситуации. Как представляется, структуру фрейма исследуемой модели можно представить следующим образом (Схема 1), где все составные элементы взаимосвязаны.

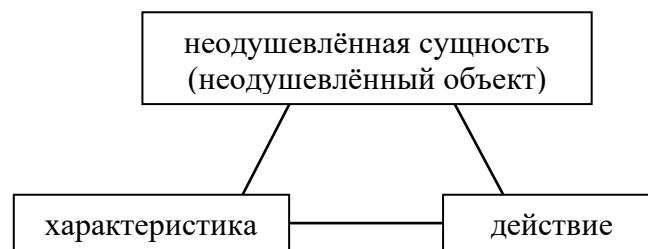

Схема 1 – Структура фрейма ситуации,
описываемой с помощью квазисубъектной модели

Принимая во внимание рассмотренные выше особенности значения и других сопоставимых единиц, вслед за О. Н. Селиверстовой мы полагаем, что значение может быть интерпретировано как информация с учётом следующих ограничений:

1) значение представляет собой знаковую информацию, а именно ту информацию, которую звуковая или графическая последовательность данной языковой единицы передаёт о её денотате [Селиверстова 2004: 35] (т.е. имеется некая форма, наделённая содержанием, например, цвет сигнала светофора, который «значим не сам по себе, а как указание на стоящее за ним содержание» [Сулейманова 2018а: 70]);

2) значение передаётся через те элементы звуковой и графической последовательности, которые имеют языковую релевантность, т.е. информация сообщается через означающее языкового знака [Селиверстова 2004: 35]. Отметим,

что речь идёт не о форме языкового знака (использование определённого шрифта, цвета текста, тембра и громкости голоса может иметь под собой основание, а именно: привычка оформлять текст соответствующим образом, автор стремится привлечь внимание к конкретным элементам сообщения и др.), а об информации, которую языковая единица передаёт о денотате [Сулейманова 2018а: 70];

3) значение передаёт информацию, которая будет получена любым носителем данного языка или представителям достаточно большой группы говорящих на данном языке [Селиверстова 2004: 35]. Данное положение также представляется релевантным в свете того, что оно обеспечивает успешность коммуникации между носителями языка [Сулейманова 2018а: 70];

4) значение представляет собой информацию, которую носитель языка получит через означающее языкового знака и только через него, при этом любые дополнительные сведения, возникающие в сознании носителя языка на основании общего смысла высказывания или того, что уже было известно о денотате, не принадлежат значению языковой единицы [Селиверстова 2004: 36] (т.е. энциклопедические знания, прагматические компоненты высказывания не входят в состав значения языковой единицы [Сулейманова 2018а: 72]).

Таким образом, данное определение помогает отнести к содержанию значения только ту информацию, которую «получит любой носитель языка при появлении в речи означающего данного знака» [Сулейманова 2018а: 74]. Можно отметить, что значение является надындивидуальным, т.е. у носителей языка понимание значения совпадает, а именно: если бы каждый человек понимал значение слова в каждом случае по-своему, люди не смогли бы понять друг друга, что привело бы к коммуникативной неудаче. Надындивидуальность значения подтверждается тем, что, во-первых, цель коммуникации, как одной из основных функций языка, достигается путём передачи информации через значение, которое разделяется всеми участниками коммуникации. Во-вторых, значению присуща индивидуальность только в том случае, когда рассматривается прагматика фразы [Сулейманова 2015: 81].

Например, высказывание *Ручка поворачивается туго* без учёта прагматики будет пониматься носителями языка одинаково, т.е. данной фразой вносится информация о том, что при использовании определённой детали механизма возникают трудности и не представляется возможности с лёгкостью повернуть её в нужное положение. Только за счёт прагматики фраза может пониматься реципиентами по-разному (*детали были не смазаны / что-то попало внутрь и мешало повернуть ручку / механизм был повреждён / конструкция была бракованная* и др.). Иными словами, без дополнительного контекста данную фразу каждый носитель языка поймёт одинаково.

Будучи надиндивидуальным, значение также является постоянным, т.е. не представляется оправданным говорить о его изменчивости. Иными словами, если бы значение языковой единицы постоянно изменялось, люди также не смогли бы понять друг друга. Случаи непонимания значения могут быть связаны с тем, что либо говорящий не смог передать информацию с помощью нужных, точных слов, либо с тем, что слушающий не владеет определёнными знаниями или не понимает прагматику фразы. Следует также отметить, что «слово может получать новые значения путём семантического словообразования», однако слово не теряет своего старого значения, которое остаётся неизменным; таким образом, значение слова не является, во-первых, индивидуальным образованием (понимаемым каждым человеком по-разному), и, во-вторых, не изменяется [Сулейманова 2015: 81–82]. В определённых случаях, помимо знания значения языковой единицы, для интерпретации смысла высказывания действительно могут понадобиться дополнительные энциклопедические знания или прагматические компоненты высказывания. Без достаточного контекста любая фраза будет иметь одинаковый смысл и значение для любого носителя языка [Сулейманова 2017а: 414].

Следует отметить, что из адекватного описания значения не вытекают все особенности употребления языковой единицы, поскольку при определённых факторах могут возникнуть отклонения от её употребления (например, говорящий передаёт неверные сведения о денотате), однако такие отклонения обычно являются случайными [Сулейманова 2018а: 80]. Вместе с тем с помощью

адекватного семантического описания языковой единицы представляется возможным предопределить набор сведений, которые носитель языка получит при восприятии языковой единицы, и только через неё, а также предсказать, «какие свойства должны быть приписаны объекту, чтобы его можно было сделать денотатом описываемой языковой единицы» [Сулейманова 2018а: 80–81]. Таким образом, уточнение природы значения позволяет получить более точное семантическое описание тех или иных языковых единиц; в контексте данной работы это значение квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well*.

1.2. Типы субъекта

В настоящее время проблема определения субъекта, его типов и роли в высказывании представляется актуальной, в частности, в соотношении синтаксиса и семантики [Теория функциональной грамматики 1992; Сулейманова 2000; Бондарко 2002; Мустайоки 2006; Кобринина 2007; Золотова 2010; Фомина 2015а, 2015б, 2020, 2022; Функциональный синтаксис русского языка 2022]. Так, в рамках когнитивной лингвистики выделяется *субъект*, содержание которого включает в себя информацию о том, что в каждом событии присутствует такой элемент, который является инициатором или источником данного события, при этом сам элемент этим же событием характеризуется [Кобринина 2007: 220]. Кроме того, концепт *субъект* содержит в себе знания о том, что источник события может выполнять ряд различных семантических функций [Бондарко 2002: 596]. Речь может идти о реальном производителе действия, который представлен как агенс, грамматически оформляемый в предложении с помощью именной группы в именительном падеже и занимающий позицию подлежащего (*Мальчик прочитал книгу*). Субъект может выступать в качестве носителя состояния, который характеризуется семантической ролью экспериенцера. В данном случае субъект также может быть грамматически представлен как именная группа в

именительном падеже и занимать позицию подлежащего, однако имеют место такие высказывания, в которых субъект-экспериенцер представлен другими грамматическими средствами, например, именными группами в дательном, винительном падеже и др. [Золотова 2010: 135]. Ср. *Он спит*, где субъект занимает позицию подлежащего и выражается с помощью местоимения *он* в форме именительного падежа. В высказывании *Мне не спится*, напротив, субъект-экспериенцер представлен местоимением в дательном падеже, которое при этом не занимает позицию подлежащего в предложении. Существует мнение, что в таких высказываниях, как *Мне не спится*, *Ему холодно*, *Больного знобит*, структурный компонент, грамматически оформляемый с помощью именных групп в косвенных падежах, является подлежащим, что влечёт за собой необходимость расширить традиционное представление о морфологическом облике подлежащего [Золотова 2010: 139]. Данное положение вызывает возражение [Сулейманова 2000: 82]. Многие исследователи отмечают, что подлежащим может являться только такой член предложения, который реализуется в форме именительного падежа, поскольку данный падеж приписывает подлежащему грамматическую независимость [Арутюнова 1969: 40; Попов 1974: 27; Долин 2009: 51]. По мнению В. А. Белошапковой, только именительный падеж может диктовать морфологические формы связанного с ним сказуемого [Современный русский язык 1989: 629]. Например, в высказывании *Ученик решил задачу* морфологическая форма сказуемого зависит от существительного *ученик*, занимающего позицию подлежащего (ср. *ученица решила*, *ученики решили*, где в случае изменения рода и числа существительного происходит изменение морфологической формы сказуемого). Само подлежащее (*ученик*) в данном предложении выступает грамматически независимым компонентом. Напротив, в высказываниях *Мне не спится*, *Девочке не спится*, *Отцу не спится* лексические единицы *мне*, *девочке*, *отцу*, которые, по мнению Г. А. Золотовой, выполняют функцию подлежащего, не влияют на следующий за ними предикативный компонент высказывания: форма глагола *спится* не меняется при замене исходного именного компонента на другие лексические

варианты (существительное в женском, мужском роде). Аналогичная ситуация наблюдается в высказываниях *На улице холодно, В комнате много народу*, где между составными компонентами предложения не наблюдается грамматической зависимости (т.е. морфологическая форма наречия *холодно* и именной группы *много народу* не зависит от локативного члена высказывания *на улице, в комнате*). В данной работе мы будем относить к подлежащему только те языковые единицы, которые представляют собой именные группы в именительном падеже.

Возвращаясь к теме семантических функций, которые может реализовывать субъект в высказывании, отметим, что субъект может быть представлен как объект действия, являясь тем самым пациентом. Грамматически данный тип субъекта также может оформляться именными группами в именительном или косвенных падежах. Ср. высказывания *Медведь убит охотником* и *Рассказ не приняли*, где предцизируемый компонент может выражаться существительным в именительном падеже (*медведь*) или существительным в родительном падеже (*рассказ*). При этом в первом предложении существительное будет занимать позицию подлежащего, тогда как во втором предложении подлежащее отсутствует (в данном случае имеет место неопределённо-личная модель, в рамках которой реальный деятель находится за рамками высказывания: *члены сообщества, читатели*). При этом в обоих высказываниях предцизируемому компоненту приписывается семантическая роль пациента (над данными объектами производится некоторое действие). Таким образом, природа концепта *субъект* представляет собой многоуровневую структуру (Схема 2), где в качестве основных характеристик выступают следующие факторы: семантическая роль или функция, которая приписывается субъекту высказывания (агенс, пациент, экспериенцер и др.); позиция в предложении (представлен ли субъект подлежащим в высказывании или другими синтаксическими единицами); грамматические характеристики (т.е. грамматическое оформление субъектного компонента высказывания).

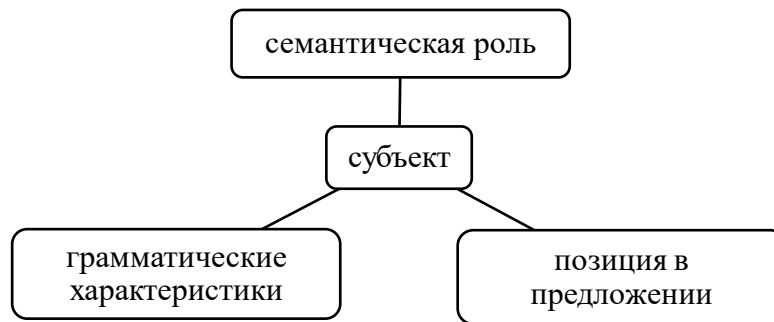

Схема 2 – Структура концепта *субъект*

С учётом того, что субъект в высказывании может оформляться различными способами и занимать различные позиции в предложении, представляется возможным говорить о субъекте как о носителе предикативного признака (НПП), т.е. субстанции, которой приписывается предикативный признак. В качестве НПП могут выступать подлежащее или другие синтаксические элементы, «выполняющие функцию предикативного компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект (в пассивных конструкциях – объект)» [Теория функциональной грамматики 1992: 54]. Введение данного понятия позволяет отнести к НПП целый ряд синтаксических явлений, которые наряду с подлежащим могут являться предикативными компонентами синтаксической структуры и репрезентировать носителя предикативного признака [Там же: 64]. Например, обращение к понятию НПП представляется эффективным при анализе безличных моделей типа *В комнате жарко, У меня в ухе звенит*, в синтаксической структуре которых подлежащее не выражено вербально, нет субъекта, а НПП соответствует пространственному компоненту (*В комнате, У меня в ухе*) [Сулейманова 2000; Фомина 2015а, 2015б]. Иными словами, введение понятия НПП позволяет «сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном истолковании» [Теория функциональной грамматики 1992: 60].

Отметим, что в рамках НПП разграничиваются и соотносятся как структурные, так и семантические функции, связанные с определёнными средствами формального выражения. Иными словами, НПП видится как двусторонняя единица, а именно единица как синтаксического, так и

семантического плана. Отметим, тем не менее, что НПП не сводится к понятию *семантического субъекта* [Сулейманова 2000: 81]. Так, например, в высказываниях типа *Рассказ не приняли* НПП будет соответствовать не семантическому субъекту, а семантическому объекту [Теория функциональной грамматики 1992: 57]. В данном случае семантический субъект остаётся за рамками высказывания (*сообщество, читатели* не приняли рассказ), тогда как компонент *рассказ* выступает как объект, на который направлено действие, и будет соответствовать НПП.

Кроме того, при анализе высказывания необходимо учитывать связь семантической и синтаксической стороны отношений, которые наблюдаются между НПП и предикативным признаком. Например, в высказывании *Задача вами решена* в качестве семантического НПП, соотносящегося при этом со структурным НПП, будет выступать объект действия (существительное *задача*, представленное в форме именительного падежа и занимающее позицию подлежащего). В высказывании наряду с этим присутствует ещё один связанный с предикатом *решена* семантический элемент, а именно реальный исполнитель (семантический субъект) действия, выражаемый местоимением *вами*, который не соотносится со структурным НПП, поскольку данная позиция занята другим элементом. Данное агентивное дополнение находится за пределами структурного предикативного отношения и, следовательно, не может рассматриваться как НПП. Иными словами, в рассматриваемом высказывании наблюдается только один НПП, выражаемый подлежащим *задача* [Там же: 56].

Таким образом, взаимосвязь НПП, формальных способов его выражения (синтаксический план выражения), а также соотношение НПП с семантическим субъектом или объектом в предложении (семантический план выражения) можно представить следующим образом (Схема 3).

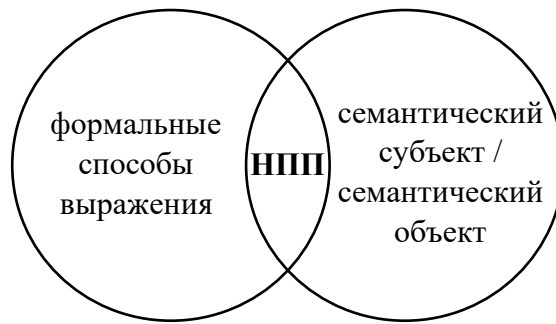

Схема 3 – Взаимосвязь НПП, его семантического и синтаксического плана выражения

В исследуемых квазисубъектных моделях можно отметить следующее. Например, в высказывании *Законы постоянно нарушаются* структурному и семантическому НПП соответствует подлежащее *законы*, и предикат *нарушаются* позволяет предположить наличие некоего внешнего деятеля, который будет совершать соответствующее действие (ср. *Законы постоянно нарушаются чиновниками*). Ср. также *Книга легко читается*, где событие *читается* подразумевает наличие некоего лица, усилиями которого оно будет реализовываться. В данном случае, однако, требуется специально вводить агентивное дополнение в высказывание, тогда как в исходных предложениях какое-либо указание на наличие внешнего деятеля отсутствует. Событие, напротив, рассматривается с точки зрения свойств и характеристик подлежащего (*законы, книга*), которые обуславливают реализацию соответствующих действий (*нарушаются, читается*), т.е. в некоторой степени подлежащее в исследуемых моделях выполняет функцию семантического квазисубъекта. Ср. также следующую ситуацию: *Лампочка ярко светится*, где нет необходимости вводить агентивное дополнение, которое будет указывать на реального исполнителя действия. Кроме того, невозможно преобразование типа: **Лампочка ярко светится проводками*. Следующее событие также рассматривается с точки зрения неких свойств и качеств подлежащего *лампочка*, однако в данном случае оно будет являться реальным производителем действия (лампочка обладает такими компонентами, механизмами, которые обуславливают её возможность светиться), т.е. будет как НПП, так и семантическим субъектом высказывания. Таким образом, в рамках квазисубъектных моделей в качестве НПП будут выступать те

элементы, которые занимают позицию подлежащего в предложении, что позволяет использовать понятия *(квази)субъект* и *носитель предикативного признака* недифференцированно.

Как отмечалось ранее, источником события, описываемого в высказывании, может выступать не только реальный производитель действия – агенс (*Он внимательно прочитал книгу, Ребёнок случайно разбил окно в школе*), но и носитель некоего состояния – экспериенцер (*I feel anxious about the meeting / Я волнуюсь из-за встречи, Мне холодно*), объект действия – пациенс (*The letter was hastily written / Письмо было написано в спешке, Крышу сорвало ветром*) и др., которым в предложении приписывается одинаковая функция создания или детерминации предикативного признака, или креативность, по А. В. Бондарко [Теория функциональной грамматики 1992]. Наличие признака креативности, которым наделяется субъект по отношению к предикату, допускает обобщённое и расширенное толкование субъекта с учётом его языковой интерпретации, что позволяет включить в данную категорию даже такие элементы, которые в реальности не могут что-либо создавать, иными словами, отнесение их к категории субъекта не обусловлено знаниями внешнего мира [Кобрина 2007: 220–221]. Например, неодушевлённые предметы в реальности не могут являться производителями действий, однако в квазисубъектных моделях типа *Автомобиль равномерно движется* субъект действия *автомобиль* рассматривается как источник движения (в реальности движение автомобиля и его скорость зависит от действий человека).

Таким образом, представляется возможным выделить типы субъекта, которые характеризуются определённым набором признаков. Так, в работе [Кобрина 2007: 225] в качестве существенных признаков субъекта отмечаются следующие: 1) одушевлённость; 2) энергетическая активность; 3) каузативность (проявляется в тех случаях, когда субъект только инициирует действие, но не является его исполнителем); 4) намеренность (волитивность); 5) контролируемость; 6) креативность (создание) предикативного признака. В зависимости от набора данных признаков выделяют следующие типы субъекта:

– **субъект-агенса**, к которому относятся одушевлённые субстанции, проявляющие энергетическую активность, способные намеренно производить и контролировать действие и обладающие признаком креативности: *John wrote the letter* / Джон написал письмо; *Сестра задёрнула шторы*;

– **субъектом – источником процесса** могут выступать одушевлённые или неодушевлённые объекты, которые характеризуются признаком псевдоактивности, – иными словами, данному субъекту приписывается некоторая степень активности, которая связана с его способностью менять своё состояние: *Our coats soon dried* / Наши пальто вскоре высохли; *Занавески выцвели*. Таким образом, данный тип субъекта занимает промежуточное положение между собственно активными и неактивными субъектами;

– в основе **субъекта свойства** лежат однотипные действия регулярного характера, которые выражают свойства и привычки субъекта (*курить, работать, to paint / рисовать, to sing / петь* и др.). Свойства в данном случае представляют собой результат абстрагирования от конкретных действий субъекта и описывают события, которые не конкретизированы во времени. Такая абстрагированность от конкретных агентивных функций субъекта позволяет перенести свойство на неодушевлённые объекты: *Она много читает – Книга легко читается, The window opens easily* / Окно легко открывается. Данный субъект характеризуется генерализованной активностью, одушевлённостью или неодушевлённостью и креативностью;

– **субъект состояния** может вносить информацию о разнородных действиях, которые характерны для определённого состояния субъекта, его эмоций и чувств, физических и умственных способностей (*to desire / желать, to love / любить, to hate / ненавидеть, to hear / слышать, to feel / чувствовать, to think / думать* и др.). Данный субъект отличается нереферентной активностью, одушевлённостью или неодушевлённостью и креативностью (*She believed in horoscopes* / Она верила в гороскопы, *Она очень сильно на него злилась*);

– **субъект отношения** позволяет выразить различные типы отношений между элементами события, например, тождество, различие, соответствие и др.

Данный тип субъекта полностью исключает какую-либо характеристику по признаку активности и отличается абсолютной неактивностью: *This car differs from the one I've seen before / Это машина отличается от той, что я видел ранее; Rich means powerful / Сила в богатстве / Богатство – значит сила* [Кобрина 2007: 222–225].

Согласно данной классификации субъект в рассматриваемых квазисубъектных моделях можно отнести к субъектам свойства, поскольку высказывания данного типа вносят информацию о конкретных свойствах и качествах описываемого объекта. Признаки данного типа субъекта, тем не менее, не позволяют определить особенности реализуемых событий. Ср. ситуации *Лампочка ярко светится* и *Законы постоянно нарушаются*, в которых с помощью наречий отмечаются свойства субъекта и характеристики действия, однако степень активности субъекта представляется разной: *лампочка ярко светится* благодаря особенностями своей конструкции, тогда как *законы постоянно нарушаются* за счёт действий внешних лиц. Следовательно, необходимо обратиться к другим классификациям типов субъекта, которые позволят в дальнейшем описать особенности реализации типов субъекта в рамках квазисубъектных моделей.

Обратимся к работе О. Н. Селиверстовой «Семантические типы предикатов», где предлагается семантическое описание предикативных структур в связи с типами используемых в них субъектов [Семантические типы предикатов 1982]. Так, предикаты могут классифицироваться по признаку «активности / неактивности» (или «статичности / нестатичности»). Выделить данный признак возможно с помощью семантических тестов, которые изначально были предложены в работах Дж. Лакоффа и далее широко использованы и дополнены в исследованиях других учёных. Среди некоторых отличительных признаков, например, неактивных (стативных) предикатов в английском языке были выделены следующие: отсутствие формы повелительного наклонения; невозможность их употребления с наречиями *enthusiastically*, *reluctantly*; невозможность их употребления с модальным глаголом *may* в значении

разрешения и др. [Семантические типы предикатов 1982: 109–110]. Тем не менее такой подход к описанию предикатов не позволяет получить исчерпывающее описание роли субъекта действия в исследуемых моделях, поэтому требуется обратиться к другим признакам, связанным с представлениями об активности / неактивности предикатов.

О. Н. Селиверстова рассматривает ряд признаков предикатов Р в семантической структуре высказывания, выделяя член предложения X, который занимает позицию субъекта независимо от его синтаксической функции и конкретной семантической характеристики при условии, что в предложении не присутствует другой деятель. Обозначение Z указывает на наличие какой-либо внешней силы по отношению к X-у, которая влияет на реализацию события Р [Семантические типы предикатов 1982: 110–111].

О. Н. Селиверстова предлагает типологию предикатов в зависимости от следующих особенностей субъекта X. Так, значимым оказывается, является ли роль X-а определяющей для осуществления Р или же Р возникает за счёт некоторой внешней силы Z. При наличии силы Z роль субъекта X будет неопределяющей, однако X не обязательно будет пассивен. Субъект может прикладывать определённые усилия для осуществления Р, но появление Р в итоге будет зависеть от силы Z, т.е. основную роль в реализации Р будут играть некие внешние обстоятельства. Например, в высказывании *Мы получили прекрасный результат* субъект X (*мы*) прикладывает усилия для того, чтобы действие Р (*получить результат*) имело место, однако определяющую роль играют некие внешние обстоятельства или факторы [Семантические типы предикатов 1982: 111]. Рассмотрим высказывание *Вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются*. В данном предложении можно выделить два субъекта: X1 (*вещество*) и X2 (*антивещество*), со стороны которых можно наблюдать приложение усилий для осуществления действия (вещество и антивещество обладают определёнными свойствами и характеристиками, которые позволяют им соприкоснуться друг с другом; между веществом и антивеществом наблюдается сила притяжения, которая обеспечивает их соприкосновение друг с

другом), однако конечное положение дел зависит от наличия некой внешней силы Z (например, химическая реакция, условия внешней среды, особенности поверхностей и т.д.), которая является определяющей при появлении P (*уничтожаются*). Ср. оригинал данного высказывания на английском языке: *If antimatter and matter make contact, both **are destroyed** instantly*, где наличие внешней определяющей силы Z передаётся с помощью формы пассивного залога соответствующего глагола (*are destroyed*).

В случаях, когда осуществление и поддержание P полностью зависит от внешней по отношению к X-у силы, X является страдательным (пациентом) [Семантические типы предикатов 1982: 111]. Так, в высказывании *Законы нарушаются постоянно* субъект X (*законы*) не является определяющим условием для появления P (*нарушаются*). Напротив, присутствует некая внешняя сила Z (например, группа людей), которая обуславливает наличие P. Таким образом, в данном случае X будет пациентом.

В ситуациях, когда X является определяющим для реализации P, О. Н. Селиверстова выделяет следующие типы субъекта: агентивный, неагентивный и несобственно агентивный субъект. Агентивный субъект характеризуется тем, что X прикладывает усилия для реализации P или же проявляет волеизъявление [Семантические типы предикатов 1982: 111]. Например, можно говорить об агентивном субъекте в таких высказываниях, как *Он читает, Он продаёт*, однако в высказываниях *Книга легко читается, Товар хорошо продаётся* не представляется оправданным говорить об агентивном субъекте, так как соответствующие предикаты P1 (*читается*) и P2 (*продаётся*) вносят информацию о наличии неких внешних условий для их реализации, что указывает на присутствие неопределяющего неагентивного субъекта в составе высказываний.

Неагентивный субъект в свою очередь независимо от самого себя является источником энергии, которая определяет возникновение и поддержание P. При этом X не прилагает усилий для осуществления данного действия, и воздействие производится благодаря внутреннему источнику энергии субъекта

[Семантические типы предикатов 1982: 111–112]. Например, в высказывании *Лампочка-индикатор быстро загорается* субъект *X* (*лампочка-индикатор*) можно отнести к неагентивным, так как предположительно для осуществления *P* (*загорается*) данный *X* полагается на внутренний источник энергии (ср. также *Индикатор загорится сразу, Огонь быстро распространяется*).

Под несобственно агентивным субъектом понимается следующее: *X* прилагает усилия для осуществления *P* помимо своей воли или бессознательно. О. Н. Селиверстова отмечает, что такой вид субъекта возможен при предикатах типа *вздвогнуть, вскрикнуть* и др. [Семантические типы предикатов 1982: 112]. На данном этапе настоящего исследования при анализе квазисубъектных моделей пока не было выделено высказываний, которые содержали бы несобственно агентивные субъекты.

Принимая во внимание предложенные О. Н. Селиверстовой типы субъекта, которые могут характеризовать предикаты, обратимся также к работе Т. Д. Шабановой «Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование» [Шабанова 1998].

Согласно работе Т. Д. Шабановой, определение типа предиката зависит от набора признаков, которые входят в состав семантической роли предиката. Под «семантической ролью» в данном случае понимается семантическая категория, позволяющая описывать отношения между участниками называемой предикатом ситуации. В качестве признаков рассматриваются такие понятия, как сила, приложение силы, инициатива и контролируемость приложения силы, осознаваемость / неосознаваемость приложения силы [Шабанова 1998: 43]. Рассмотрим подробно данные признаки и определим степень их применимости к исследуемым квазисубъектным моделям.

Так, возникновение определённого действия или новой фазы действия обеспечивается приложением силы со стороны некоего источника энергии. Приложение силы в данном случае может исходить как от самого субъекта действия, так и извне [Шабанова 1998: 44] (например, в вышеотмеченном примере *Законы нарушаются постоянно* приложение силы для осуществления

действия *нарушаются* обеспечивается неким внешним лицом). Вместе с тем приложение силы может иметь несколько векторов, в частности, по источнику силы и по направлению её приложения. В работе в качестве примера приводится предложение *Он заставил меня съесть хлеб*, где источником приложения силы для осуществления действия *съесть* выступает не только сам субъект данного действия (*меня*), но и другое лицо (*он*) [Шабанова 1998: 44]. В нашем случае такое положение дел, когда приложение силы производится по разным векторам, можно наблюдать в приведённом выше примере: *Вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются*, где, как уже отмечалось, два субъекта – X1 и X2 – прикладывают усилия для осуществления действия, однако конечная фаза действия зависит от воздействия внешней силы. В качестве другого примера можно привести высказывание *Перегретый жир и масло легко возгораются*, где приложение силы для реализации действия (*возгораются*) исходит как от субъектов X1 (*жир*) и X2 (*масло*) (происходит процесс *перегревания*), так и от некоего внешнего источника энергии (некое лицо может поджечь перегретую смесь и др.).

Приложение силы также может получать различное языковое представление. Во-первых, можно говорить о приложении физической силы определёнными субъектами (в работе Т. Д. Шабановой говорится о работе органов зрения, физические усилия которых направлены на объекты внешнего мира и не контролируются психической деятельностью субъекта – носителя органов зрения); во-вторых, имеет место волевое приложение силы, которое возникает в результате психической деятельности субъекта. В данном случае источником приложения силы является один и тот же субъект, однако формы существования данной силы различны. В связи с этим понятие «приложение силы» рассматривается в совокупности с такими признаками, как инициатива, контролируемость и осознаваемость. При этом стоит принимать во внимание «структуру предиката на линейной оси времени, поскольку каждый из признаков по-разному проявляет себя на отдельных этапах временного континуума действия» [Шабанова 1998: 46] (см. о значимости оси времени для используемых

предикатов в исследуемых квазисубъектных моделях в п. 1.5). Под инициативой понимается ситуация, когда субъект X, будучи носителем свободной воли, может являться инициатором действия и контролировать его как на начальной стадии предиката, так и на срединной и конечной стадиях. При этом волевое приложение силы стимулирует начало приложения физической силы на предшествующей стадии предиката. В случаях, когда X не является инициатором, волеизъявление субъекта может проявиться на последующих стадиях предиката, контролируя тем самым процесс действия и его прерывание. Приложение же физической силы подвластно не только свободной воле субъекта, но и может быть осуществлено извне без участия самого субъекта действия [Шабанова 1998: 46].

Приложение силы в свою очередь характеризуется таким параметром, как контролируемость, который предполагает приложение субъектом волевых усилий для сознательного управления действием на различных его стадиях (начинание, продолжение, изменение, прекращение, завершение и пр.). В случае если субъект может сознательно управлять действием (может начать или прекратить действие), в семантической роли предиката присутствует семантика контролируемости. Напротив, если приложение силы осуществляется без сознательного управления со стороны субъекта, семантика контролируемости отсутствует. Таким образом, представления «инициатива» и «контролируемость» связаны с приложением волевой силы субъекта, при этом инициатива проявляется как волеизъявление на предшествующем этапе действия, тогда как волеизъявление на всех последующих стадиях проявляется как контролируемость [Шабанова 1998: 47].

Следует отметить, что признак «контролируемость» характерен только для предикатов, субъект которых является одушевлённым лицом, которое потенциально имеет возможность управлять процессом приложения силы [Шабанова 1998: 47]. Например, можно говорить о контролируемости действия в следующем предложении: *Мальчик хорошо учится*, где субъект X (*мальчик*) проявляет инициативу для осуществления действия (*учится*) и контролирует его процесс в целях достижения определённого уровня производительности (*хорошо*). Напротив, в предложении *Книга хорошо продаётся* нельзя говорить об

инициативе субъекта и контролируемости им действия (*книга* физически не может сама осуществлять какие-либо действия для того, чтобы обеспечить высокие уровни продаж; данное положение дел обеспечивается действиями внешних субъектов, например, читателям книга очень нравится, книгу хорошо прорекламовали и т.д.). С помощью соответствующих тестов представляется возможным определить наличие контролируемости в семантической структуре исследуемых моделей. Например, тесты с глаголами *прекратить* и *перестать* позволяют определить степень контролируемости действия субъектом: глагол *прекратить* обозначает полную контролируемость действия субъектом, тогда как *перестать* указывает на отсутствие контролируемости [Сулейманова 2000: 94]. Так, можно сказать *Книга перестает хорошо продаваться*, что указывает на отсутствие контролируемости действия со стороны самого субъекта (что не отменяет наличия внешних сил, которые могут повлиять на субъект действия, как было указано выше, или наличия внутреннего источника энергии). Ср. **Книга прекращает хорошо продаваться*, где невозможность использования глагола *прекратить* указывает на отсутствие контролируемости действия со стороны субъекта. Данное положение также подтверждается отсутствием результатов в поисковой системе Google, где не представлены примеры использования данного выражения с глаголом *прекратить* (о роли поисковых систем в лингвистических исследованиях см. п. 2.3). Следует учитывать, что при введении в поисковую строку выражения *прекращает хорошо продаваться* (без начального элемента *книга*) поисковая система также не выдаёт результатов по данному поисковому запросу (Рисунок 3), тогда как для выражения *перестает хорошо продаваться* предлагаются возможные варианты начального компонента (*Minecraft не перестает хорошо продаваться; товар перестает хорошо продаваться; продукт перестает хорошо продаваться* и др.) (Рисунок 4). Следовательно, семантическая структура исследуемых квазисубъектных моделей характеризуется контролируемостью действия, однако она исходит не от самого субъекта, а от некой внешней силы.

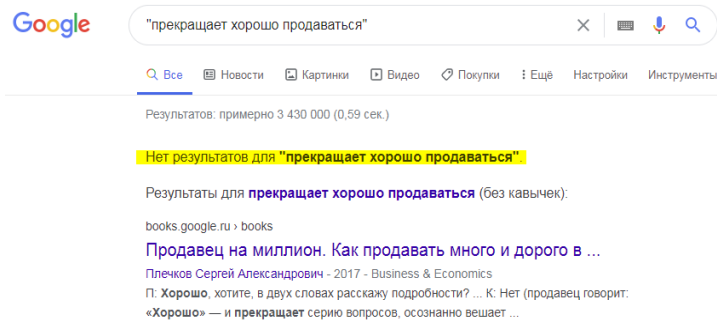

Рисунок 3 – Результаты поискового запроса для теста с глаголом *прекратить* (дата обращения: 12.01.2023)

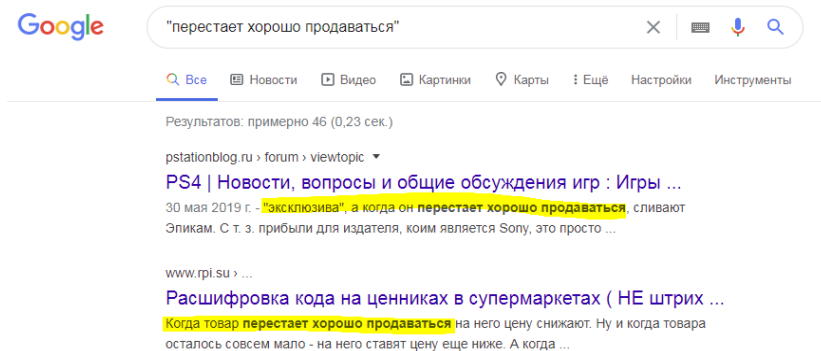

Рисунок 4 – Результаты поискового запроса для теста с глаголом *перестать* (дата обращения: 12.01.2023)

Следует, однако, обратить внимание на такую ситуацию, когда субъект не контролирует действие сознательно, но контроль осуществляет на подсознательном уровне. Данное положение объясняется тем, что субъект может довести действия до автоматизма и не проявлять в данном случае волеизъявления для их совершения либо субъект потенциально имеет возможность совершать определённые действия [Шабанова 1998: 48]. Например, в предложениях *Освещение включается автоматически, Замок автоматически защёлкивается* можно говорить о «подсознательном контроле» субъектом (*освещение, замок*) над действием (*включается, защёлкивается*), о чём позволяет судить наличие в данных моделях наречия *автоматически*. Данное наречие указывает, что субъект может сам и без посторонней помощи совершать соответствующее действие, и особые характеристики (например, установленные механизмы, программы), необходимые для осуществления данного действия, изначально заложены в субъекте. В данном случае имеет место «автоматическая контролируемость»

действия [Шабанова 1998: 48]. Тем не менее, учитывая, что в квазисубъектных моделях субъект высказывания представляет собой неодушевлённый объект, о «подсознательности» его действий говорить не приходится. В данном случае речь идёт скорее о запрограммированности субъекта на выполнение определённого действия при полном отсутствии волеизъявления и усилий со стороны внешних объектов. В силу того, что такие высказывания представляют собой особые случаи реализации квазисубъектных моделей, высказывания с наречием *автоматически* были исключены из списка собранного материала, однако могут выступить предметом дальнейшего исследования.

Пара признаков осознаемость / неосознаемость проявляется в тех случаях, когда субъект X является источником только физической энергии, и его действия не контролируются волеизъявлением, а также когда приложение силы исходит от какого-либо внешнего объекта. При этом возникновение действия P является реакцией X-а на некий стимул, при исчезновении которого действие прекращается. Ср. *Он засмотрелся на девушку*, где действие субъекта (он) прекратится в случае исчезновения стимула (*девушка*). В данном случае, хотя субъект и не проявляет волеизъявления для осуществления действия, он всё равно осознаёт происходящее событие [Шабанова 1998: 48]. Напротив, неосознаемость приложения силы заключается в том, что субъект является лишь источником энергии для возникновения действия P: оно не контролируется волеизъявлением, и субъект не управляет процессом [Шабанова 1998: 49]. Например, можно говорить о неосознаемости в таких предложениях, как *Он вздрогнул*, *Он вскрикнул*, где субъект как бы невольно производит данные действия (ср. описанный выше несобственно агентивный субъект, предложенный О. Н. Селиверстовой). Следует отметить, что термин «осознаемость» в данном случае не представляется удачным, поскольку субъект может осознавать, что с ним происходит, однако участвовать при этом в событии P неосознанно [Сулейманова 2000: 87–88]. В связи с этим далее мы будем использовать термины «сознательно / бессознательно» для описания соответствующих ситуаций.

Для определения сознательного / бессознательного приложения силы можно полагаться на следующие семантические тесты. Например, если субъект X представлен как сознательно прикладывающий усилия для осуществления события Р, то его можно побудить произвести соответствующее действие, используя формы повелительного наклонения [Сулейманова 2000: 88]. Так, можно сказать *Мальчик, учись хорошо*, однако нельзя **Книга, хорошо продавайся*, **Дверца, плотно закрывайся*, что указывает на невозможность сознательного приложения усилий со стороны субъекта в исследуемых моделях. В данном случае событие Р не может быть воспроизведено по желанию X-а или по приказу (просьбе) [Сулейманова 2000: 89]. Следует отметить, что возможны следующие варианты с использованием формы повелительного наклонения: *Сезам, откройся*; *Сим-сим, откройся*; *Ёлочка, зажгись*. Первые два высказывания встречаются в контексте сказок и используются персонажами в качестве заклинаний для открытия прохода в тайное место. В данном случае дверь или проход имеют волшебные свойства, следовательно, могут иметь свой разум и волю, поэтому их можно побудить выполнить некое действие. Высказывание *Ёлочка, зажгись* можно услышать на детском новогоднем утреннике: для детей создаётся атмосфера сказки, в контексте которой любой изначально неодушевлённый предмет может рассматриваться как одушевлённый, имеющий разум и волю и способный сознательно прикладывать усилия для осуществления определённых действий. Существуют также такие высказывания, как *Дверь, открывайся быстрее*, используемые в ситуациях, когда человек раздражён, например, по причине заедания ключа в замке, или находится в состоянии страха и старается скорее оказаться в безопасном месте. Отсюда возможно высказывание, используемое в состоянии отчаяния, тревожности или безысходности: *Да открывайся ты уже быстрее / наконец*, когда к неодушевлённому объекту относятся как к одушевлённому, который можно побудить или заставить выполнить какое-либо действие. Тем не менее данные ситуации имеют место только при соблюдении определённых условий: человек рассказывает сказку, дети играют на утреннике, человек раздражён или испуган. В данной работе,

напротив, рассматриваются такие модели, которые используются носителями языка в повседневной речи, когда не требуется наличия особых условий для реализации высказывания. Поэтому, как отмечалось выше, о сознательном приложении усилий со стороны субъекта в исследуемых моделях говорить не приходится.

Вышеуказанные признаки могут проявляться на различных стадиях предиката (предшествующей, начальной, конечной и др.). Для определения наличия данных признаков в структуре семантической роли предиката обратимся к следующим тестам (частично они уже были представлены выше). Так, семантический признак «инициатива» проявляется на предшествующей стадии предиката, под которой понимается «такой темпоральный сегмент, который предваряет начальный этап фиксированного в предикате периода времени» [Шабанова 1998: 49]. Наличие инициативы в данном случае обеспечивается отсутствием ограничения на употребление предиката в сочетании с такими структурами, как *Я хочу...*, *Я решился...*, *I want...*, *I'd like...* и др. [Шабанова 1998: 50]. Отрицательный языковой материал **Книга **хочет** хорошо продаваться / *The book **wants to** sell well*, **Индикатор **хочет** загораться сразу / The LED **wants to** light up immediately* указывает на отсутствие инициативы субъекта на предшествующей стадии предиката. Данное положение предположительно объясняется тем, что такие признаки, как инициатива и контролируемость, характерны для одушевлённых объектов (за исключением некоторых случаев, когда воздействие контролируется некой внешней силой, как отмечалось выше), поэтому в данном случае об инициативе субъекта в исследуемых квазисубъектных моделях говорить не приходится.

При отсутствии инициативы на предшествующей стадии возможно приложение силы в виде контролируемости на последующих стадиях предиката. Отсутствие ограничения на употребление глаголов в положительной повелительной форме указывает на сознательное управление субъектом X действием P, т.е. субъект контролирует событие на его начальной стадии [Шабанова 1998: 50]. Как указано выше, использование исследуемых моделей

невозможно в данной форме (**Дверца, закрывайся плотно, *Индикатор, загорайся сразу*), что указывает на неконтролируемость действия субъектом X на начальной стадии. Напротив, запрет на употребление глаголов в положительной повелительной форме при отсутствии ограничения на использование глаголов в отрицательной повелительной форме указывает на контролируемость действия на конечной стадии [Шабанова 1998: 50]. Так, отрицательный языковой материал (**Конфорки, не нагревайтесь быстро, *Огонь, не распространяйся быстро*) также указывает на неконтролируемость действия субъектом на конечной стадии. В данном случае семантическая роль субъекта может быть охарактеризована как «Неконтролируемость приложения силы на всех этапах действия» [Шабанова 1998: 51]. Тем не менее это не исключает факта контролируемости действия со стороны внешнего объекта, поскольку тесты с глаголом *перестать* дают положительные результаты и позволяют судить о контролируемости действия на конечном этапе, но со стороны внешнего объекта (см. выше).

Таким образом, на основе рассмотренных признаков Т. Д. Шабанова выделяет следующие семантические роли субъекта:

– **Инициатор** характеризуется приложением волевой силы на предшествующем этапе предикации, что устанавливается с помощью теста с такими структурами, как *Я хочу..., Я решил..., I want..., I'd like...* и др. [Шабанова 1998: 52]. Как было доказано выше, в случае с квазисубъектными моделями об инициативе субъекта говорить не приходится, поскольку в качестве результатов данного теста на выходе мы получаем отрицательный языковой материал. Поэтому данная семантическая роль не находит места в исследуемых структурах.

– **Деятель на «начальной» стадии** характеризуется приложением субъектом волевой и физической силы для осуществления определённого действия, т.е. субъект контролирует событие на его начальном этапе [Шабанова 1998: 54]. Тем не менее анализ рассмотренных особенностей квазисубъектных моделей показывает, что использование данного типа субъекта также невозможно в настоящем исследовании.

- **Деятель на «конечной» стадии** указывает на возможность субъекта проявить свободное волеизъявление и завершить действие [Шабанова 1998: 54]. Данный тип субъекта частично применим к исследуемым моделям, поскольку контролируемость действия на конечном этапе присутствует не со стороны самого субъекта, а со стороны внешней силы. В данном случае можно говорить о неопределяющем агентивном субъекте (см. выше), который прикладывает определённые усилия для осуществления действия, но конечное положение дел будет зависеть от некой внешней силы Z .

- **Осознающий Агентив** указывает на отсутствие контролируемости действия субъектом на всех стадиях предикации, субъект не прилагает волевых усилий для осуществления действия, однако он имеет возможность потенциально контролировать действие. При этом субъект осознает происходящий процесс [Шабанова 1998: 56]. Тем не менее тесты на определение сознательного приложения усилий субъектом дают отрицательный результат, что не позволяет говорить о реализации такого типа субъекта в исследуемых моделях.

- **Неосознающий Агентив** характеризуется тем, что субъект не контролирует событие P , однако оно осуществляется за счёт его энергии [Шабанова 1998: 57]. Данный тип субъекта сопоставим с определяющим неагентивным субъектом, когда субъект X не прилагает усилий для осуществления действия P , а полностью полагается на внутренний источник энергии (см. выше).

- **Агентив, осознающий результат**, характеризуется отсутствием приложения волевой силы со стороны субъекта, однако он является источником физической силы. При этом субъект, в отличие от Осознающего Агентива, осознает не сам процесс действия, а его результат [Шабанова 1998: 58–60]. Учитывая его сходства с Осознающим Агентивом, не представляется возможным говорить о реализации данного типа субъекта в рассматриваемых квазисубъектных моделях.

Таким образом, классификация типов субъекта, предложенная Т. Д. Шабановой, частично находит отражение в исследуемых моделях. Так, в

рамках квазисубъектных моделей реализуются такие типы субъекта, как Деятель на «конечной» стадии и Неосознающий Агентив. Данные типы субъекта можно сопоставить с типами субъекта, предложенными О. Н. Селиверстовой: неопределяющий агентивный субъект и определяющий неагентивный субъект соответственно. В рамках данного исследования для описания выбранных моделей представляется целесообразным обращение к классификации типов субъекта О. Н. Селиверстовой, поскольку большинство компонентов классификации Т. Д. Шабановой не получают реализации в рамках исследуемых квазисубъектных моделей либо имеют аналоги в классификации О. Н. Селиверстовой. Вместе с тем представляется возможным опираться на семантические тесты, предложенные Т. Д. Шабановой для выделения определённых признаков субъектов высказывания, что позволяет распознать тип субъекта и далее разделить языковой материал на соответствующие группы.

Для составления исчерпывающего семантического описания исследуемых структур следует далее рассмотреть тип возвратности глаголов, используемых в рамках квазисубъектных моделей.

1.3. Проблема залога и категория возвратности в русском языке

Прежде чем говорить о категории возвратности глаголов (поскольку формант *-ся* является отличительным маркером возвратных глаголов), реализующихся в рамках исследуемых квазисубъектных моделей, рассмотрим интерпретацию категории залога в русском языке.

Так, под категорией залога В. В. Виноградов, вслед за А. А. Шахматовым, понимает отношение субъекта действия к объекту действия и выделяет три вида залога в русском языке:

– **действительный залог** обозначает, что действие проистекает от самого субъекта [Виноградов 2001: 510]; включает переходные глаголы, при которых подлежащим является производитель действия и которые направлены на объект в

винительном падеже без предлога [Аракин 2005: 121]: *читать книгу, включать плиту, выключать лампочку*;

– **средний залог** (также известный под такими терминами, как «возвратный», «медиаальный» [Виноградов 2001: 505] «возвратно-средний» [Аракин 2005: 121], «средневозвратный» [Досиева 2006: 42]) включает глаголы, образованные от переходных глаголов действительного залога посредством аффикса *-ся*; данные глаголы представляют собой нечто среднее между глаголами действительного и страдательного залогов, поскольку субъект действия в данном случае является как производителем данного действия, так и объектом действия [Виноградов 2001: 505]. Иными словами, глаголы среднего залога «указывают на сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте» [Досиева 2006: 42]. Так, в предложении *Лампочка-индикатор быстро загорается* представлен глагол среднего залога, поскольку субъект (*лампочка-индикатор*) в данном случае является как исполнителем действия (лампочка обладает определёнными свойствами, которые позволяют ей *быстро* загораться, на что указывает выделенное наречие), так и его объектом (некое лицо должно было включить лампочку, чтобы сделать заключение о её свойствах: загорается ли она быстро или медленно);

– **страдательный залог** представлен глаголами, также образованными от глаголов действительного залога посредством присоединения аффикса *-ся* [Аракин 2005: 121], однако, в отличие от среднего (возвратного) залога, подлежащим становится объект действия (т.е. объект становится субъектом действия), а «бывший» субъект может выражаться формой творительного падежа, например: *Лампочка включается нажатием кнопки*. В данном случае можно также говорить о метонимическом переносе: действие постороннего субъекта (*нажимать*) переносится на инструмент, с помощью которого данное действие реализуется (*кнопка*), т.е. метонимический перенос производится через описание способа действия (ср. также *Лампочка включается кнопкой*).

Отметим, что в русском языке не выделяется такой вид залога, как возвратный, и возвратные глаголы, у которых аффикс *-ся* не формирует

страдательного значения, относят к глаголам действительного залога [Русская грамматика 1980а: 615]. Вместе с тем при разграничении форм страдательного и возвратного залога могут возникнуть трудности, поскольку в русском языке глагольные формы страдательного залога могут быть омонимичны формам возвратных глаголов действительного залога, и их разграничение возможно с опорой на элементы контекста (ср. представленные выше примеры с наречием и с конструкцией в творительном падеже).

Как представляется, глагольные формы страдательного залога имеют сходство с возвратными глаголами, которые имеют пассивно-качественную семантику, а также с декаузативами [Алиязишорехдели 2011: 171]. Данные глагольные формы реализуются в предложениях типа *Нитки быстро рвутся*, *Чашка легко разбивается*, *Пятно трудно отстирывается* и др. (т.е. в исследуемых квазисубъектных моделях). Рассмотрим для начала глагольные формы с так называемой пассивно-качественной семантикой, под которой понимается «“постоянная готовность” предмета продуцировать определённое действие в определённых условиях». В данном случае возвратные глаголы, реализующиеся в исследуемых моделях и выступающие в форме несовершенного вида, приобретают качественное значение [Пупынин 2001: 127], иными словами, указывают на возможность или невозможность субъекта подвергаться определённому воздействию.

Исследователи отмечают, что одним из критериев разграничения конструкций страдательного залога и конструкций с возвратными глаголами с пассивно-качественной семантикой является возможность включения в модель агентивного дополнения в творительном падеже, поскольку такое дополнение представляет собой маркер пассивной конструкции [Пупынин 2001: 128–129]. Действительно, в такую модель, как *Жир легко устраняется* можно добавить агентивное дополнение в творительном падеже: *Жир легко устраняется **моющим средством***, однако в данном случае происходит сдвиг в семантике исходного высказывания, и преобразованная модель не может рассматриваться как синонимичная исходной. В первом высказывании качественная семантика

характеризует субъект высказывания (*жир*), речь идёт о его свойствах (о которых также позволяет судить наречие *легко*, с помощью которого даётся характеристика события *устраняется*). Во втором высказывании, напротив, отмечаются качества отдельно обозначенного субъекта действия (агенса), а именно: *моющее средство* обладает определёнными свойствами, которые позволяют *легко устранять жир*, и о качествах объекта *жир* говорить не приходится.

В пассивных конструкциях, однако, может отсутствовать агентивное дополнение в форме творительного падежа, и в данном случае страдательное значение может проявляться нечётко [Войтенко 2016: 30]. Тем не менее данные конструкции представляется возможным преобразовать в неопределённо-личную активную конструкцию [Пупынин 2001: 129], ср.: *Пункт выдачи **открывается** вовремя – Пункт выдачи **открывают** вовремя*. Такое преобразование возможно, поскольку в приведённом высказывании не говорится о каком-либо присущем субъекту (*пункт выдачи*) свойстве или качестве: событие *открываться вовремя* не зависит от субъекта *пункт выдачи*, оно возникает только в случае совершения определённых действий посторонним участником ситуации (работники пункта выдачи, владелец и др.). При этом исходное и преобразованное высказывания можно считать синонимичными. В данном случае можно говорить о неопределяющем неагентивном субъекте, поскольку осуществление действия Р (*открываться*) полностью зависит от внешней силы Z (см. пример *Законы нарушаются постоянно* в п. 1.2). Таким образом, преобразование исходных квазисубъектных моделей в неопределённо-личную конструкцию можно взять в качестве теста на выявление неопределяющего неагентивного субъекта.

Конструкции, выражающие пассивно-качественную семантику, напротив, не представляется возможным преобразовать в неопределённо-личное предложение без потери исходного значения, поскольку такое преобразование приводит к ослаблению качественной семантики [Пупынин 2001: 129], ср.: *Продукты **размораживаются** равномерно – Продукты **размораживают** равномерно*. В преобразованном высказывании качественная семантика переходит

с субъекта *продукты* на постороннего участника ситуации: процесс размораживания производится *равномерно* благодаря определённым действиям отдельного агенса, а не присущим субъекту свойствам.

Как отмечает Ю. А. Пупынин, среди конструкций, имеющих пассивно-качественное значение, можно выделить два различных варианта таких моделей. В первом варианте реализуемое действие указывает на наличие отдельного агенса, тогда как субъект высказывания будет выступать пациенсом, например: *Проволока легко гнётся*. К данному высказыванию можно применить следующий семантический тест [Пупынин 2001: 130]: о носителе предикативного признака можно сказать «Проволоку возможно легко согнуть», «Проволока легко поддаётся действию “сгибать”». Данный вариант так же, как и преобразование в неопределённо-личную конструкцию, указывает на наличие неопределяющего неагентивного субъекта в составе исходной модели.

Во втором варианте, по мнению Ю. А. Пупынина, агентивная семантика не рассматривается как облигаторный элемент [Пупынин 2001: 131]. Например, к высказыванию *Нитки быстро рвутся* не представляется возможным применить семантический тест «Нитки быстро поддаются разрыву», «Нитки возможно быстро разорвать», поскольку данное высказывание включает также такую ситуацию, как «Нитки непрочные, плохого качества, они способны рваться сами по себе». Иными словами, действие зависит от внутренней энергии субъекта высказывания, что соответствует определяющему неагентивному субъекту.

С учётом приведённых особенностей конструкций с пассивно-качественной семантикой, они не могут быть идентифицированы как конструкции страдательного залога и имеют промежуточный характер. Таким образом, можно заключить, что в исследуемых квазисубъектных конструкциях имеют место глаголы среднего (возвратного) залога.

Как отмечалось выше, глагольные формы страдательного залога имеют сходство с декаузативами. Под декаузативами понимаются такие возвратные глаголы, образованные от переходных каузативных глаголов при помощи аффикса *-ся*, которые «представляют действие как наступающее в силу тех или

иных обстоятельств независимо от воли и осознанной деятельности субъекта» [Алияришорехдели 2011: 173] (под каузативным глаголом понимается глагол, описывающий некую ситуацию, в котором объект X изменяет своё состояние в результате воздействия со стороны субъекта Y [Lyons 1977: 490–491], например: *Ваня (Y) разбил окно (X)*, где X переходит в новое состояние (стекло было целым – стало разбитым) в результате действий Y). Как отмечает Е. В. Падучева, декаузативы позволяют описать событие, не указывая на причины его возникновения и не подразумевая их наличие [Падучева 2001: 65]. Можно сказать *Дом стремительно разрушается*, при этом не уточняя, происходит ли разрушение в силу естественных причин (качество материалов со временем ухудшается, происходит влияние определённых природных условий и др.) или действий со стороны посторонних субъектов.

Декаузативы и пассивные конструкции имеют схожие структуры: в обеих конструкциях объект высказывания становится субъектом, т.е. переходит в позицию подлежащего, однако роль у бывшего субъекта пассива и декаузатива разная. Так, в пассивной конструкции объект подвергается воздействию стороннего агенса, ср.: *Стекло легко разбивается молотком*, тогда как декаузативы описывают ситуацию, в которой нет целеполагающего агенса и действие происходит произвольно: *Стекло падает и легко разбивается* [Падучева 2001: 52].

Далее Е. В. Падучева отмечает, что «декаузативы образуются только от таких каузативных глаголов, которые допускают неагентивный субъект», т.е. декаузативы не образуются от таких глаголов действия, в семантику которых включены компоненты, фиксирующие способ или характер деятельности, а также наличие и тип орудия или инструмента (*подметать, забивать (гвоздь), закрутить, разрубить, разрезать* и др.) [Падучева 2001: 61]. Рассмотрим данное положение на примере глаголов *рвать* и *разрезать*. От глагола *рвать* можно образовать декаузатив *рваться*: *Ткань быстро рвётся*, поскольку субъект X (*ткань*) в данном случае может рваться сама по себе (ср. с примером *Нитки быстро рвутся*, представленным выше). Напротив, от глагола *разрезать*

возвратная глагольная форма *разрезаться* не может называться декаузативом, поскольку действие *разрезать* предполагает наличие некоего инструмента и, следовательно, использующего его агенса: *Ткань быстро **разрезается***. Если рассматривать указанные конструкции с точки зрения типов субъекта, то в первом примере можно говорить об определяющем неагентивном субъекте, а во второй конструкции представлен неопределяющий неагентивный субъект (пациенс).

В конструкцию с декаузативом также невозможно добавление дополнения в творительном падеже, которое указывает на инструментальное действие [Падучева 2001: 62], ср.: *Ткань легко **разрезается ножницами*** (глагол *разрезается* – не-декаузатив), **Нитки легко **путаются руками / пальцами*** (глагол *путаются* – декаузатив). Как отмечалось выше, дополнение в творительном падеже меняет семантику исходного высказывания и преобразовывает его в конструкцию страдательного залога. Тем не менее тест на сочетаемость исходного высказывания с дополнением в творительном падеже позволяет выявить конструкции с декаузативами, которые, как представляется, указывают на наличие определяющего неагентивного субъекта, не прилагающего усилия для осуществления определённого действия, но воздействие производится благодаря внутреннему источнику энергии (т.е. действие протекает независимо от воли субъекта).

Следует отметить, что большая часть декаузативов образуется от переходных глаголов изменения состояния, которые могут описывать деформацию объекта (*отломить, надломить, надорвать*), изменение местоположения и положения в пространстве (*сгибать, гнуть, смещать*), физического и физиологического состояния (*нагревать, согревать, размораживать*) и др. Декаузативы также имеются у фазовых глаголов, поскольку смена фазы представляет собой изменение определённого состояния: *начинаться, заканчиваться, продолжаться, прерываться* и т.д. [Падучева 2001: 67, 69].

Существуют не-декаузативные производные каузативных глаголов, которые следует отличать от декаузативных глагольных форм. Так, например, декаузативы

не образуются от глаголов движения, поскольку их формы с аффиксом *-ся* принимают рефлексивную интерпретацию, а именно: субъект сам рассматривается как каузатор движения, т.е. в данном случае в составе высказывания наблюдается активный агенс, наличие которого декаузативы, напротив, исключают [Падучева 2001: 71]: *переправиться, задерживаться, приближаться, отталкиваться* и др. Как представляется, конструкции с такими глаголами могут указывать на наличие неопределяющего агентивного субъекта. Ср.: *Мяч легко отталкивается*, где субъект X (*мяч*) прикладывает усилия для осуществления определённого действия P (*отталкиваться*), однако осуществление P зависит от внешней силы Z (упругость материала, скорость движения мяча, прикладываемая сила при броске и др.).

Не-декаузативные производные также образуются от глаголов действия, которые имеют пассивно-потенциальное значение (иными словами, пассивно-качественное значение, которое было рассмотрено выше). Такие глаголы чётко отличаются от декаузативов: декаузатив исключает наличие агенса, тогда как глаголы с пассивно-качественным значением подчёркивают необходимость приложения усилий со стороны агенса для достижения необходимого результата. При этом такие глаголы также могут указывать на свойство описываемого объекта и предполагают следующую трактовку: «X таков, что его можно легко / быстро / долго / сильно / пр. подвергнуть данному действию» [Падучева 2001: 73]: *Книга легко читается, Рубашка сильно пачкается, Пятно трудно отстирывается*.

Таким образом, в составе квазисубъектных моделей могут присутствовать как глаголы с пассивно-потенциальным значением, так и глаголы-декаузативы, выявить которые возможно с помощью определённых тестов (например, включение в конструкцию дополнения в творительном падеже, которое позволяет определить декаузатив). Следует также рассмотреть отдельные виды значений, которые формант *-ся* может придавать глагольным формам.

Так, В. В. Виноградов подразделяет глаголы возвратного залога (возвратные глаголы) на несколько типов в зависимости от значений, которые придаёт им аффикс *-ся*, и выделяет следующие значения:

– **собственно-возвратное** значение, при котором субъект и объект действия совпадают, т.е. действие направлено на физическую сущность самого субъекта (например, на внешность, поверхность тела и др.): *мыться, чесаться, одеваться, разуваться* и др. В данном случае в качестве субъекта действия предполагается одушевлённое лицо. Напротив, в сочетании с субъектом, выражающим предмет или неодушевлённое лицо, такие глаголы принимают страдательное или средневозвратное значение [Виноградов 2001: 512] (см. ниже), поэтому говорить о собственно-возвратном значении глагола в исследуемых моделях не представляется возможным;

– **средневозвратное** значение предполагает, что действие направлено не на посторонний объект, а сосредоточено в сфере субъекта и влечёт за собой внешние изменения в состоянии субъекта. При этом субъект, оставаясь фактическим производителем действия, видится объектом действия. Данное значение проявляется у глаголов, означающих внешние, физические изменения, изменения в состоянии или положении субъекта: *бросаться, наклоняться, подняться, свалиться, прислониться* и др. [Виноградов 2001: 513]. Например, в следующих примерах можно говорить о глаголах средневозвратного типа: *Ствол легко шатается, Зеркало легко прислоняется*;

– **общевозвратное** значение замыкает действие в сфере субъекта, и возвратный глагол описывает изменения во внутреннем состоянии субъекта (*сердиться, радоваться, восхищаться, беспокоиться* и др.). Данное значение возникает у глаголов со значением чувства и внутреннего переживания [Виноградов 2001: 513]. Среди отобранного языкового материала не было отмечено моделей, включающих глаголы со значением чувств, поскольку они присущи одушевлённым субъектам. Так, в предложении *Женщина легко расстраивается* глагол будет указывать на чувственные и душевные изменения, тогда как в предложении *Пианино легко расстраивается* о душевных изменениях

субъекта говорить не приходится, во-первых, потому что субъект *пианино* не является одушевлённым лицом (следовательно, не может чувствовать), и, во-вторых, в силу реализации глаголом *расстраиваться* другого значения (потеря правильности построения звуков);

– **страдательно-возвратное** значение соотносится с собственно-возвратным значением, однако в данном случае субъектом выступает неодушевлённый объект (см. выше): *Щеки румянятся, Лицо моется*. Следует отметить, что данное значение ярко проступает при наличии творительного падежа действующего лица [Виноградов 2001: 513–514], т.е. присутствует указание на внешний субъект, действия которого позволяют реализовать описываемое событие: *Лампочка легко включается **нажатием кнопки**, Гвоздь легко забивается **молотком***. Как отмечалось, добавление конструкции в творительном падеже позволяет выделить в модели наличие неопределяющего неагентивного субъекта, который требует обязательного присутствия внешней силы *Z* для реализации описываемого действия;

– **взаимно-возвратное** значение указывает на взаимодействие нескольких субъектов между собой или взаимность их действий: *сговориться, обниматься, ссориться, шептаться* и др. Понятие взаимности в данном случае предполагает переход действия с одного субъекта на другой и придаёт оттенок совместности действия двух или нескольких субъектов [Виноградов 2001: 514]. Например, можно говорить о реализации данного значения у глаголов в высказывании *Молекулы быстро сталкиваются*, где действия субъектов (*молекулы*) направлены друг на друга (прилагают определённые усилия для осуществления события *столкновение*). Как представляется, для реализации взаимно-возвратного значения в высказывании должно присутствовать несколько субъектов (наличие которых может выражаться, например, существительным во множественном числе) и глагол, денотат которого обозначал бы взаимно-направленное действие. Так, в следующих примерах потенциально можно говорить о взаимно-возвратном значении глагола: *Поезда быстро разъезжаются, Ребра быстро срастаются, Жировые клетки быстро расщепляются, Дороги резко расходятся*;

– **косвенно-возвратное** значение описывает действие, совершаемое субъектом в своих интересах: *убираться, уложиться, прибраться, запастись* и др. [Виноградов 2001: 515], что предположительно указывает на одушевлённость субъекта, поэтому неприменимо к исследуемым моделям. Значение таких глаголов можно объяснить с помощью конструкций, содержащих местоимения *свой, себе, для себя* [Русская грамматика 1980а: 616]: *уложиться – уложить свои вещи, запастись – запастись для себя* и т.п. Ср. *Дверца быстро нагревается – *Дверца быстро нагревает для себя*;

– **побочно-возвратное** значение присуще глаголам, называющим действие как соприкосновение с объектом, при этом действие не охватывает субъект, а лишь исходит из него [Виноградов 2001: 515], а объект своим наличием стимулирует действие, делает его возможным [Русская грамматика 1980а: 616]: *взяться за дело, держаться за перила, стукнуться, удариться*. На данном этапе исследования не представляется возможным говорить о наличии данного значения глаголов в квазисубъектных моделях, поскольку, например, нельзя сказать о соприкосновении объектов в таких предложениях, как *Дверца правильно закрывается, Жир легко устраняется, Перегретое масло легко возгорается*. В данных примерах речь скорее идёт о свойствах самого субъекта, нежели о соприкосновении с другими объектами;

– **средне-пассивно-возвратное** значение указывает на то, что объект действия изображается в роли его субъекта, при этом действующее лицо представлено в качестве косвенного объекта, на которое направлено действие. Данное значение обычно присуще глаголам в сочетании с субъектом в дательном падеже [Виноградов 2001: 515]: *Ей припомнились истории, Мне представляется его лицо* и др.;

– под **качественно-пассивно-безобъектным** (характеризующе-качественным [Русская грамматика 1980а: 616]) значением понимается действие, которое замыкается в самом субъекте, при этом у субъекта отмечается наличие определённого свойства, способности подвергаться какому-либо действию. Данное значение отчётливо проступает в рассматриваемых моделях в формах

настоящего времени и при наличии наречных качественных определений образа действия [Виноградов 2001: 515]: *Фарфор легко бьётся, Жир легко устраняется, Машина быстро заводится, Кофе плохо растворяется;*

– **активно-безобъектное** значение характерно для возвратных глаголов, соотносящихся с переходными глаголами без аффикса *-ся* и обозначающих действие субъекта, которое фактически направлено на другой предмет, но представляется как характерная, отличительная черта или свойство самого субъекта [Виноградов 2001: 515]. Данный тип глаголов отличается от качественно-пассивно-безобъектных наличием направленности действия. Ср. *Собака больно кусается*, где действие *кусается* направлено на некое внешнее лицо, и предложение *Куртка легко пачкается*, где действие *пачкается* направлено на сам субъект *куртка* и указывает на наличие определённого свойства у данного субъекта;

– **интенсивно-побочно-возвратное** значение указывает на кратное действие, осуществляемое с такой интенсивностью, которая позволяет сосредоточить особое внимание на производителе действия. Данные глаголы соотносятся с непереходными глаголами без аффикса *-ся* и характеризуются замкнутостью действия в сфере субъекта [Виноградов 2001: 515]: *стучаться, плакаться, хвастаться, светиться* и др. Например, потенциально можно говорить о наличии данного значения у глагола в следующем предложении: *Лампочка-индикатор ярко светится*, где наречие *ярко* указывает на наличие у субъекта определённого свойства, которое обеспечивает возможность субъекта продуцировать действие с соответствующей интенсивностью. Следовательно, можно предположить, что глаголы с интенсивно-побочно-возвратным значением в применении к квазисубъектным моделям являются частным случаем глаголов с качественно-пассивно-безобъектным значением;

– значение **пассивного обнаружения внешнего признака** свойственно глаголам, у которых отсутствует оттенок активного развития качества и выступает значение пассивного проявления внешнего признака (зрительного,

цветового). Данные глаголы при этом соотносимы с непереходными глаголами на *-еть* (*зеленеть – зеленеться, чернеть – чернеться*) [Виноградов 2001: 516];

– **косвенно-результативно-возвратное** значение выражает полноту, исчерпанность проявления действия, удовлетворённость субъекта действия. Данное значение проявляется у глаголов, в которых присоединение аффикса *-ся* связано с префиксацией: *належаться, проспать, вылежаться, выспаться, нагуляться* и др. По словам В. В. Виноградова, данные глаголы нуждаются в специальном анализе [Виноградов 2001: 516]. Вместе с тем данный тип возвратных глаголов не встречается в отобранном языковом материале. Предположительно это связано с тем, что в исследуемых квазисубъектных моделях широко используются неодушевлённые субъекты, тогда как данные глаголы указывают на необходимость одушевлённого субъекта для осуществления соответствующего действия;

– **взаимно-моторное** значение проявляется у глаголов, образованных от непереходных глаголов движения с помощью присоединения суффикса *-ся* и приставок *раз-* и *с-* (*разбежаться, съехаться, срастись, разъехаться* и др.) [Виноградов 2001: 516–517]. Например, данное значение можно наблюдать в следующих примерах: *Поезда быстро разъезжаются, Ребра быстро срастаются*. Как отмечалось ранее, в данных высказываниях также реализуется взаимно-возвратное значение, поэтому взаимно-моторное значение представляется его частным проявлением;

– **безлично-интенсивное** значение проявляется у безличных глаголов на *-ся* и выражает действие, осуществляемое независимо от воли субъекта и проявляющееся интенсивно. К таким глаголам относятся глаголы физического и внутреннего состояния, при которых субъект выступает в роли объекта, на который направлено действие: *Мне не спится, нездоровится, не работается* и др. [Виноградов 2001: 517]. В рамках квазисубъектных моделей указанный тип глаголов не реализуется, поскольку данные синтаксические конструкции изначально не являются безличными.

Следовательно, в рамках квазисубъектных моделей реализуются следующие типы возвратных глаголов: глаголы со средневозвратным значением можно выделить в качестве общего глагольного значения, которое присуще всем глаголам, используемым в исследуемых моделях (отметим, что описание данного глагольного значения соотносится с определением среднего залога в русском языке). Далее, средневозвратное значение может распадаться на несколько частных типов значения, каждое из которых реализуется в определённом контексте: страдательно-возвратное, взаимно-возвратное (которое включает в себя взаимно-моторное глагольное значение как частный случай проявления), страдательно-возвратное и качественно-пассивно-безобъектное (частным случаем проявления которого выступает интенсивно-побочно-возвратное) значения. При этом каждое из трёх значений соответствует отдельному типу субъекта: взаимно-возвратное значение соотносится с неопределяющим агентивным субъектом, страдательно-возвратное – с неопределяющим неагентивным субъектом, и, наконец, качественно-пассивно-безобъектное – с определяющим неагентивным субъектом. Таким образом, картина возвратных глаголов, реализующихся в исследуемых моделях, выглядит следующим образом (Схема 4).

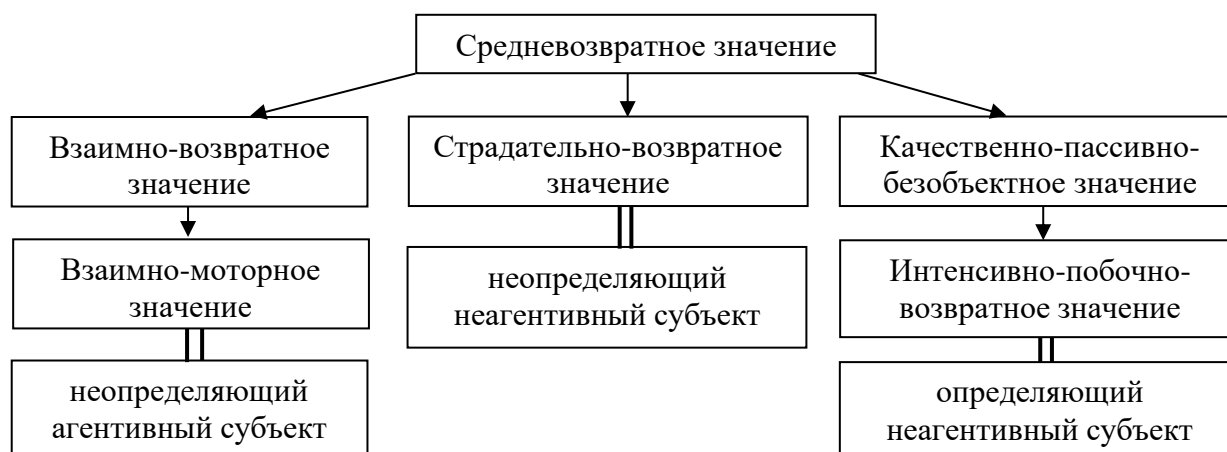

Схема 4 – Типы значения, реализующиеся у глаголов
в составе квазисубъектных моделей

1.4. Место квазисубъектных моделей в системе залога английского языка

Как представляется, грамматические структуры квазисубъектных моделей в русском и английском языках имеют определённые отличия. Так, в русском языке такие модели строятся по схеме *существительное + наречие + возвратный глагол с формантом -ся* (наречие в структуре может также занимать позицию после глагола). В английском языке, напротив, данная модель строится следующим образом: *существительное + глагол в форме активного залога + наречие* (ср. *Книга хорошо продаётся / The book sells well*). В квазисубъектных моделях на русском языке, как отмечалось выше, реализуются глаголы среднего (возвратного) залога, тогда как в тех же моделях на английском языке, на первый взгляд, используются глаголы активного залога. Рассмотрим интерпретацию категории залога в английском языке и определим, к какому виду залога относятся глаголы, используемые в английских квазисубъектных моделях.

В английском языке категория залога отражает направленность действия по отношению к участникам ситуации [Блох 1983: 176], иными словами, под категорией залога, как и в русском языке, понимается отношение членов ситуации друг к другу. Некоторые исследователи отмечают, что форма залога имеется только у переходных глаголов, тогда как непереходные глаголы остаются вне категории залога. Так, по мнению В. Д. Аракина, формы залога не имеют глаголы передвижения (*to swim / плавать, to go / идти, ходить*), глаголы положения в пространстве (*to lie / лежать, to stand / стоять, to sit / сидеть*), глаголы нравственного состояния (*to weep / рыдать, to enjoy / наслаждаться, to cry / плакать*) и др. Непереходные глаголы могут быть включены в систему залога в том случае, когда они развивают переходное значение и требуют после себя прямого дополнения [Аракин 2005: 122], например: *to fly / летать – to fly a plane / управлять самолётом – the plane was flown by a veteran pilot / самолётом управляет опытный пилот*. Следует, однако, отметить, что залоговая система английского языка может включать как переходные глаголы, так и непереходные глаголы. Например, в пассивном залоге могут использоваться непереходные

глаголы, а также глаголы, требующие после себя предлога [Блох 1983: 177]. Ср. *She was undisturbed by the news* / *Новости её не взволновали* (в данном примере можно наблюдать глагол нравственного состояния, которые В. Д. Аракиным исключаются из залоговой системы), *The child was looked after* / *За ребёнком присматривали*. При этом границы между переходными и непереходными глаголами несколько стёрты, поскольку многие глаголы двойственны в своём основном значении, а непереходные глаголы могут употребляться как переходные [Иванова 2014: 77], как было показано выше.

В английском языке традиционно выделяют следующие виды залога:

– **активный залог** (active voice) сопоставляется с действительным залогом в русском языке и выражается глаголом, действие которого исходит от самого субъекта [House 1962: 107]: *John reads a book* / *Джон читает книгу*, *We turned on the lamp* / *Мы включили лампу*, *Mary draws the curtains every morning* / *Мэри задёргивает занавески каждое утро*;

– **пассивный залог** (passive voice) грамматически оформляется по модели *to be* + *Participle II* и представлен глаголами, действие которых направлено на субъект высказывания, т.е. субъект не сам исполняет определённое действие, а действие совершается над ним [Хлебникова 2004: 122; House 1962: 107]: *My bike was stolen* / *Мой велосипед украли*, *The property was purchased* / *Недвижимость купили*, *The painting was auctioned* / *Картина была продана на аукционе*.

При попытке определить количество видов залога в английском языке мнения исследователей расходятся. Так, некоторые исследователи выделяют три вида залога (активный, пассивный, средний) [Блох 1983; Langacker 2008]; другие выделяют два вида залога (активный, пассивный) [Аракин 2005; House 1962], но отмечают у пассивного залога так называемое «среднее значение» (medial meaning) [Хлебникова 2004]; существуют работы, в которых выделяется шесть видов залога (активный, пассивный, возвратный, взаимный (реципрок), средний и каузативный) [Кобрина 2007], однако существование большинства из них оспаривается, поскольку они не имеют характерных средств выражения и поэтому не могут рассматриваться как особые формы залога. К таким видам

залога относят возвратный и взаимный залого [Аракин 2005: 122], хотя в некоторых работах их выделяют в качестве отдельных залоговых форм или значений, которые может принимать глагол [Блох 1983; Кобрина 2007].

Возвратный залог обозначает, что действие субъекта направлено на самого себя, т.е. субъект высказывания одновременно является его объектом, однако в английском языке отсутствует специальная глагольная форма для выражения данного залогового значения (тогда как в русском языке, как было указано выше, такие глаголы маркируются аффиксом *-ся*). В связи с этим возвратное значение может выражаться следующими моделями [Кобрина 2007: 100–101]: при глаголах, для которых возвратность типична, может отсутствовать дополнение. Ср. *Jane dressed and left* / Джейн **оделась** и ушла, *He shaved* / Он **побрился**, *I'll go and change* / Пойду, **переоденусь** и др. Вторая модель включает в себя возвратное местоимение, примыкающее к глаголу. При глаголах, в семантику которых не включено возвратное значение, возвратное местоимение позволяет уточнить смысл высказывания или подчеркнуть способ действия: *He poisoned himself* / Он **отравился** / Он сам себя **отравил**, *She accidentally cut herself* / Она случайно **порезалась**, *She taught herself to play the piano* / Она сама **научилась** играть на пианино. При **взаимном залоге** (реципроке) залоговые отношения складываются на основе двух активных субъектов, которые совершают одинаковые действия по отношению друг к другу; иными словами, имеет место равнозначность субъектов. Такое залоговое значение выражается с помощью глаголов, в семантике которых заложена двухвекторная направленность действия, либо с помощью присоединения взаимных местоимений *one another* / *each other* / друг друга [Кобрина 2007: 102–101]: *They hugged for a long moment* / Они долго **обнимались**, *Her parents divorced* / Её родители **развелись**, *They love each other* / Они **любят друг друга**, *We never interrupt each other* / Мы никогда **не перебиваем друг друга** и др.

Отметим, что представленные залоговые формы действительно позволяют описать характер направленности действия и отношений между участниками ситуации, что соответствует определению залога. Тем не менее в данном случае

невозможно говорить о каком-либо общем грамматическом принципе, позволяющем выделить данные глагольные значения в качестве отдельных залоговых форм. Возвратные и взаимные местоимения нельзя назвать маркерами возвратного и взаимного залогов, поскольку в определённых контекстах они могут играть роль дополнения. Ср. *I poured myself a cup of tea* / Я налил себе чашку чая – *I poured him a cup of tea* / Я налил ему чашку чая. В первом высказывании возвратное местоимение не указывает на направленность действия на субъект и функционирует как любое другое дополнение. Поэтому некоторые лингвисты выделяют такие ситуации в качестве возвратного или взаимного значения, которое приобретает глагол в определённом контексте [Блох 1983: 182].

Как отмечалось выше, некоторые исследователи выделяют в рамках пассивного залога так называемое «среднее значение» (*medial meaning*), поскольку грамматическая структура *to be* + *Participle II* не всегда служит маркером пассивности высказывания. Такие конструкции могут указывать на то, что на субъект высказывания оказывают влияние определённые обстоятельства, в результате чего действие замыкается в самом субъекте. Например, такая ситуация может наблюдаться при использовании глаголов, обозначающих эмоциональное или психологическое состояние человека [Хлебникова 2004: 122], например: *She was enraged at his actions* / Её взбесили его действия, *We were frightened by the sudden noise* / Мы были напуганы неожиданно раздавшимся шумом, *I was utterly amazed* / Я был совершенно поражён. Как отмечает И. Б. Хлебникова, в данных конструкциях субъект высказывания принимает семантическую роль экспериенцера, а не агенса. Другая характерная черта таких конструкций заключается в том, что их невозможно перестроить в активную конструкцию без изменения исходной семантики фразы [Хлебникова 2004: 123], ср.: *I am scared of the dark* / Я боюсь темноты – **I scared of the dark* / *Я пугаю темноту, но возможно высказывание *I scared my friend* / Я напугал друга, в котором субъект X (*I* / я) меняет семантическую роль экспериенцера на роль агенса, т.е. становится активным деятелем.

Среднее значение может наблюдаться не только у конструкций, построенных по принципу *to be + Participle II*; данное значение также принимают конструкции с глаголами, описывающими состояние объекта или его особенности [Хлебникова 2004: 123], например: *The book sells well / Книга хорошо продаётся, The milk tastes sour / На вкус молоко кислое, Fluorescein washes out quickly / Флуоресцеин быстро вымывается, Light travels slowly / Свет распространяется медленно*. Определить, какое значение принимает глагол (активное или среднее), позволяет тип субъекта: если в рамках контекста неодушевлённый предмет осуществляет действие, характерное для одушевлённого субъекта, глагол будет принимать среднее значение [Хлебникова 2004: 123], что приводит к проблеме среднего залога в английском языке.

Под **средний (медиа́льный) залог**, как и в русском языке, попадают ситуации, когда действие исходит из субъекта и замыкается в нём. Однако формально средний залог в английском языке не выделяют; некоторые исследователи придерживаются мнения, что если в языке не существует определённой грамматической формы, с помощью которой выражается данный вид залога, то в данном случае нельзя говорить и о самой категории среднего залога [Викулова 2008: 490–491]. Действительно, в таких высказываниях, как *The book reads easily / Книга легко читается, Molecules collide quickly / Молекулы быстро сталкиваются*, глагольные формы совпадают с формами активного залога, что препятствует выделению соответствующей категории наравне с активным и пассивным залогом. Можно наблюдать, что в данных высказываниях происходит частичная нейтрализация активного значения глагола и неполное приобретение пассивного значения, поскольку неодушевлённый субъект высказывания не способен самостоятельно совершить описываемое действие, и воздействие производится со стороны некой внешней силы. Такое совмещение глагола активного залога и семантической роли субъекта как элемента пассивной структуры позволяет говорить о существовании среднего залога, который по своей семантике расположен между активом и пассивом [Кобрина 2007: 104].

Рассмотрим следующие высказывания: (1) *I open the window / Я открываю окно* – (2) *The window opens easily / Окно легко открывается* – (3) *The window opens / Окно открывается* – (4) *The window is opened / Окно открыто*. Так, в высказывании (1) представлена активная конструкция с переходным глаголом, в которой ярко выражен агенс (*I / я*), прилагающий усилия для совершения действия (*to open / открыть*). Напротив, в высказывании (3) представлена абсолютная непереходная конструкция, в которой отсутствует указание как на агенса, так и на внешнюю силу, которая продуцирует описываемое действие. Конструкция (2) занимает промежуточное положение между (1) и (3), поскольку в ней присутствует указание на некую внешнюю силу, реализующую действие, однако она остаётся неопознанной. Наречие *easily / легко* в данном случае позволяет определить, что некое внешнее лицо прилагает усилия для осуществления действия, однако в итоге акцентируются свойства субъекта высказывания (*window / окно*). Таким образом, из контекста можно узнать только об объекте действия (*window / окно*) и о том, что с ним происходит (*opens / открывается*), а о субъекте действия ничего не известно [Langacker 2008: 385].

Как представляется, высказывания (2) и (3), на первый взгляд, являются конструкциями одного порядка, однако между ними существуют определённые отличия. Во-первых, отличительной чертой медиальных конструкций по типу (2) является присутствие наречия (обстоятельства образа действия), тогда как абсолютная непереходная конструкция (3) в таком компоненте не нуждается. Во-вторых, непереходная конструкция (3) представляет действие как происходящее само по себе без участия отдельного агенса, тогда как в медиальной конструкции (2) реализация действия, напротив, зависит от некой внешней силы и предполагает наличие агенса. Наконец, конструкция среднего залога позволяет описать событие с точки зрения качеств и характеристик субъекта, тогда как абсолютная непереходная конструкция указывает на факт реализации события [Taylor, Yoshimura 2006: 365].

В некоторой степени средний залог может также напоминать пассивный, однако данные категории имеют определённые отличия. Сходство заключается в

том, что в конструкциях (2) и (4) имплицитно задаётся агенс, продуцирующий действие, однако внимание уделяется именно описываемому действию (*to open / открыть*). Различаются данные конструкции тем, что в пассивном высказывании (4) наблюдается взаимодействие агенса и объекта действия (требуется обязательное присутствие некоего лица, которое могло бы открыть окно), тогда как высказывание (2) фокусируется только на объекте действия (*window / окно*) и на том, что с ним происходит (с помощью наречия *easily / легко* также отмечаются его особенности и характеристики). Пассивная конструкция служит альтернативным вариантом только для высказывания (1) с активным переходным глаголом, а средняя конструкция (2) является альтернативой как для (1), так и для (3). По сравнению с (1) *I open the window / Я открываю окно*, в высказывании (2) *The window opens easily / Окно легко открывается* прослеживается меньшая активность агенса, или же наоборот, большая агентивность по отношению к (3) *The window opens / Окно открывается* [Langacker 2008: 385]. Применительно к данным высказываниям представляется возможным говорить об имплицитной категории среднего залога, которая не имеет собственного морфологического оформления, однако может быть определена по семантическим и синтаксическим признакам [Викулова 2008: 496].

В качестве семантического критерия выступает элемент значения глагола, позволяющий ему сочетаться с неодушевлённым субъектом в непереходной конструкции. При этом неодушевлённый субъект приобретает черты одушевлённости, поскольку переходный глагол, который способен в соответствующем контексте принимать непереходное значение, подстраивает субъект высказывания под себя и таким образом наделяет данный субъект качеством одушевлённости. В результате такого процесса возникает конструкция, которая описывает действие, исходящее из субъекта и замыкающееся в нём, т.е. передаёт значение среднего залога [Викулова 2008: 496]. Так, например, возможно высказывание *Seat belt fits properly / Ремень безопасности пристёгивается должным образом*, поскольку в данном контексте переходный глагол *to fit / пристёгиваться* может реализовывать непереходное значение. Напротив, в высказывании типа **This subject studies hard / ?Этот предмет*

усердно изучается глагол *to study / изучать* в сочетании с неодушевлённым субъектом (*subject / предмет*) не может принимать непереходное значение, поскольку в данном случае требуется одушевлённое лицо, которое будет прилагать определённые умственные усилия для реализации соответствующего действия. Ср. *I study the subject hard / Я усердно изучаю этот предмет*.

В качестве синтаксического критерия, который позволяет определить конструкцию среднего залога, выступает возможность построения пассивной конструкции. Так, эксплицитная активная конструкция допускает преобразование в пассивную [Викулова 2008: 496–497]: *She broke the window / Она разбила окно – The window was broken by her / Окно было разбито ею*, тогда как конструкция среднего залога такого преобразования не допускает: *The window breaks easily / Окно легко разбивается*. Имеет место пассивное высказывание *The window was broken easily / Окно легко разби́ли*, однако в данном случае происходит изменение семантики высказывания: фокус смещается с объекта действия (*window / окно*) и его свойств на определённое лицо, присутствие которого обязательно для реализации описываемой ситуации.

Таким образом, в английских квазисубъектных моделях реализуются глаголы среднего залога, при этом данные модели имеют следующие характерные особенности:

- в состав медиальной конструкции входит наречие (обстоятельство образа действия), которое позволяет определить возможность реализации описываемого действия;
- глагол, входящий в состав данной модели, принимает непереходное значение;
- субъект высказывания обладает определёнными характеристиками или свойствами, которые обеспечивают реализацию события, описываемого предикатом;
- медиальная конструкция предполагает наличие отдельного агенса, усилиями которого реализуется соответствующая ситуация [Taylor, Yoshimura 2006: 363].

Следует отметить, что с помощью предиката, используемого в исследуемых моделях, описываются присущие субъекту высказывания свойства, поэтому центром высказывания становится общая характеристика события, а не сам факт его реализации. Определим, какие типы предикатов позволяют рассмотреть описываемое событие именно в таком ключе.

1.5. Типы предикатов и их соотношение с осью времени

На данный момент в лингвистике представлены различные классификационные сетки и группы, на которые распадаются предикаты, однако при этом в явной форме не выделены те семантические признаки, которые позволяют выделить определённые типы предикатов [Семантические типы предикатов 1982: 86]. Одна классификационная ячейка может включать в себя предикаты, которые имеют одинаковые ограничения на употребление в тестах, но могут отличаться как по семантическим, так и по формально-грамматическим признакам [Шабанова 1998: 66]. Поэтому для составления точной классификации типов предикатов требуется предложить такие семантические тесты, с помощью которых можно проверить наличие или отсутствие определённых семантических признаков. Разработка таких тестов позволяет доказать правильность предложенного значения языковой единицы, а также описать её синтагматические связи и особенности функционирования в речи [Семантические типы предикатов 1982: 86–87].

Рассмотрим некоторые классификационные сетки предикатов, положения которых позволят уточнить, какой тип предикатов представлен в исследуемых квазисубъектных моделях, а также с помощью каких тестов представляется возможным их определение.

Так, З. Вендлер выделяет следующие типы предикатов (в рамках английских глаголов): глаголы деятельности (activity terms), глаголы исполнения (accomplishment terms), глаголы достижения (achievement terms) и глаголы

состояния (state terms), и их разделение производится по следующим критериям. Во-первых, рассматривается возможность употребления глагола в продолженной форме, т.е. может ли глагол принимать форму Continuous. Во-вторых, учитывается возможность сочетания глагола с инклюзивными обстоятельствами времени типа *in three hours* / *за три часа* [Vendler 1957].

Так, глаголы деятельности и исполнения могут употребляться в продолженной форме: *I run* / *Я бегаю* (глагол деятельности) – *I am running* / *Я бегу*; *I run a mile* / *Я пробегаю милю* (глагол исполнения) – *I am running a mile* / *Я бегу милю*. Отличие данных типов предикатов заключается в том, что глаголы деятельности описывают ситуации, не предполагающие какого-либо предела. Под пределом действия обычно понимается некая критическая точка, к которой стремится действие и при достижении которой действие прекращается, исчерпав себя [Гиро-Вебер 1990: 102]. Высказывание *I run* / *am running* (*Я бегаю* / *бегу*) не констатирует, как долго продолжается действие *to run* / *бежать* и как долго оно будет реализовываться: субъект действия может в любую минуту остановиться или же продолжать бежать ещё несколько часов. Напротив, высказывание *I run* / *am running a mile* (*Я пробегаю* / *бегу милю*) указывает на то, что субъект действия будет продолжать бежать до тех пор, пока установленная цель не будет достигнута, т.е. данная ситуация имеет некий предел, по направлению к которому развивается ситуация и который определяет точку «исполнения» события. Ввиду этого глаголы исполнения могут сочетаться с инклюзивными обстоятельствами времени (*I ran a mile in two hours* / *Я пробежал милю за два часа*), поскольку они обозначают предел развития действия, тогда как глаголы деятельности исключают такую сочетаемость (**I ran in two hours* / **Я бегал за два часа*) [Vendler 1957: 145].

В отличие от описанных типов предикатов, глаголы достижения и глаголы состояния не могут употребляться в продолженной форме: *He reached the summit* / *Он достиг вершины* (глагол достижения) – **He was reaching the summit* / *?Он достигал вершины*; *I know math* / *Я знаю математику* (глагол состояния) – **I was knowing math* / **Я был знающим математику*. Глаголы состояния, которые обозначают длящееся какое-то время действие, в отличие от глаголов достижения

также не сочетаются с инклюзивным обстоятельством времени, ср. **I knew math in two years* / **Я знал математику за два года*. Глаголы достижения описывают событие, которое воспринимается как мгновенное или точечное, независимо от его реальной продолжительности. Их следует также отличать от глаголов исполнения. Ср. *He reached the summit in two hours* / *Он достиг вершины за два часа* – *I wrote a letter in an hour* / *Я написал письмо за час*. Оба предиката сочетаются с инклюзивным обстоятельством времени, однако интерпретируются по-разному. Высказывание *I wrote a letter in an hour* / *Я написал письмо за час* обозначает, что действие *to write* / *писать* реализуется на протяжении всего указанного периода, и утверждение *I am writing a letter* / *Я пишу письмо* будет верным для любой точки данного промежутка времени. Напротив, высказывание *He reached the summit in two hours* / *Он достиг вершины за два часа* не обозначает, что действие *to reach the summit* / *достичь вершины* реализовывалось на протяжении всего указанного промежутка времени. Данное высказывание указывает на то, что сам процесс восхождения (*climbing*) занял два часа (Ср. *It took two hours of climbing to reach the top* / *На то, чтобы взойти на вершину, ушло два часа*), а действие *to reach the summit* / *достичь вершины* заняло лишь отдельную точку на данном промежутке времени. Следовательно, реализация события *I am reaching the top* / *Я достигаю вершины* в любой момент указанного временного промежутка невозможна [Vendler 1957: 147-148].

Таким образом, типы предиката, предложенные З. Вендлером, обладают следующими характеристиками (Таблица 1) [Мелиг 1985: 231]:

Таблица 1 – Характеристики предикатов по З. Вендлеру

Тип предиката	Употребление в продолженной форме (форма Continuous)	Сочетаемость с инклюзивным обстоятельством времени
глагол деятельности	да	нет
глагол исполнения	да	да
глагол достижения	нет	да
глагол состояния	нет	нет

Данную классификацию предикатов также представляется возможным структурировать следующим образом:

- 1) Имеет ли значение время? (Is time relevant?)
 - a. нет: глагол состояния
 - b. да: остальные типы предиката
- 2) Имеется ли у действия предел / конечная точка? (Is there an endpoint?)
 - a. нет: глагол деятельности
 - b. да: глаголы исполнения и достижения
- 3) Имеют ли значение стадии действия, реализующиеся до достижения предела данного действия? (Do stages before the endpoint matter?)
 - a. нет: глагол достижения
 - b. да: глагол исполнения [Zwart 1998: 121].

Говоря об английских квазисубъектных (медиальных) моделях, некоторые исследователи предполагают, что в данных моделях реализуются глаголы деятельности и глаголы исполнения. Так, предположительно в высказывании *This book reads easily* / *Книга легко читается* представлен глагол исполнения [Fagan 1992: 68]. Тем не менее с помощью следующего теста с глаголом *to stop* / *перестать* представляется возможным определить, какой тип предиката реализуется в высказывании. Если действие прерывается, то ситуация, описываемая глаголом деятельности, будет содержать в себе все предыдущие этапы действия до момента его прерывания. Ср. (1) *John stopped running* / *Джон перестал бежать* – (2) *John stopped running a mile* / *Джон перестал бежать милю*. Высказывание (1) предполагает, что субъект (*John* / *Джон*) действительно выполнял действие *to run* / *бежать* до момента его прерывания (Джон действительно бежал до того момента, пока он не решил остановиться). Высказывание (2), напротив, не предполагает, что действие *to run a mile* / *пробежать милю* было выполнено до момента его прерывания (высказывание показывает, что Джон решил прекратить выполнение данного действия, однако это не означает, что его цель была достигнута). Другим тестом на выявление типов предикатов является проверка наличия логической связи между высказыванием в продолженной форме и перфективным высказыванием. Так, высказывание *John is walking* / *Джон гуляет* с глаголом деятельности логически

подразумевает соответствующее перфективное высказывание *John has walked* / Джон погулял, тогда как из высказывания с глаголом исполнения *John is reading a book* / Джон читает книгу логически нельзя вывести предложение *John has read a book* / Джон прочитал книгу. Аналогично, из высказывания *John stopped reading a book* / Джон перестал читать книгу логически не следует, что субъект полностью выполнил соответствующее действие до момента его прерывания [Zwart 1998: 122].

Данные закономерности, характерные для глаголов исполнения, однако не имеют места в медиальных конструкциях. Напротив, при проверке с помощью приведённых тестов глаголы в таких моделях приобретают характеристики глаголов деятельности, ср. *The book reads easily* / Книга легко читается – *The book stopped reading easily* / Книга перестала легко читаться – *The book has read easily* / Книга легко прочиталась. Как представляется, производное высказывание с глаголом *to stop* / перестать указывает на то, что соответствующее действие действительно реализовывалось до момента его прерывания (книга действительно легко читалась до того момента, пока посторонний субъект не решил прекратить чтение). Высказывание с перфективной формой глагола в свою очередь показывает, что если книга читается легко в настоящий момент, то данная характеристика субъекта высказывания будет релевантна и после завершения действия. Как представляется, в рамках исследуемых моделей реализуются только глаголы деятельности, поскольку описываемые ими ситуации расположены на оси времени, но не имеют конкретного предела [Zwart 1998: 122–123].

Данная классификация типов предикатов также применима к русскому языку. Так, например, глаголы, которые З. Вендлер относит к глаголам исполнения, в русском языке имеют тенденцию составлять так называемые языковые пары, а именно: одному английскому глаголу в русском языке соответствуют два глагола – совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ), ср. *to write an article* – *писать статью* (НСВ) / *написать статью* (СВ). Совершенный вид глагола несёт информацию о возможности достижения ситуацией своего внутреннего предела, тогда как несовершенный вид глагола

такой информации не содержит. Глаголы деятельности, напротив, в большинстве случаев представлены глаголам НСВ, поскольку описываемые ими ситуации не могут быть «завершены», они могут лишь быть прерваны, поэтому формы СВ от таких глаголов образуются при помощи префиксов (*по-*, *про-*), обозначающих длительную, но ограниченную во времени ситуацию (делIMITатив): *Я гулял* (НСВ) – *Я погулял* (СВ) – *Я прогулял два часа* (СВ) [Мелиг 1985: 233–234].

Следует отметить, что глаголы деятельности не предполагают наличия цели, и описываемые ими ситуации воспринимаются как уже совершившиеся, поэтому из высказывания с глаголом деятельности НСВ логически следует истинное высказывание с делIMITативным глаголом: *Я бежал* (НСВ) => *Я побегал* (СВ). Ситуации, описываемые глаголами исполнения, напротив, будут считаться совершившимися только тогда, когда их внутренний предел будет достигнут. Поэтому на основании предложения с глаголом НСВ нельзя признать истинность предложения с глаголом СВ: *Я писал статью* ≠> *Я написал статью* [Мелиг 1985: 233–234].

Глаголы исполнения и деятельности в русском языке также отличаются сочетаемостью с обстоятельствами времени. Так, глаголы деятельности, как и в английском языке, не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени, тогда как для глаголов исполнения сочетаемость с такими обстоятельствами возможна, ср.: **Я рисовал за два часа* (глагол деятельности) – *Я нарисовал картину за два часа* (глагол исполнения) [Мелиг 1985: 234].

В русском языке также существуют глаголы, которые описывают мгновенное событие или ситуации, наступающие внезапно или неожиданно. Такие глаголы не могут обозначать длительные ситуации, и их следует относить к глаголам достижения, например: *ронять / уронить, разбивать / разбить, лопаться / лопнуть, терять / потерять* и др., при этом они так же, как и в английском языке, могут сочетаться с инклюзивными обстоятельствами времени (*Я нашёл ключ за несколько минут*). Глаголы состояния в свою очередь не обозначают никакого конкретного процесса в его развитии, а также не могут обозначать локализованные во времени ситуации. С точки зрения вида глаголы

состояния, как и глаголы деятельности, представлены глаголами НСВ, однако не могут образовывать делимитативов. Ср. *Я знаю математику – Я познаю математику*, где глагол *познавать* во втором высказывании не является делимитативом; с помощью префикса *по-* глагол *знать* приобретает значение, отличное от глагола в первом примере [Мелиг 1985: 240, 244–246].

Как представляется, приведённое описание предикатов не позволяет составить конкретные списки глаголов и даже исключает такую возможность, поскольку принадлежность глагола к определённому классу предикатов зависит не только от его синтаксических свойств, но и от смысла всего высказывания в целом, и иногда – от определённых внеязыковых обстоятельств. Один и тот же глагол в различных контекстах может функционировать как представитель разных семантических классов. Например, глагол *писать* может считаться глаголом исполнения в контексте *Я пишу письмо*, тогда как в высказывании *Я пишу романы* соответствующий предикат следует считать глаголом состояния, поскольку он указывает на способность или обыкновение субъекта писать романы [Мелиг 1985: 246].

Представленный анализ русских глаголов многое заимствует из описания английского глагола, предложенного З. Вендлером. Следует также отметить, что при выделении предложенных типов предикатов возникают определённые трудности, поскольку, во-первых, в русском языке отсутствует продолженная форма *Continuous*, которая имеет место в английском языке; во-вторых, в русском языке прослеживается связь между семантикой глагола и его видом [Гиро-Вебер 1990: 104].

Признак предельности действия, к которому обращается З. Вендлер, играет определённую роль в глагольной семантике и является одним из условий появления изменений в глагольной ситуации. Иными словами, достижение внутреннего предела и следующее за ним исчерпание и завершение действия вызывает изменения либо субъекта, либо объекта действия. Изменение в данном случае становится семантическим признаком глагольной ситуации и обозначает модификацию субъекта или объекта действия, которая вызвана достижением

предела действия и его завершением. Присутствие изменения наблюдается у глаголов совершенного вида, тогда как у глаголов несовершенного вида оно отсутствует. Вместе с тем глагольная ситуация обладает следующим семантическим признаком: реализуется ли действие постепенно или же эффект действия осуществляется мгновенно, без возможности наблюдать его в протекании [Гиро-Вебер 1990: 104]. На основе данных признаков (изменение, вызываемое действием, и постепенность его осуществления) выделяются следующие типы предикатов: 1) адинамичные глаголы; 2) динамично-постепенные глаголы и 3) динамично-моментальные глаголы [Гиро-Вебер 1990: 105].

Адинамичные глаголы представлены глаголами, не нацеленными на изменение, которому может подвергнуться субъект или объект действия. Такие процессы не предполагают какого-либо развития, и от начала до конца их протекания интенсивность действия не меняется. К таким глаголам относят глаголы, обозначающие существование, состояние или отношение (*сидеть, стоять, лежать, принадлежать* и т.п.); глаголы восприятия и чувств (*слышать, видеть, любить, ненавидеть*); глаголы слова и звука (*кричать, петь, шуметь*); некоторые глаголы движения и жестов (*плавать, ходить, кивать головой, махать рукой*) и др. Адинамичные глаголы не нацелены на изменение; иными словами, они не предполагают какого-либо заранее известного результата, вызванного завершением действия. Например, ситуация *Дети поют* может иметь последствия во внеязыковой действительности (слушающие оценивают, насколько хорошо или слаженно дети поют), однако она не ведёт к какому-либо результату, поскольку сама по себе не предполагает другой ситуации, отличной от той, которая предшествовала действию. Результат действия предполагает, что ситуация по окончании действия будет обязательно отличаться от предшествующей ему ситуации, при этом перемена ситуации должна предусматриваться самим действием и неизбежно следовать за его завершением. Таким образом, адинамичные глаголы описывают ситуации, которые не вызывают каких-либо изменений у субъекта и объекта действия, а также не предполагают его

постепенности. Адинамичные глаголы в большинстве своём представлены беспрефиксными непарными глаголами НСВ [Гиро-Вебер 1990: 105–106]. Если сравнивать данный тип предиката с классификацией З. Вендлера, то адинамичные глаголы можно соотнести с глаголами деятельности, поскольку те также не предполагают достижения какого-либо результата или изменения (иными словами, у них отсутствует конкретный предел действия).

Как отмечалось ранее, в английских квазисубъектных моделях реализуются глаголы деятельности. Рассматривая русские модели, можно также отметить реализацию глаголов деятельности или адинамичных глаголов. Ср. высказывание *Бумага легко рвётся*, где ситуация сама по себе не предполагает наличия какого-либо результата. Факт, что бумага обладает определёнными свойствами, которые позволяют ей легко рваться, не означает, что бумага в итоге будет разорвана. Кроме того, в данном высказывании не наблюдается какого-либо развития действия, которое может повлечь за собой изменения субъекта высказывания. В связи с этим предположительно в русских квазисубъектных моделях, как и в английских, реализуются адинамичные глаголы (или глаголы деятельности).

С помощью динамично-постепенных глаголов описываются ситуации, у которых наблюдается продвижение к внутреннему пределу, после достижения которого действие автоматически исчерпывает себя и завершается. В результате возникает ситуация, отличная от предшествующей действию ситуации. Такие глаголы образуют видовые пары, в которых НСВ обозначает продвижение действия к внутреннему пределу, а СВ указывает на достижение предела и следующее за ним изменение. Например, в паре *писать / написать книгу* завершение действия неизбежно приводит объект действия к состоянию, в котором он будет написанным. При этом НСВ глагола *писать книгу* показывает постепенное продвижение к данному состоянию, а СВ *написать книгу* обозначает конкретный результат [Гиро-Вебер 1990: 106]. Рассматривая ситуацию *Книга быстро пишется*, можно наблюдать, как и в рассмотренном выше высказывании *Бумага легко рвётся*, что описываемое действие не влечёт за собой результата, вызывающего определённые изменения (свойство книги, позволяющее внешнему

агенту быстро её писать, не означает, что она будет написана, ср. **Книга быстро написалась*). Таким образом, не представляется возможным говорить о том, что в рамках исследуемых моделей реализуются динамично-постепенные глаголы.

Следует отметить, что данный тип предикатов соответствует глаголам исполнения в классификации З. Вендлера, однако глаголы исполнения прежде всего охарактеризованы наличием предела и сочетаемостью с инклюзивными обстоятельствами времени, тогда как основными характеристиками динамично-постепенных глаголов являются наличие изменения и постепенность действия [Гиро-Вебер 1990: 106].

Наконец, динамично-моментальные глаголы обозначают действия, которые также нацелены на изменение, однако данные действия не представляется возможным наблюдать в развитии, поскольку они не развёртываются во времени. Действие может быть показано только как уже совершившееся событие. Такие глаголы представлены парными глаголами или непарными глаголами СВ. В видовых парах СВ обозначает изменение ситуации и приобретение нового состояния, тогда как НСВ указывает на возможность повторения действия, например: НСВ *промахиваться* (моментальное действие, которое может быть повторено) / СВ *промахнуться* (присутствует указание на изменение ситуации). Поскольку данные глаголы не могут описывать длительность процесса, они не сочетаются с обстоятельствами типа *долго*: **Она долго промахивается* / **Друзья долго приезжают*. Непарные глаголы несовершенного вида (*рухнуть, скончаться, поскользнуться, заблудиться*) указывают на внезапное, резкое или окончательное изменение, и отсутствие у таких глаголов формы НСВ связано с невозможностью реализации значения длительности действия. Действительно, возникновение неожиданного события не предполагает предварительного процесса, поэтому форма НСВ является в данном случае семантически лишней [Гиро-Вебер 1990: 107].

Рассмотрим высказывание *Стена быстро рушится*. В данном примере использован глагол *рушиться*, который не образует видовой пары с глаголом *рухнуть*, поскольку имеет отличное от него лексическое значение: данный глагол

предполагает, что разрушение объекта длится определённое количество времени (на что в высказывании указывает наречие *быстро*, которое также определяет наличие определённых свойств у субъекта высказывания), тогда как глагол *рухнуть* обозначает внезапное изменение объекта. В данном случае также нельзя говорить о динамично-постепенном глаголе, поскольку в высказывании не наблюдается постепенного изменения субъекта (то, что стена рушится, не означает, что она полностью рухнет), поэтому, как отмечалось ранее, в исследуемых моделях имеет место адинамичный глагол.

Как представляется, предложенная М. Гиро-Вебером классификация предикатов не предлагает каких-либо семантических тестов, которые позволили бы определить тот или иной тип предиката; определение типа предиката зависит лишь от трактовки ситуации, в которой он употребляется (подразумевается ли наличие изменения субъекта высказывания, осуществляется ли действие постепенно или производится мгновенно). Рассмотрим классификацию предикатов, предложенную О. Н. Селиверстовой, в которой приводятся семантические тесты, позволяющие определить тип предиката.

Обратимся к описанию так называемых предикатов класса. Под классом понимается обобщение, некий конструкт, который не тождественен ни отдельному члену класса, ни множеству его членов. Класс является абстракцией высшего уровня, которая может соотноситься с отдельными, индивидуальными членами класса, но при этом не является их обозначением. Предикаты класса не могут лежать непосредственно на оси времени, поскольку в каждый отдельно взятый момент времени могут протекать лишь индивидуальные действия. В связи с тем, что такие предикаты не лежат непосредственно на оси времени, денотаты таких предикатов будут истинны для любой точки отдельно взятого отрезка времени, с которым они соотносятся, но при этом не будут иметь места ни в одной из выбранных точек [Семантические типы предикатов 1982: 91–92]. Так, например, говорящий может сказать, что *он играет на пианино* в тот момент, когда он на нём не играет, но при этом данное высказывание будет истинным. Таким образом, предикаты класса указывают на то, что их денотат соотносится с

отрезком времени, но при этом не лежит непосредственно на оси времени, т.е. не имеет точной локализации во времени [Семантические типы предикатов 1982: 92]. Данную ситуацию можно наблюдать в исследуемых квазисубъектных моделях. Так, можно сказать *Асфальт быстро крошится* в тот момент, когда посторонний субъект не наблюдает соответствующее действие (не является свидетелем того, как асфальт крошится). Следовательно, нельзя сказать, что данная ситуация непосредственно лежит на оси времени, однако её можно соотносить с отдельным отрезком времени.

Одним из тестов на выявление предикатов класса может служить сочетаемость со словами *вообще-то* (в случаях, когда оно имеет временную отнесенность) и *раньше*, которые придают высказыванию неопределённую временную отнесённость [Семантические типы предикатов 1982: 92–93]: *Раньше асфальт быстро крошился, а сейчас стали делать асфальт лучшего качества; Вообще-то асфальт быстро крошился, но видимо сейчас производят асфальт лучшего качества.*

Предикаты класса также не способны противопоставляться предикатам со значением действия, которое протекает в определённый момент времени, в предложениях типа *Вчера в это время..., а теперь...* [Семантические типы предикатов 1982: 93]. Можно, например, сказать *Вчера в это время я читал книгу, а теперь сижу и смотрю фильм*, поскольку в данном высказывании предикат *читать* обозначает действие, соотносимое с конкретным отрезком времени. Напротив, построение такого высказывания с предикатами класса невозможно, поскольку они не могут быть локализованы на оси времени, ср.: **Вчера в это время книга легко читалась, а теперь её смысл трудно уловить; *Вчера в это время нитки быстро рвались, а теперь они очень прочные.* Таким образом, денотаты предикатов класса не имеют точной локализованности на оси времени; они соотносятся с отдельным временным отрезком, но при этом не занимают какой-либо определённой точки на данном отрезке [Семантические типы предикатов 1982: 93].

Наряду с предикатами класса выделяют предикаты свойства (качества), которые, как и предикаты класса, могут сочетаться со словами *вообще-то* и *раньше* (*Раньше она была полной*), а также не имеют точной локализованности на оси времени [Семантические типы предикатов 1982: 94]. Тем не менее возникает вопрос о том, тождественны ли предикаты свойства предикатам класса, или же они являются разновидностями одного типа предикатов. Прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо определить, чем предикаты класса и свойства отличаются от предикатов действия и процесса.

Отличительная черта предикатов действия и процесса заключается в том, что они существуют пофазно, т.е. в каждый отдельный момент времени существует лишь отдельная фаза развития действия или процесса, а не всё действие или процесс в целом. В каждый отдельный момент времени одна фаза предикации непрерывно переходит в другую, и, таким образом, действие или процесс приобретают свою целостность только в рамках всего отрезка времени, в течение которого они имеют место. Предикаты класса и свойства, напротив, в любой момент времени воспринимаются как существующие в целом [Семантические типы предикатов 1982: 94].

Одним из тестов, который позволяет определить, имеет ли предикат значение фазовости, является способность предиката сочетаться с такими выражениями, как *весь день*, *весь год* и т.д. Предикаты процесса и действия свободно сочетаются с данными выражениями благодаря наличию признака фазовости существования. Поскольку в каждый новый момент времени создаётся новый этап действия / процесса, а предыдущий этап остаётся в уходящем моменте времени, то действие / процесс распределяются по временному отрезку и заполняют его целиком (ср. *Весь день я читала книгу*, *Весь день он писал статью* и др.). Предикаты класса и свойства, напротив, в силу абстрагированности от оси времени не сочетаются с данными выражениями [Семантические типы предикатов 1982: 95], ср.: **Весь день она была красивой*, **Весь год чашка легко разбивалась* и пр.

Вместе с тем свойство не возникает во времени, а перемещается во времени, следовательно, предикаты свойства не требуют приложения каких-либо сил для их реализации. Поэтому предикаты свойства не сочетаются с выражениями, которые указывают на вклад сил со стороны субъекта (например, выражения *с каким упорством, с каким усердием* и др.) [Семантические типы предикатов 1982: 98]. Так, высказывание **С какой силой ствол шаткий* не представляется адекватным, тогда как высказывание *Ствол сильно шатается* можно перестроить в модель *С какой силой ствол шатается*, где выражение *с какой силой* указывает на необходимость приложения сил со стороны субъекта для реализации соответствующего действия.

Следует отметить, что предикаты класса могут характеризоваться словами, которые указывают на способ протекания предиката во времени, т.е. могут сопровождаться обстоятельством образа действия. Предикаты свойства, напротив, не способны сочетаться с данными языковыми средствами [Семантические типы предикатов 1982: 100]. Так, сама структура исследуемых квазисубъектных моделей указывает на то, что в их составе не может встречаться предикат свойства по причине присутствия наречия: *Ствол легко шатается* vs. **Ствол легко шаткий*. Таким образом, даже если считать, что предикаты класса характеризуют свой денотат как не развивающийся во времени, в нём, однако, могут быть отражены определённые характеристики, которые свойственны протекающим во времени явлениям. Так, например, предикаты класса сочетаются с выражениями типа *всё больше и больше / всё легче и легче / всё быстрее и быстрее* и пр., которые указывают на развитие ситуации во времени, однако всё равно представляют её в отрыве от конкретного временного отрезка [Семантические типы предикатов 1982: 104], например: *Книга читается всё легче и легче, Сюжет развивается всё быстрее и быстрее, Мхи взбираются всё выше и выше* и др.

Таким образом, можно заключить, что в квазисубъектных моделях реализуются предикаты класса, которые не позволяют определить точную локализованность ситуации на оси времени, однако в конкретных случаях

позволяют представить её как изменяющуюся во времени. При сопоставлении с классификацией предикатов З. Вендлера предикаты класса можно соотнести с предикатами деятельности, которые также представляют ситуацию в отрыве от оси времени и не позволяют её локализовать (о чём свидетельствует невозможность их сочетания с обстоятельствами времени типа *за два часа, за час* и др.). Их также можно сравнить с динамичными глаголами, которые не нацелены на какое-либо изменение в сфере субъекта или объекта действия. Тем не менее, с учётом разработанной О. Н. Селиверстовой системы тестов, которая позволяет определить тип предиката в исследуемых моделях, в данной работе предикаты в составе квазисубъектных моделей будут относиться к предикатам класса.

1.6. Типы наречия и их роль в рамках квазисубъектной модели

Как отмечалось ранее, отличительной чертой рассматриваемых в данном исследовании квазисубъектных моделей является наличие в их структуре наречия, которое, во-первых, позволяет отнести глагол в составе высказывания к глаголам среднего залога; во-вторых, имплицитно задаёт наличие некой внешней силы, от действий которой зависит реализация описываемой ситуации; в-третьих, позволяет описать событие с точки зрения качеств и характеристик субъекта высказывания. Поднимается, однако, вопрос о необходимости наличия данного компонента в составе квазисубъектной модели, поскольку в некоторых языках соответствующие модели могут считаться квазисубъектными даже при отсутствии наречия. Например, в греческом и французском языках имеют место квазисубъектные модели без наречия, при этом данные высказывания будут считаться приемлемыми с точки зрения узуса языка. Ср. фр. *Cette racine se mange / This root is edible / Этот корень съедобный, Le papier se recycle / Paper is recyclable / Бумага перерабатываемая* [Lekakou 2005: 43–44]. Во многих германских языках (например, английском, немецком, нидерландском), напротив,

конструкции без наречия не представляются адекватными, и наречие в данном случае необходимо для того, чтобы высказывание считалось приемлемым. Ср. **Pine saws* / ?*Сосна пилится*, **The book reads* / ?*Книга читается*. Тем не менее в данных языках, в частности, в английском языке, имеют место модели, которые считаются приемлемыми даже в случае отсутствия наречия [Lekakou 2005: 41–43]. Ср. *The door closes* / *Дверь закрывается*, *The train stops* / *Поезд останавливается*, *The lamp turns on* / *Лампа включается*. Как отмечалось ранее (см. п. 1.4), данные высказывания относятся к числу абсолютных непереходных конструкций, которые указывают на факт реализации события и представляют описываемое действие как происходящее само по себе, поэтому они не нуждаются в наречии. В русском языке наблюдается схожая ситуация, когда высказывание без наречия может считаться адекватным, например: *Окна закрываются*, *Машина останавливается* и др. В данном случае такие высказывания также можно отнести к абсолютным непереходным конструкциям, которые сообщают лишь о факте реализации действия без указания на характеристики субъекта (как отмечалось в п. 1.1, высказывания данного типа представляют собой отличную от квазисубъектной модели структурную схему предложения).

Наличие в составе модели обстоятельства объясняется тем, что в некоторых языках, например, в английском языке, наречие необходимо для восстановления имплицитно заданного агенса, поскольку в данном языке он не представлен синтаксическими или морфологическими средствами [Lekakou 2005: 144–145]. Как отмечалось ранее, в английской модели представлен глагол в форме активного залога, тогда как в русском языке, напротив, имплицитный агенс выражается с помощью формата *-ся*, который маркирует глагол среднего залога. В семантику такого глагола входит компонент, который указывает на наличие некоего внешнего деятеля, влияющего на реализацию описываемого события (см. п. 1.3). Из данного положения следует, что в квазисубъектных моделях могут присутствовать только такие наречия, которые, во-первых, помогают восстановить имплицитно заданный посторонний агенс, во-вторых, не ссылаются

на свойства и характеристики данного агенса [Leakou 2005: 145]. Иными словами, наречия будут указывать на свойства представленного в высказывании субъекта, а не некой внешней силы, которая влияет на реализацию описываемого действия. Например, в высказывании *Книга легко читается* наречие *легко* характеризует субъект *книга*, его составляющие, которые позволяют некоему внешнему лицу сделать вывод о том, читается ли книга легко или текст написан сложным языком, что затрудняет прочтение книги. О характеристиках, свойствах и особенностях внешнего лица в данном случае говорить не приходится.

С прагматической точки зрения модели, в которых отсутствует наречие, не всегда представляются адекватными, потому что они не содержат новой информации. В знаниях носителя языка об окружающей действительности уже содержится информация о том, что книги можно читать, двери можно закрывать, поезда могут останавливаться и др., поэтому использование таких высказываний в речи не представляется информативным, поскольку они передают общеизвестную информацию. Следовательно, данные высказывания должны ссылаться на характер описываемого действия или на некие свойства субъекта с целью передачи новой информации [Leakou 2005: 147].

Как отмечалось ранее, в русском и английском языках возможно построить такие модели, в которых будет отсутствовать наречие, при этом они будут считаться приемлемыми с языковой точки зрения. Тип данных высказываний, однако, меняется, и высказывание становится абсолютной непереходной конструкцией, которая указывает на факт реализации события, а не на свойства и характеристики субъекта. Для того чтобы высказывание можно было отнести к квазисубъектным моделям, в которых имплицитно задано некое постороннее лицо, наблюдающее за реализацией события или влияющее на него, в состав модели должно входить наречие. Таким образом, необходимость наличия в составе модели наречия принимает структурный характер [Leakou 2005: 148–149], т.е. наречие становится обязательным компонентом структурной схемы квазисубъектного предложения. В английском языке наречие необходимо потому, что в данном языке отсутствуют морфологические маркеры, позволяющие

выделить имплицитно заданный агенс. В русском языке, даже при наличии форманта *-ся*, который указывает на присутствие некой внешней силы, наречие необходимо для того, чтобы охарактеризовать представленный в высказывании субъект.

Далее необходимо определить, какие типы наречия реализуются в составе квазисубъектных моделей. Под наречием понимается такая грамматическая категория, которая выступает в предложении в функции качественного определения или обстоятельственного отношения и может характеризовать различные части речи (глаголы, прилагательные, существительные и др.) [Виноградов 2001: 283–284]. Наряду с этим наречие позволяет описать некие признаки, особенности и условия реализации описываемых действий, а также может обозначать некие качества и свойства предметов [Русская грамматика 1980а: 701; Блох 1983: 220; Пешковский 2001: 95–96]. Отметим, что в квазисубъектных моделях наречие может характеризовать как сам субъект высказывания, так и действие, которое над ним совершается. Например, в высказывании *Духовка быстро нагревается* наречие *быстро* описывает скорость, с какой совершается действие *нагреваться*, т.е. даётся характеристика описываемого действия. Наречие *быстро* также может указывать на некие свойства и качества самого субъекта *духовка*: духовка собрана из определённых деталей, нагревательных элементов, механизмов, которые ускоряют процесс нагрева. Наречие в данном случае одновременно характеризует как описываемое действие, так и свойства и качества субъекта.

Обзор литературы показал, что наречия могут распределяться по группам согласно формально-морфологическому принципу, т.е. учитываются способы морфологической деривации наречий [Блох 1983; Стернина 1984]. Функциональные классификации наречий основываются на том, какую функцию данная единица выполняет в предложении, что зависит от других частей речи, с которыми наречие вступает в синтагматические отношения [Панкратова 2015: 28]. Так, например, выделяют простые наречия (определяющие одно слово), наречия, модифицирующие целое предложение (в разных трактовках – sentence

adverbs, sentence modifiers), соединительные и вопросительные наречия и др. [Curme 1971; Parsons 1990; Ernst 2004; Huddleston, Pullum 2016]. В рамках семантического подхода классификации наречий также представлены различными группами в зависимости от значения данной единицы. Количество таких групп может варьироваться (от двух и более). Так, в различных источниках отмечают обстоятельственные наречия (описывают косвенные признаки событий типа места, времени, причины, цели и др.: *снаружи, спереди, ежедневно, иногда, почему, отчего, near, far, early, today, tomorrow*), обстоятельственные наречия, собственно-характеризующие наречия, качественные наречия, наречия, характеризующие глаголы и глагольные группы (описывают способ и образ действия, интенсивность проявления некоего признака, качества и свойства: *быстро, медленно, тихо, громко, loudly, slowly, quietly*); выделяют также количественные наречия (отмечают степень и числовое выражение степени: *крайне, очень, вдвое, втрое, very, highly, surprisingly, relatively*) [Русская грамматика 1980а; Блох 1983; Пешковский 2001; Виноградов 2001; Parsons 1990; Huddleston, Pullum 2016]. М. В. Сичинава выделяет шесть семантических групп наречий: наречия способа и образа действия (*весело, грустно, быстро, медленно, хорошо, плохо, нечестно*); наречия меры и степени (*слегка, сильно, слабо*); наречия причины и цели (*почему, зачем, спроста, спьяну*); наречия места и направления (*сверху, везде, дома, назад, сюда, отсюда*); наречия времени (*рано, поздно, сразу, миг*); местоименные наречия (*так, здесь, тут, туда, нигде*) [Сичинава 2011: 125–130].

М. Лекаку отмечает, что в рамках квазисубъектных моделей типа *The book reads easily* / *Книга легко читается* допускается использовать только наречия, которые описывают глаголы и глагольные группы, поскольку они в большинстве случаев указывают на характер реализуемого действия. При этом, как отмечалось ранее, наречия не должны указывать на свойства и качества имплицитно заданного в высказывании агенса. Напротив, наречия должны характеризовать присутствующие в высказывании субъект или действие, которое над ним совершается [Lekakou 2005: 157–158]. Так, возможно высказывание *The car drives*

slowly / *Машина едет медленно*, где наречие *slowly* / *медленно* даёт определённую характеристику субъекту высказывания (с какой скоростью движется машина). Вместе с тем высказывание **The material washes carefully* / **Материал аккуратно стирается* не представляется адекватным, поскольку в данном случае используется наречие *carefully* / *аккуратно*, которое характеризует действия некой внешней силы, прилагающей усилия для реализации описываемого события. Иными словами, наречия, употребляемые в исследуемых моделях, можно отнести к **наречиям образа и способа действия**, поскольку они позволяют описать событие и субъект с точки зрения их свойств, качеств и характеристик.

Далее возникает вопрос о том, только ли наречия образа и способа действия присутствуют в квазисубъектных моделях. Так, например, если опираться на классификацию М. В. Сичиной, то в таких высказываниях, как *Пункт выдачи открывается вовремя*, *Резкий запах бензина долго держится*, наречия *вовремя* и *долго* потенциально можно отнести к наречиям времени, поскольку они позволяют локализовать описываемое событие на оси времени. Наряду с этим данные наречия указывают на характер производимого действия (своевременность открытия пункта выдачи) и качества субъекта высказывания (запах бензина обладает такими свойствами, которые обуславливают продолжительность его существования). Ср. также *Diabetes occurs frequently* / *Диабет встречается часто*, *Gas shuts off immediately* / *Газ моментально отключается*. Схожая ситуация наблюдается в высказываниях *Дверца устанавливается горизонтально*, *Smoke rises vertically* / *Дым поднимается вертикально*. Предположительно наречия *горизонтально*, *vertically* / *вертикально* можно отнести к наречиям места, поскольку они указывают на динамическое перемещение предмета в пространстве: дверцу ставят в горизонтальное положение, дым поднимается в вертикальном направлении. Вместе с тем данные наречия можно отнести к наречиям образа и способа действия, которые описывают характер производимого действия: дверцу устанавливают таким

образом, чтобы она находилась в горизонтальном положении; дым поднимается таким образом, что его движение можно отследить по вертикали.

В данном исследовании мы отнесём наречия, реализующиеся в рамках квазисубъектных моделей, к наречиям образа и способа действия, которые далее представляется возможным разделить на семантические группы в зависимости от тех параметров, которые они описывают. Так, например, в работе [Зубенко 2015] на основе классификации прилагательных, предложенной в работе [Dixon 2004], английские наречия подразделяются на 13 семантических классов, среди которых можно выделить такие параметры, как состояние и настроение человека (*angrily / сердито, bashfully / застенчиво*), оценка (*atrociously / ужасно, drastically / существенно*), физические свойства (*sweetly / сладко, brightly / ярко*), измерение (*deeply / глубоко, giganticly / гигантски*), скорость (*promptly / резко, slowly / медленно*), сложность (*easily / легко, effortlessly / непринуждённо*), расположение (*horizontally / горизонтально, vertically / вертикально*), сходство (*identically / тождественно, similarly / аналогично*) и др. А. В. Дегальцева, исследуя русские наречия образа действия, выделяет пять основных семантических типов наречия, каждый из которых далее подразделяется на более дробные подклассы. Например, в группе наречий «Физические свойства и параметры предмета» можно отметить подтип «Физические свойства и параметры предмета, обусловленные его структурой», который представлен следующими характеристиками: высота (*высоко, низко*), глубина (*глубоко, мелко*), ширина (*широко, узко*), цветовые и световые характеристики (*оранжево, фиолетово, ярко, тускло*) и др. [Дегальцева 2021]. С опорой на положения, представленные в данных работах, далее выделим семантические классы наречий, которые реализуются в рамках квазисубъектных моделей.

Так, в рамках исследования было сформировано 11 семантических классов наречий, которые отличаются следующими параметрами:

1) **визуальное восприятие** включает такие характеристики действия или субъекта, которые в той или иной степени воспринимаются органами зрениями. В число таких характеристик входят степень видимости описываемого субъекта,

световые и цветовые качества: *Зрчки заметно расширяются, Лампочка-индикатор ярко светится, Волосы золотисто светились; The fire burned brightly / Огонь горел ярко, Teeth gleamed whitely / Зубы светились белизной, The sky shone clearly / Небо было ясным;*

2) **временные характеристики** придают действию временную локализованность, описывают продолжительность реализации действия: *Копчёное мясо долго хранится, Луна рано поднялась, Тепло держится недолго; Winter comes early / Зима пришла рано, The charge holds for long / Заряд долго держится, The cycle pauses temporarily / Цикл временно приостанавливается;*

3) **различные характеристики процессов**, которые могут описывать степень завершённости действия, степень контролируемости процесса, непрерывность, повторяемость, последовательность реализации процесса, равномерность его протекания: *Суэта окончательно улеглась, Туловище невольно мотнулось, Программа беспрерывно выполняется, Слезы вновь полились, Символы поочерёдно загораются, Маятник равномерно покачивался; The soil dies out completely / Почва полностью высыхает, Eyes widened involuntarily / Глаза невольно расширились, The wind blows constantly / Ветер дует постоянно, Trains ran regularly / Поезда ходят регулярно, The data resets randomly / Информация произвольно сбрасывается, The food defrosts evenly / Еда размораживается равномерно;*

4) **звуковые характеристики**, сопровождающие действие: *Дверь тихо закрылась, Щелчок громко раздаётся, Телега беззвучно тронулась; The bell rang loudly / Звонок громко прозвенел, The door opens soundlessly / Дверь бесшумно открылась, The train went quietly / Поезд ехал тихо;*

5) **мера и степень проявления признака** указывают на некую количественную характеристику, которая приписывается субъекту высказывания или реализуемому действию; включают также такие параметры, как интенсивность и активность реализации действия, степень осторожности, соблюдаемой при выполнении действия, тщательность выполнения действия, уровень прилагаемых усилий для реализации действия: *Труд скудно*

оплачивается, Дождь **обильно** пролился, Стиральная машина **чрезмерно** качается Жизнь **существенно** наладилась, Город **бурно** заселялся, Снег **лениво** кружится, Сокровища **бережно** упаковываются, Состав **тщательно** удаляется, Вещь **сильно** износилась; *Eyes widened a little* / Глаза **слегка** расширились, *The water came forth abundantly* / Вода **обильно** полилась, *The mood improves sufficiently* / Настроение **значительно** улучшается, *The rain fell heavily* / Шёл **сильный** дождь, *Teeth bit gently* / Зубами **мягко** прикусили, *The bottom side cooks thoroughly* / Низ **тщательно** пропекается, *The tail wagged feebly* / Вяло вилял хвостом;

6) **оценка:** Баня **хорошо** натопилась, Раны **плохо** затягивались, Лекарства **нормально** усвоились; *Ditches smell badly* / От канав **плохо** пахло, *The book sells well* / Книга **хорошо** продаётся, *The system worked perfectly* / Система работала **замечательно**;

7) **расположение в пространстве** описывает различное положение предмета в пространстве, а также направление движения: *Прибор устанавливается горизонтально*, Звезды **низко** кружились в небе, *Шнурочек изнутри* просовывается; *The jug turns upside down* / Кувшин переворачивается **вверх дном**, *Sirens sounded distantly* / Сирены звучали **вдалеке**, *The knob rotates forward* / Ручка поворачивается **вперёд**;

8) **скорость** протекания действия, а также внезапность его наступления: *Шум быстро* распространился, *Машины молниеносно* разъезжались, *Прибор неожиданно* отключается; *Ice melts quickly* / Лёд **быстро** тает, *Indicators light up briefly* / Индикаторы **ненадолго** загораются, *Silence fell immediately* / Сразу наступила тишина;

9) **сложность** реализации какого-либо действия: *Гвоздь легко* забивается, *Пятно трудно* отстирывается, *Загадка решается просто*; *The rubber tears easily* / Резина **легко** рвётся, *The pipe detaches effortlessly* / Трубка **без труда** отсоединяется, *Elements combine naturally* / Элементы **легко** соединяются;

10) **характеристики, связанные с деятельностью человека**, включают такие параметры действия, свойства и качества субъекта, которые возникают в

результате деятельности человека, влияют на его настроение, физиологическое и эмоциональное состояние или связаны с данными состояниями: *Желудок болезненно сжался; Грудь судорожно поднималась, Рот нервно подёргивался, Ноздри гневно раздулись; The heart thumped painfully / Сердце болезненно билось, The voice sounded lazily / Голос звучал лениво, The story ended happily / История закончилась счастливо, Eyes flash angrily / В глазах промелькнул гнев;*

11) различные **физические характеристики предмета**, которые описывают свойства и качества субъекта, зависящие от его размера, температуры, глубины проникновения, плотности и прочности соединения с другими предметами: *Кожища мелко шинкуется, Батареи жарко томятся, Грязь глубоко въелась, Дверцы плотно закрылись, Поворотный переключатель крепко удерживается; Trees grew thickly / Деревья густо росли, The milk tastes sour / На вкус молоко кислое, Teeth gleamed falsely / Было видно, что это вставные зубы, The sun shone warmly / Солнце тепло светит, The skin stretched tautly / Кожа туго натянулась.*

Таким образом, в русских и английских квазисубъектных моделях реализуются наречия способа и образа действия, которые далее представляется возможным распределить по группам в зависимости от описываемых характеристик действия, свойств и качеств субъекта, т.е. наречия в данном случае группируются по семантическим признакам.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В данной главе были рассмотрены положения, представленные в работах О. Н. Селиверстовой, Т. Д. Шабановой, В. В. Виноградова и др., взятые за основу для проведения анализа квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well*. Работы О. Н. Селиверстовой и Т. Д. Шабановой [Семантические типы предикатов 1982; Шабанова 1998] позволяют выделить типы субъекта, реализующиеся в рамках исследуемых моделей (неопределяющий

агентивный субъект, неопределяющий неагентивный субъект, определяющий неагентивный субъект), а также составить систему семантических тестов, с помощью которых определяется степень агентивности субъекта.

Анализ категории залога в русском и английском языках позволил отметить, что в обоих языках квазисубъектные модели принадлежат к категории среднего залога, которая указывает на то, что субъект высказывания является одновременно как производителем действия, так и его объектом. С учётом того, что в русском языке данная категория выражается с помощью глаголов с формантом *-ся*, они приобретают пассивно-качественную семантику, т.е. указывают на возможность или невозможность субъекта подвергаться определённому воздействию. Данное значение в том или ином контексте позволяет выделить тип субъекта, реализующийся в квазисубъектной модели. Наряду с глаголами с пассивно-качественной семантикой в исследуемых моделях могут также реализовываться глаголы-декаузативы, определение которых возможно с опорой на семантические тесты (например, включение в конструкцию дополнения в творительном падеже, которое позволяет определить декаузатив). Кроме того, анализ возвратных глаголов в русском языке позволил выделить значения форманта *-ся*, которые тот принимает в зависимости от того, какой тип субъекта реализуется в исходной модели (взаимно-возвратное значение соотносится с неопределяющим агентивным субъектом, страдательно-возвратное значение – с неопределяющим неагентивным субъектом, качественно-пассивно-безобъектное значение – с определяющим неагентивным субъектом).

Анализ глагольного компонента в составе квазисубъектных моделей показал, что в рамках данных конструкций реализуются предикаты класса (глаголы деятельности по З. Вендлеру, адинамичные глаголы по М. Гиро-Веберу). Действие, описываемое такими глаголами, не может быть локализовано на оси времени, оно не предполагает какого-либо изменения в сфере субъекта. Такие действия также не имеют определённого предела, они могут продолжаться бесконечно, и длительность их протекания не обуславливает их прекращения.

Отметим, что наречие в исследуемой синтаксической модели является обязательным структурным компонентом, без которого высказывание не будет считаться квазисубъектным, поскольку наличие данного элемента имплицитно задаёт наличие внешнего агенса, усилиями которого реализуется описываемая ситуация. Рассмотренные классификации типов наречия позволили определить, что в рамках квазисубъектных моделей реализуются наречия образа и способа действия, с помощью которых даётся характеристика как субъекту действия, так и описываемому событию. В дальнейшем наречия распределяются по группам в зависимости от их семантической характеристики. В процессе исследования было выделено 11 семантических классов наречий (визуальное восприятие, временные и звуковые характеристики действий, характеристики процессов, мера и степень проявления признака, оценка, расположение в пространстве, скорость, сложность, характеристики, связанные с деятельностью человека, физические характеристики предметов).

ГЛАВА II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для создания адекватного описания семантики каких-либо когнитивных моделей, которые имеют место в языковой картине мира носителя языка, требуется опора на определённые методы анализа языкового материала, позволяющие доказать то или иное выдвинутое положение. Выбор данных методов в свою очередь обосновывается целями и задачами проводимого исследования, а также характером исследуемого материала [Сулейманова 2004: 7]. В данной работе для анализа квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well* был применён метод контент-анализа, с помощью которого представляется возможным выделить исследуемые модели в тексте, собрать статистику их употребления и далее интерпретировать количественные данные. Наряду с этим применялся гипотетико-дедуктивный метод, позволяющий выдвинуть гипотезу о семантике исследуемых моделей, экспериментально её проверить и верифицировать выдвинутые положения. Рассмотрим подробнее данные методы исследования.

2.1. Метод контент-анализа

В настоящей работе одним из методов исследования выступает метод контент-анализа, который в рамках лингвистических исследований позволяет решить различные задачи: выявить характеристики автора сообщения, определить, с помощью каких средств автор оказывает влияние на получателей сообщения, собрать статистику повторяющихся структур и т.п. Обращение к данному методу даёт возможность через анализ текста сообщения определить особенности языкового поведения автора и то, на какую аудиторию нацелено данное сообщение. При этом контент-анализ позволяет провести количественный анализ текстов и в дальнейшем интерпретировать выявленные числовые

закономерности [Чернобровкина 2011: 125]. В рамках данной работы метод контент-анализа позволит выделить в тексте исследуемые языковые модели, подсчитать их общее количество, привести статистику их употребления и далее интерпретировать результаты анализа, что в свою очередь послужит основой для проведения семантического эксперимента.

Контент-анализ представляет собой такой метод исследования, в рамках которого текстовая информация разбивается на определённые категории и кластеры, позволяющие далее установить закономерности между выделяемыми в тексте темами [Julien 2008: 120]. Иными словами, с помощью данного метода исследователь может выявить характеристики, проявляющиеся в тексте чаще всего, на основе чего далее делается вывод о намерениях создателя текста и выдвигается предположение о том, какой коммуникативный эффект данный текст произведёт на адресата [Беляков 2016: 60].

В рамках данного метода выделяют качественный и количественный контент-анализ. Задача количественного контент-анализа заключается в подсчёте единиц текста, которые являются предметом исследования, тогда как качественный контент-анализ направлен на определение и интерпретацию значения сообщения, заложенного в тексте. Качественный и количественный контент-анализ также различаются по методу отбора материала. При количественном контент-анализе исследователь отбирает материал методом сплошной выборки, что обеспечивает достоверность статистических выводов. В процессе качественного контент-анализа, напротив, отбираются тексты определённого жанра, анализ которых позволит осветить вопросы, поднимаемые в исследовании. В качестве результатов количественного контент-анализа выступают количественные данные, которые в дальнейшем можно обрабатывать с помощью статистических методов. Результаты качественного контент-анализа представляют собой описание роли в тексте смысловых единиц, которые помогают определить значение текста в целом. Таким образом, в рамках качественного контент-анализа рассматриваются уникальные для данного текста темы и феномены, тогда как количественный анализ определяет статистическую

значимость рассматриваемых элементов текста [Zhang 2017: 319]. Отметим, что качественный и количественный контент-анализ могут совмещаться, и анализ текста будет включать в себя как подсчёт частоты упоминания смысловых единиц в тексте, так и их качественную интерпретацию. Иными словами, контент-анализ в данном случае представляет собой качественно-количественный анализ текстов [Чернобровкина 2011: 126].

Контент-анализ состоит из следующих этапов. На **первом** этапе формируется выборка текстов, которые объединяются, например, по жанру и типу сообщения [Чернобровкина 2011: 126]. Так, в случае квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well* были отобраны тексты инструкций по эксплуатации технических приборов и устройств (плита, миксер, пылесос, стиральная машина). Объём анализируемого материала составил 188 страниц на русском языке и 175 страниц на английском языке.

Выбор таких текстов обусловлен их жанровой особенностью. Данный тип текстов принадлежит к официально-деловому стилю, который используется для оформления различной документации, включая официальные документы, предписания, а также инструкции. Отличительными чертами текстов официально-делового стиля является стереотипность, стандартность, объективность изложения, что влечёт за собой обезличивание текста, т.е. в данных текстах отсутствуют проявления личности автора [Стилистические аспекты перевода 2010]. Автор текста не может явно выступать в качестве действующего субъекта, следовательно, требуются такие языковые средства, которые могли бы объективно и точно представить информацию. Такими средствами могут служить квазисубъектные модели, которые имплицитно задают наличие активного субъекта, способствующего реализации события, однако в то же время представляют ситуацию в отрыве от действий внешнего агенса. Таким образом, тексты инструкций выступают в качестве одного из источников языкового материала.

На **втором и третьем** этапах контент-анализа уточняются единицы аналитического исследования, производится их подсчёт и рассчитывается

частотность данных единиц [Чернобровкина 2011: 126]. В данном исследовании единицей анализа выступают примеры употребления квазисубъектных моделей, которые далее необходимо выделить в тексте. Для этого необходимо определить, по каким параметрам следует производить направленный поиск данных моделей. Так, для поиска примеров употребления квазисубъектных моделей в текстах инструкций были использованы следующие компьютерные программы. Анализ текстов инструкций на русском языке производился с помощью программы Adobe Acrobat (предназначена для чтения документов в формате PDF). Поскольку в квазисубъектной модели реализуется возвратный глагол, основной особенностью которого выступает формант *-ся*, поиск моделей производился по данному морфологическому компоненту, что упрощает процесс отбора языкового материала. Тем не менее поиск по элементу «ся» выдаёт все вхождения, в которых содержится данное сочетание: как возвратные глаголы, так и другие единицы, где данный элемент может входить в состав другого морфологического компонента, например, корня. Ср. *Храните данное руководство пользователя в пределах лёгкой досягаемости для пользователя.* Следовательно, чтобы исключить вхождения, в которых формант *-ся* не является маркером возвратного глагола, в поисковую строку программы Adobe Acrobat необходимо вводить элемент «тся», позволяющий выделить в тексте вхождения, в которых реализуется соответствующий вид глагола (Рисунок 5). Общее количество вхождений с элементом «тся» составило 425.

Конфорки Hi-Light отличаются от обычных тем, что нагреваются значительно быстрее, поэтому процесс приготовления значительно ускоряется.

Рисунок 5 – Результат поиска по ключевому элементу «тся»

В качестве репрезентативного материала отбирались конструкции, сопровождаемые наречием, которое характеризует описываемое предикатом событие и акцентирует свойства самого субъекта высказывания, например: *Дверца **сильно** нагревается, Степень нагрева конфорок устанавливается*

бесступенчато, *Дверца открывается и закрывается неправильно* и др. В текстах инструкций было выделено 36 высказываний, включающих наречия.

Наряду с этим было отобрано 90 высказываний, не содержащих наречие, которые, однако, потенциально можно перестроить в квазисубъектную модель. Например, высказывание *Ручка дверцы может сломаться* представляется возможным преобразовать в следующую квазисубъектную модель: *Ручка дверцы легко ломается*. Таким образом, общая выборка на основе инструкций по применению технических приборов и устройств составила 126 вхождений, список которых можно дополнить за счёт преобразования высказываний без наречий в модели с обстоятельственным оборотом. Например, предложение *Материалы могут расплавиться* можно перестроить в два соответствующих высказывания: *Материалы легко плавятся*, *Материалы быстро плавятся*. В итоговую эмпирическую базу исследования вошло 187 вхождений.

Поиск английских квазисубъектных моделей производился иным способом. Как отмечалось ранее, в английских квазисубъектных моделях представлен глагол в форме активного залога, не обладающий таким формальным морфологическим компонентом, который позволил бы произвести направленный поиск моделей по тексту. Поиск по окончанию глаголов единственного числа *-s* выдаёт все вхождения, в которых присутствует буква *s* (ср. *We sincerely thank you for your purchase*), а для поиска глаголов во множественном числе не представляется возможным подобрать такой компонент, который позволил бы выделить в тексте примеры употребления квазисубъектных моделей. Следовательно, для упрощения процесса отбора языкового материала необходимо обратиться к таким инструментам, с помощью которых можно выделить в текстах инструкций исследуемые модели. В рамках данной работы таким инструментом выступает программа Tropes, которая находит широкое применение в рамках контент-анализа.

Программа Tropes используется для определения основных актантов текста, типа отношений между ними и их иерархической соотнесённости. С помощью данной программы возможно рассматривать как всю структуру текста, так и роль

его составляющих, которые далее позволяют определить значение всего текста [Tropes. Reference Manual 2011: 6]. Программа Tropes также обеспечивает автоматизацию процесса отбора языкового материала, производя количественный подсчёт языковых единиц в тексте и предоставляя их краткую характеристику, что сокращает время обработки эмпирического материала вручную.

При анализе текста программа Tropes автоматически выделяет части речи и распределяет их по группам согласно определённым параметрам. Программой предлагаются такие группы лексики, как «Глаголы» (Verbs), «Соединительные слова» (Connectors), «Модальность» (Modalities), «Прилагательные» (Adjectives) и «Местоимения» (Pronouns). В рамках данного исследования выбор групп лексики, которые необходимо рассмотреть для отбора языкового материала, обуславливается структурой квазисубъектной модели. Так, поскольку наречие является одним из структурных компонентов квазисубъектной модели, рассматривалась категория «Модальность» (Modalities), включающая в себя наречия и обстоятельственные обороты [Tropes. Reference Manual 2011: 52]. К данной категории относятся наречия времени (time), места (place), образа действия (manner), утверждения (assertion), сомнения (doubt), отрицания (negation) и интенсивности (intensity). Как отмечалось ранее, в квазисубъектной модели реализуются наречия образа и способа действия, поэтому далее рассматривались высказывания, которые содержат соответствующие типы наречия. Наряду с этим рассматривалась категория «Глагол» (Verb), включающая фактивные глаголы (глаголы, описывающие действия) (factive), глаголы состояния (stative), возвратные глаголы (reflexive) и перформативные глаголы (performative). Как отмечалось в п. 1.5, глагол, реализующийся в рамках квазисубъектной модели, представляет собой предикат класса, поэтому в категории «Глаголы» рассматривались вхождения с фактивными и возвратными глаголами. Фактивные глаголы описывают действия, которые могут совершаться субъектом, тогда как возвратные глаголы позволяют описать условия реализации некоего события [Tropes. Reference Manual 2011: 51] (Рисунок 6).

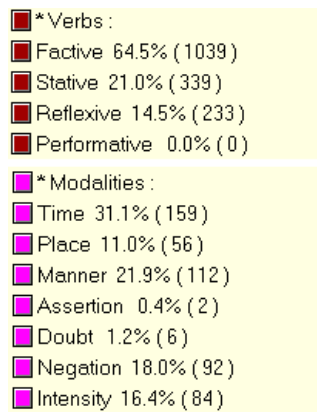

Рисунок 6 – Статистические данные по категориям «Глагол» и «Модальность» на примере инструкции по применению плиты

Поиск по данным категориям позволяет отобрать высказывания, которые структурно соответствуют квазисубъектной модели, т.е. состоят из существительного, глагола и наречия. На Рисунке 7 представлен пример квазисубъектного высказывания, в структуре которого можно наблюдать соответствующие структурные компоненты: существительное (*the heater and the fan / нагреватель и вентилятор*), глагол (*operate / работают*) и наречие (*simultaneously / одновременно*).

the round heater and the fan operate **simultaneously**.

Рисунок 7 – Пример высказывания, соответствующего форме квазисубъектной модели

Наряду с этим были отобраны высказывания, которые потенциально можно преобразовать в квазисубъектную модель. Представленное на Рисунке 8 исходное высказывание, в котором использован глагол в форме пассивного залога (*is closed / закрыта*), можно потенциально перестроить в квазисубъектную модель: *The cap closes properly / Крышка закрывается должным образом*.

If the water inlet cap is closed not **properly**, water may leak.

Рисунок 8 – Пример высказывания, которое потенциально можно преобразовать в квазисубъектную модель

Похожую ситуацию можно наблюдать в исходном высказывании *Pre-filter is assembled properly before using the appliance* / *Перед использованием прибора необходимо правильно установить фильтр предварительной очистки*, где также используется глагол в форме пассивного залога. Данное высказывание можно перестроить в следующую квазисубъектную модель: *Pre-filter assembles properly* / *Фильтр предварительной очистки устанавливается правильно*. Ср. также *The adjustment screws can easily be turned* / *Регулировочные винты можно легко повернуть* – *The screws turn easily* / *Регулировочные винты легко поворачиваются*; *The characteristics of your washing machine may differ slightly* / *Характеристики вашей стиральной машины могут немного отличаться* – *The characteristics differ slightly* / *Характеристики немного отличаются*; *Make sure the door is closed properly* / *Убедитесь, что дверь закрыта должным образом* – *The door closes properly* / *Дверь закрывается должным образом*; *Fit the lid and close securely* / *Установите крышку и надёжно её закройте* – *The lid closes securely* / *Крышка надёжно закрывается*.

Вместе с тем при анализе текста программой Tropes могут наблюдаться погрешности: например, в высказывании выделенные цветом части речи или обороты могут быть отнесены к наречиям образа действия, однако они не указывают на свойства и характеристики субъекта или особенности выполняемого действия. В высказывании на Рисунке 9 сокращение *e.g.* / *например* указывает на следующий далее пример, что не соответствует требованиям, которые предъявляются к наречиям в данном исследовании. Следовательно, полученные на выходе высказывания необходимо обрабатывать вручную.

and possibly attacking the plastic (e.g. essential oils in herbs).

Рисунок 9 – Пример высказывания-погрешности

Таким образом, общее количество обработанного материала составило 6 295 вхождений на английском языке. В эмпирическую базу исследования было отобрано 228 высказываний, из которых 13 высказываний точно соответствуют структуре квазисубъектной модели, 215 высказываний были преобразованы из

примеров без наречия и предложений, в которых глагол был представлен в различных формах (пассивный залог, повелительное наклонение и др.).

На **четвёртом** этапе контент-анализа статистические результаты анализа получают интерпретацию [Чернобровкина 2011: 126]. На данном этапе необходимо далее обратиться к гипотетико-дедуктивному методу для дальнейшей интерпретации результатов исследования.

Таким образом, можно говорить о том, что обращение к методу контент-анализа в данной работе и выделение исследуемых моделей в различных текстах позволит интерпретировать собранный материал, составить статистику его употребления, а также выдвинуть некоторые положения относительно семантики исследуемых моделей. Рассмотрим далее принципы отбора языкового материала из других типов источников, а именно корпусов текстов.

2.2. Принципы отбора и обработки языкового материала на базе корпусов текстов

Представленную выше эмпирическую базу исследования необходимо подкрепить высказываниями, которые отбирались на базе различных корпусов текстов, а именно: Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Британского национального корпуса текстов (British National Corpus, BNC), Корпуса текстов современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA). Рассмотрим далее принципы отбора языкового материала, которые обуславливаются особенностями функционала данных корпусов текстов.

Так, на платформе НКРЯ представляется возможным воспользоваться функцией лексико-грамматического поиска, с помощью которого можно задать последовательность лексем и словоформ, обладающих определёнными грамматическими и семантическими признаками. Каждый столбец формы поиска соответствует отдельной лексеме или словоформе. При этом не обязательно

указывать отдельную лексему, поскольку можно задать поисковой запрос только по отдельным грамматическим или семантическим признакам, или же комбинировать данные параметры в любом порядке [НКРЯ 2003, URL]. Поиск языкового материала для настоящего исследования проводился следующим образом (Рисунки 10, 11).

Слово 1	Слово 2	Слово 3
Лемма <input type="text"/>	Лемма <input type="text"/>	Лемма <input type="text" value="*ся"/>
Словоформа <input type="text"/>	Словоформа <input type="text"/>	Словоформа <input type="text"/>
Грамм. признаки <input type="text" value="(S) & (inan)"/>	Грамм. признаки <input type="text" value="(ADV)"/>	Грамм. признаки <input type="text" value="(V) & (indic) & (praes)"/>
Семантика основная <input type="text"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.	Семантика основная <input type="text" value="gr:ADV & (der:a der:a & dt:size de)"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.	Семантика основная <input type="text"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.

Рисунок 10 – Заполненная форма лексико-грамматического поиска НКРЯ (поиск примеров с глаголами в настоящем времени)

Слово 1	Слово 2	Слово 3
Лемма <input type="text"/>	Лемма <input type="text"/>	Лемма <input type="text" value="*сь *ся"/>
Словоформа <input type="text"/>	Словоформа <input type="text"/>	Словоформа <input type="text"/>
Грамм. признаки <input type="text" value="(S) & (inan)"/>	Грамм. признаки <input type="text" value="(ADV)"/>	Грамм. признаки <input type="text" value="(V) & (indic) & (praet) & (act med)"/>
Семантика основная <input type="text"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.	Семантика основная <input type="text" value="gr:ADV & (der:a der:a & dt:size de)"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.	Семантика основная <input type="text"/> ☒ 1-е знач. ☒ др. знач.
Синтаксические признаки <input type="text" value="(nsubj)"/>	Синтаксические признаки <input type="text" value="(advmod advcl amod)"/>	Синтаксические признаки <input type="text"/>

Рисунок 11 – Заполненная форма лексико-грамматического поиска НКРЯ (поиск примеров с глаголами в прошедшем времени)

С учётом того, что квазисубъектные модели состоят из трёх компонентов, форма лексико-грамматического поиска состояла из трёх столбцов. Первая строка

столбца «Слово 1» отводится под существительное, поэтому ячейка «Лемма» остаётся незаполненной, а в ячейку «Грамм. признаки» вводится обозначение «S,inan» для маркирования неодушевлённого существительного (как отмечалось ранее, субъект в квазисубъектной модели представляет собой неодушевлённый предмет). В данном столбце также имеется возможность отметить синтаксические признаки компонента, что маркируется обозначением «nsubj» (подлежащее / субъект). Столбец «Слово 2» оформлен аналогичным способом, но в данном случае в ячейке «Грамм. признаки» присутствует обозначение «ADV», маркирующее наречие. Для данного столбца также заполнялась ячейка «Семантика основная» с целью уточнения результатов поиска: отмечались отадективные наречия типа *быстро*, *сильно*, с помощью которых описываются определённые характеристики субъекта высказывания (Рисунок 12). Наряду с этим можно указать синтаксические признаки компонента, а именно: отметить такие модификаторы, как наречные модификаторы, обстоятельственная клауза, атрибутивный модификатор (Рисунок 11).

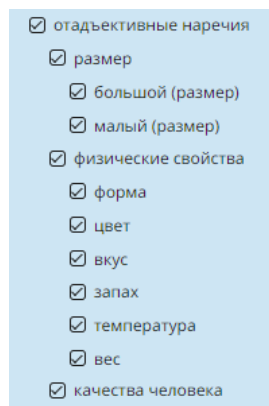

Рисунок 12 – Параметры ячейки «Семантика основная» для компонента «Наречие»

Столбец «Слово 3» отводится под предикат, обладающий следующими характеристиками. Так, требуется найти лексем, которые оканчиваются на формант *-ся*. Поиск таких лексем задаётся с помощью оператора «*» (астериск, «звёздочка») и следующей за ним необходимой конечной части. Далее с целью уточнения результатов поиска в ячейку «Грамм. признаки» вводилось обозначение «V,indic,praes», которое маркирует глагол изъявительного

наклонения в настоящем времени, или обозначение «V,indic,prate» для поиска высказываний с глаголами в прошедшем времени.

Таким образом, в качестве результатов поиска выступает корпус объёмом 36 705 документов, содержащих 108 602 примера, в которых представлена исследуемая синтаксическая модель. Далее данный материал приходится обрабатывать вручную, поскольку часть вхождений не соответствует параметрам квазисубъектной модели; также субъект высказывания может находиться на расстоянии определённого количества слов от наречия. В поисковой форме можно установить необходимое расстояние между словами, что позволяет точнее определить структуру сочетания слов [НКРЯ 2003, URL]. Тем не менее расстояние между словами в заданном корпусе может достигать любого предела. Например, в высказывании *Разумеется, уделили значительное внимание ситуации в Ираке, говорили и о перспективах принятия **резолюции** Совета Безопасности ООН по Ираку, которая, как вы знаете, сейчас **активно обсуждается** в Совете* можно выделить квазисубъектную модель *Резолюция активно обсуждается*, при этом расстояние между первым компонентом модели (*резолюция*) и следующим (*активно*) составляет 11 слов. Как представляется, определение точного расстояния между лексемами не отменяет необходимости в дальнейшей обработке материала вручную, поэтому в исходном поисковом запросе в качестве расстояния между словами было установлено значение, равное единице, которая обозначает расстояние между соседними словами. Таким образом, на русском языке было отобрано 1 000 примеров употребления квазисубъектных моделей (500 высказываний с глаголами настоящего времени, 500 высказываний с глаголами прошедшего времени, включая примеры из текстов инструкций).

Помимо языкового материала на русском языке собирался также материал на английском языке. Примеры употребления исследуемых моделей на английском языке отбирались на базе Британского национального корпуса текстов (British National Corpus, BNC) и Корпуса текстов современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English,

СОСА). Отметим, что базы данных корпусов текстов оперируют одной системой поиска; иными словами, поисковый интерфейс BNC не отличается от поискового интерфейса СОСА. Данные платформы также оперируют определёнными обозначениями. С учётом структуры квазисубъектной модели на английском языке (*существительное + глагол + наречие*), в поисковой строке требуется ввести соответствующие для данных компонентов обозначения, а именно: NOUN VERB ADV (Рисунок 13), где NOUN обозначает нарицательное существительное, VERB – полнозначные глаголы (исключая глаголы *to do, to be, to have*, которые чаще всего выступают в качестве глаголов-связок) в любой форме (формы настоящего, прошедшего времени и др.), ADV – наречие. В графе «# HITS» задаётся количество результатов, получаемое на выходе запроса [СОСА, Davies 2008, URL]. В процессе отбора материала данное значение было выставлено в объёме 3 000 вхождений, что позволяет обработать большой объём материала.

The screenshot shows the search interface for COCA. At the top, there are navigation tabs: 'List' (highlighted), 'Chart', 'Word', and 'Browse +'. Below this is a search input field containing 'NOUN VERB ADV' and a '[POS]' label to its right. Underneath the input field are two buttons: 'Find matching strings' and 'Reset'. Below the buttons is a row of checkboxes and labels: 'Sections', 'Texts/Virtual', 'Sort/Limit', and 'Options'. Further down are several input fields for search parameters: '# HITS' with the value '1000', '# KWIC' with the value '200', 'GROUP BY' with the value 'WORDS', 'DISPLAY' with the value 'RAW FREQ', and 'SAVE LISTS' with the value 'NO'.

Рисунок 13 – Структура поискового запроса СОСА, BNC

Тем не менее данный запрос в большинстве случаев выдаёт варианты, не соответствующие искомой квазисубъектной модели, например, такие высказывания, как *Time goes on / Время идёт, Heart goes out / Сердце останавливается, Child left behind / Оставленный позади ребёнок*, в которых с семантической точки зрения второй и третий компоненты составляют фразовый глагол. Следовательно, требуется видоизменить форму поискового запроса, который позволил бы отобразить исследуемые модели. В связи с этим были сформированы следующие виды запросов:

1. NOUN VERB *ly_r, где *ly обозначает словоформу, оканчивающуюся на -ly, а оператор «_r» определяет часть речи (наречие): *Prices rise sharply / Цены резко растут, Heart beats rapidly / Сердце учащённо бьётся, Mouth opens slightly / Рот слегка приоткрывается*. Общее количество рассмотренных вхождений по данному запросу составило 1 750 (BNC – 1600, COCA – 150), из которых было отобрано 78 высказываний;

2. NOUN VERB ADV ADV: запрос со следующими подряд двумя наречиями, например, высказывания *Heart beating so wildly / Сердце, так бешено бьющееся, Heart beating so loudly / Сердце, так громко бьющееся*, которые потенциально можно преобразовать в соответствующую форму квазисубъектной модели: *Heart beats wildly / Сердце бешено бьётся, Heart beats loudly / Сердце громко бьётся*. Данный запрос ни в одном из корпусов текстов не выдал результатов, на выходе мы получаем пустую страницу. Предположительно это может быть связано с тем, что поисковая строка нагружена большим количеством морфологических элементов, что затрудняет процесс поиска. Система выдаёт такой же результат в случае опущения начального компонента NOUN;

3. NOUN VVZ *ly_r, где оператор VVZ маркирует форму глагола на -s, т.е. глаголы единственного числа в форме Present Simple, например: *Change comes slowly / Перемены происходят медленно, Mixture thickens slightly / Смесь слегка густеет, Door opens slowly / Дверь медленно открывается*. Следует отметить, что такой запрос представляется наиболее удобным, поскольку в качестве результатов поиска выступают высказывания, наиболее явно соответствующие форме квазисубъектной модели, что упрощает процесс отбора материала. Данный поисковый запрос позволил проанализировать 1 015 вхождений (BNC – 1000, COCA – 15), из которых было отобрано 75 высказываний;

4. NOUN VVZ ADV: данный поисковый запрос так же, как и запрос NOUN VERB ADV, не представляется удобным, поскольку в качестве результатов выводится большое количество словосочетаний с фразовыми глаголами;

5. NOUN VVZ ADV *ly_r: соответствующий запрос является вариантом запроса NOUN VERB ADV ADV, примеры которого представляется возможным

преобразовать в форму квазисубъектной модели, ср. *Core rotates more slowly / Ядро всё медленнее вращается – Core rotates slowly / Ядро медленно вращается* (вариант высказывания без наречия *more / всё*). По данному поисковому запросу было обработано 962 вхождения (BNC – 837, COCA – 125), из которых было отобрано 64 высказывания. Следует отметить, что, как и в случае с запросом NOUN VERB ADV ADV, система не выдаёт результатов. Просмотреть результаты по данному запросу возможно только в случае опущения начального компонента NOUN;

6. NOUN VVZ ADV ADV: данная последовательность компонентов также выступает вариантом запроса NOUN VERB ADV ADV. По запросу было обработано 30 вхождений (BNC – 5, COCA – 25), из которых в выборку ушло одно высказывание; результаты поиска по запросу просматриваются в случае опущения начального компонента NOUN;

7. NOUN VVD *ly_r, где оператор VVD маркирует форму глагола в прошедшем времени: *Eyes opened slowly / Глаза медленно открылись, Plane landed safely / Самолёт благополучно приземлился, Time passed slowly / Время тянулось медленно*. В результате было обработано 3 104 вхождения (BNC – 3000, COCA – 104), из которых в выборку ушло 84 высказывания в силу того, что большинство примеров по данному запросу представляют собой высказывания, где глагол в прошедшем времени выполняет функцию причастия, ср. *A study published recently in the journal... / Исследование, опубликованное недавно в журнале...*;

8. NOUN VVD RR, где оператор RR является аналогом оператора ADV и обозначает наречие. По результатам запроса было обработано 219 вхождений в COCA, в выборку было отобрано 5 высказываний (корпус BNC не выдаёт результатов по данному запросу, предположительно по техническим причинам);

9. NOUN VVD RR RR: аналог запроса NOUN VVZ ADV ADV с двумя следующими друг за другом наречиями. Из 24 вхождений в корпусе COCA было отобрано 4 примера (корпус BNC, как и для предыдущего запроса, не выдаёт результатов);

10. NOUN VVD ADV ADV, который вводился в поисковую строку корпуса BNC (на базе корпуса COCA данный запрос не работает). В результате из 1 985 вхождений было отобрано 256 примеров употребления квазисубъектных моделей.

Отметим, что поскольку в качестве результатов поискового запроса могут выступать такие словосочетания, которые не могут расцениваться как квазисубъектные модели, то языковой материал, как и случае с материалом НКРЯ, требуется обрабатывать вручную. Таким образом, в эмпирическую базу исследования было отобрано 762 высказывания на русском языке и 772 высказывания на английском языке. Общий объём эмпирической базы составляет 2 000 примеров употребления квазисубъектных моделей (1 000 высказываний на русском языке, 1 000 высказываний на английском языке).

Рассмотрим далее роль сетевых исследовательских технологий, в частности, корпусов текстов и поисковых систем, в проведении семантических исследований.

2.3. Цифровые методы работы с материалом

С появлением компьютерных технологий и развитием сети Интернет представляется возможным получать новые сведения и знания о семантике слов посредством статистического анализа максимально обширного лингвистического материала, который насчитывает сотни миллионов словоупотреблений, собранных в различных корпусах текстов (Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Corpus of Contemporary American English и др.) [Фомина 2020; 2022; Никитина 2021б; Nessel 2019]. В рамках гипотетико-дедуктивного метода такие массивы данных используются в качестве источника «положительного» языкового материала, тем самым предоставляя основательную доказательную базу и способствуя сбору и анализу материала на первичных этапах исследования. Исследователи также изучают возможность создавать описания лексических единиц и строить теории об их употреблении, основываясь только на материалах корпуса текстов [Иванова 2018: 20–21]. С учётом способности некоторых корпусов текстов

сравнивать частотность употребления и семантическую специфику лексических единиц, а также выводить примеры с выделенными типами дистрибуции (например, функции «Compare», «Chart» и «Keyword in Context» в СОСА), полученные данные не позволяют решить поставленные задачи семантического исследования несмотря на то, что помогают выдвигать гипотезы об особенностях семантики языковых единиц. Собранный материал подлежит дальнейшей обработке в силу наличия «шумов» (например, коллокаций, не связанных семантически с исследуемым словом, ср. артикли, предлоги, знаки препинания и др.) [Иванова 2018: 22]. В случае квазисубъектных моделей необходимо отличать высказывания, в которых представлена искомая модель, от других типов высказывания. Ср. высказывание *Она повернула ключ, и дверь бесшумно открылась*, где реализуется исследуемая синтаксическая модель. Напротив, в высказывании *Вскоре у входной двери незаметно появилась невысокая женщина* слово *дверь* не выступает субъектом высказывания по причине наличия активного деятеля *женщина*, с которым соотносится предикат с формантом *-ся появилась*; слово *дверь* в данном случае выступает в качестве обстоятельства места.

Применение корпусных технологий в рамках семантического исследования предполагает использование различных методов количественной и статистической обработки материала. Например, исследователи обращаются к вычислениям мер неслучайности встречаемости исследуемых слов с другими языковыми единицами. Данные вычисления показывают, что обработка данных будет производиться встроенной в корпус программой Sketch Engine [Иванова 2018: 23]. Так, например, применяются меры MI-score и t-score для вычисления встречаемости определённых лексических единиц (мера MI-score позволяет определить степень идиоматичности сочетания, тогда как t-score определяет частоту встречаемости данного сочетания в текстах корпуса, независимо от их жанра). При этом величина данных мер позволяет определить силу синтагматических связей между компонентами словосочетаний [Иванова 2018: 24–25].

Отметим, что статистическая обработка собранного материала с помощью компьютерных программ и представление результатов в виде таблиц, диаграмм и графиков придают объективность семантическим исследованиям. Применение количественных методов не вытесняет, тем не менее, традиционных подходов к изучению семантики языковых единиц, а является их дополнением, поскольку качество полученных результатов зависит от «компетенции исследователя, особенно в силу “нечувствительности” компьютера к нюансам и естественной вариативности языка» [Иванова 2018: 25].

В связи с широким применением корпусных данных в рамках семантических исследований возникает вопрос о том, представляется ли возможным рассматривать Интернет в качестве корпуса текстов [Петрова 2022; Kilgarriff 2003; Boulton 2012; Suleimanova 2020]. Действительно, использование сети Интернет позволяет решить проблему ограниченности объёмов существующих корпусов текстов, поскольку в них представлено конечное число текстов, что в некоторых случаях не позволяет полноценно изучить малоупотребительные лексические единицы. При этом возникает проблема «филологической компетентности» Интернета как корпуса текстов, т.е. возникает вопрос, насколько его данные являются актуальными и соответствуют реалиям языка (учитывая наличие ненормативного и неправильного употребления слов на различных интернет-ресурсах). Наряду с этим тексты, представляемые в качестве результатов поиска, могут быть созданы не-носителями языка. В этом смысле поисковая система Yandex представляется более надёжной, поскольку она направлена на поиск информации в текстах на русском языке, тогда как основным фокусом поисковой системы Google являются тексты на английском языке (несмотря на то, что она выдаёт результаты по поисковым запросам на русском языке) [Иванова 2018: 25–26]. Данный факт отражается на количестве результатов, которые выдаёт поисковая система. Так, например, при поиске высказывания *Огонь быстро распространяется* в системе Google запрос выдаёт 14 100 вхождений, тогда как система Yandex предлагает большее количество результатов: 25 000 вхождений (по состоянию на 27.03.2023). Обратная ситуация

наблюдается при поиске этого же высказывания на английском языке *Fire spreads quickly*: система Google предлагает больше вхождений (7 750), чем система Yandex (369) (по состоянию на 27.03.2023).

В целом, если говорить о поисковых системах, то критерий компетентности в данном случае всё же выполняется и представляется довольно удовлетворительным, так как «массивный объём обрабатываемых данных позволяет компенсировать возможные ошибки, совершаемые индивидуальными пользователями» [Иванова 2018: 26]. Действительно, если набрать в поисковой системе Google сочетание **blinds draw smoothly / ?шторы плавно задёргиваются*, то система, выдавая при этом примерно 71 400 000 результатов (по состоянию на 12.01.2023), не приводит на первых пяти страницах ни одного контекста, где данное сочетание было бы представлено в исходном виде и компоненты были бы связаны семантически (Рисунок 14). Вместе с тем запрос с использованием оператора «кавычки» *“blinds draw smoothly”*, с помощью которых система ищет точное соответствие ключевой фразы, не выдаёт каких-либо результатов и предлагает поиск по данному запросу без использования кавычек (Рисунок 15).

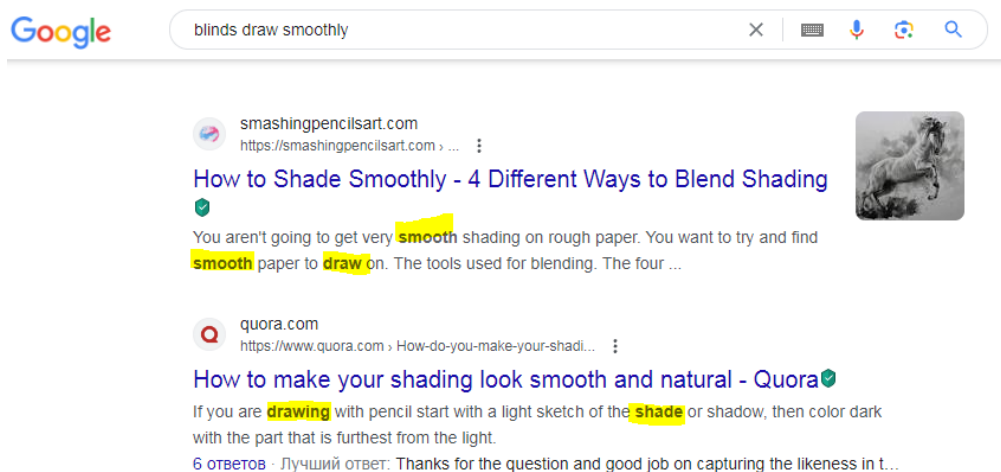

Рисунок 14 – Результаты по поисковому запросу *blinds draw smoothly* (дата обращения: 12.01.2023)

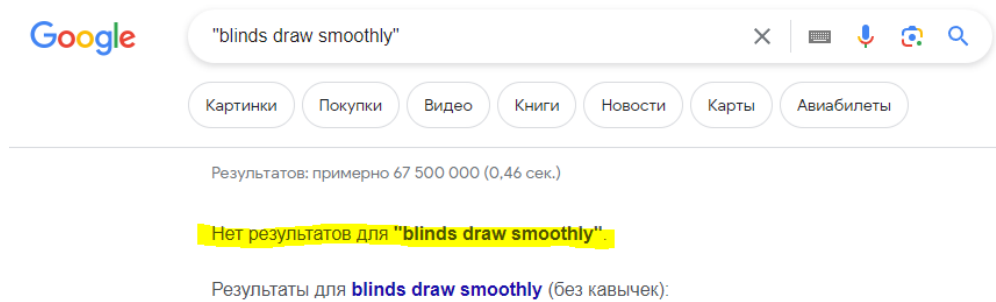

Рисунок 15 – Результаты по поисковому запросу
 “*blinds draw smoothly*” (дата обращения: 12.01.2023)

Таким образом, направленная проверка позволяет оценить языковой материал с точки зрения его маркированности, а именно: следует ли отнести то или иное высказывание к отрицательному языковому материалу или же высказывание можно оценить как приемлемое.

Следовательно, в качестве одного из методов корпусных исследований можно предложить метод направленной проверки сочетаемости исследуемых слов и высказываний в поисковых системах, выбор которых определяется характером исследуемого материала (например, для проверки материала на английском языке можно обратиться к поисковым системам Google и Bing, которые широко используются англоговорящими пользователями). Результаты поиска также позволят собрать количественную характеристику по искомому сочетанию и составить списки наиболее частотных коллокаций – иными словами, наиболее частотных запросов пользователей [Иванова 2018: 26–27]. Так, например, если набрать в поисковой строке Google выражение *Дверь закрывается*, то система автоматически предложит такие варианты, как *Дверь закрывается не плотно*, *Дверь закрывается с усилием*, *Дверь плохо закрывается* и др.

Наряду с этим применение поисковых систем позволяет определить наиболее «естественное» следование и сочетание компонентов языковых моделей, отражаемое в когнитивном опыте носителей языка. При этом следует учитывать сравнительные данные употребления исследуемых моделей, поскольку по отдельности число вхождений определённого сочетания показывает

частотность его употребления, а не то, какие модели наиболее предпочтительны в языке [Сулейманова 2018в].

Следует отметить, что пошаговые алгоритмы применения поисковых систем в рамках семантических исследований пока не разработаны, поэтому направленная проверка сочетаемости слов в сети Интернет применяется несистемно. Действительно, данные корпусов текстов и поисковых систем предлагают обширный аутентичный материал для изучения семантики лексических единиц и выдвижения соответствующих гипотез об их значении [Иванова 2018: 27], однако в большинстве случаев необходимо проводить направленный семантический эксперимент и применять гипотетико-дедуктивный метод для получения исчерпывающего и адекватного семантического и когнитивного описания исследуемых моделей [Сулейманова 2018в]. Тем не менее благодаря алгоритмам, которые определяют возможность или невозможность построения той или иной фразы, представляется возможным использовать поисковые системы для упрощения процедуры семантического эксперимента. Перейдём далее к описанию процедуры гипотетико-дедуктивного метода, который в данной работе выступает основным методом исследования.

2.4. Гипотетико-дедуктивный метод и трудности проведения семантического эксперимента

На данный момент в рамках когнитивной лингвистики особое внимание уделяется выбору, поиску и разработке методов исследования, которые позволяют адекватно описать семантику исследуемых языковых явлений. Например, в рамках семантических исследований учёные обращаются к таким методам, как валентный и дистрибутивный анализ, компонентный и контекстологический анализ, гипотетико-дедуктивный метод и др. Следует отметить, что не все из перечисленных методов исследования позволяют в конечном итоге получить адекватное описание семантики тех или иных языковых

единиц и конструкций. Так, например, с помощью дистрибутивного анализа исследователь собирает данные обо всех возможных окружениях исследуемой единицы и рассматривает её встречаемость с другими лексическими единицами (если, например, предметом исследования является слово, то анализируется его сочетаемость с другими словами) [Сулейманова 2004: 8–9]. Валентный анализ в свою очередь имеет много общего с дистрибутивным анализом и заключается в рассмотрении свойств лексической единицы вступать в связь с другими словами. В рамках контекстологического анализа особое внимание уделяется контексту, в котором реализуется языковая единица, а также выявляется зависимость окружения слова от его значения. Следует отметить, что данные типы анализа позволяют зафиксировать окружение языковой единицы, помогают выдвинуть гипотезу о значении исследуемой единицы и сделать некоторые выводы. Тем не менее на основе данных методов не представляется возможным получить описание семантики языковой единицы и доказать выдвинутые положения [Сулейманова 2004: 10–11].

В рамках компонентного анализа значение языковой единицы разделяется на составные компоненты, вычленение которых проходит как на основе соотношения элементов отдельного значения, так и на фоне соотношения данного значения со значениями других единиц [Сулейманова 2004: 12]. Данный метод, однако, не является достаточным инструментом, который позволяет в полной мере описать структуру значения языковой единицы. Компонентный анализ, наряду с вышеперечисленными типами анализа, может выступать в качестве исходной посылки о структуре значения языковой единицы, но должен применяться в сочетании с другими методами исследования, например, с гипотетико-дедуктивным методом [Сулейманова 2004: 12–13].

Гипотетико-дедуктивный метод обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования: формулировку гипотез, их экспериментальную проверку, анализ и обобщение полученных результатов. Применение данного метода в сочетании с экспериментом, который позволяет установить различия в значениях исследуемых единиц, обычно включает 4 этапа:

- 1) сбор определённых фактов и их индуктивное обобщение;
- 2) выдвижение гипотезы для объяснения собранных фактов, их уточнения и сопоставления с уже существующими теориями;
- 3) выводение следствий из выдвинутой гипотезы дедуктивным путём;
- 4) сопоставление выведенных следствий с фактами для проверки теории [Степанов 1974].

Следовательно, на основе собранного материала исследователь выдвигает некоторые положения о характере значения исследуемой единицы, далее логически выводятся соответствующие следствия, которые в последующем экспериментально проверяются (создаются определённые языковые контексты, на базе которых проверяются предположения касательно значения исследуемой единицы). Результаты эксперимента либо подтверждают выдвинутую гипотезу (языковые контексты были оценены информантами положительно), либо на выходе исследователь получает информацию, которая противоречит исходным положениям (например, некоторые языковые контексты могут быть оценены как отрицательные, что также говорит в пользу гипотезы и позволяет внести корректировки в описание значения исследуемой единицы). Таким образом, гипотетико-дедуктивный метод позволяет верифицировать предлагаемое семантическое описание исследуемых языковых моделей [Сулейманова 2004: 17].

Следует отметить, что поэтапное описание применения гипотетико-дедуктивного метода было предложено О. С. Белайчук и проиллюстрировано на примере конкретного языкового материала – шведских глаголов отрицания [Белайчук 2004]. В данной работе мы рассмотрим процедуру гипотетико-дедуктивного метода для определения субъектной перспективы в высказываниях типа *Книга легко читается / The book sells well*. См. также обращение к гипотетико-дедуктивному методу в работах [Фомина 2009; Лукошус 2015; Холодова 2015; Гордиенко 2017; Чаплин 2020; Никитина 2021б и др.].

На **первом этапе** исследования следует собрать примеры употребления рассматриваемых лексических единиц в речи (устной и письменной) носителей языка, при этом, как отмечает О. С. Белайчук, от количества примеров зависит

надёжность эксперимента (чем больше примеров, тем надёжнее эксперимент) [Белайчук 2004: 161]. Как отмечалось выше, было отобрано 2 000 примеров употребления квазисубъектных моделей из различных источников (инструкции по эксплуатации технических приборов, корпуса текстов).

На **втором** этапе проводится индуктивное обобщение, т.е. исследователь распределяет примеры в зависимости от определённых признаков, например, в зависимости от типов контекстов употребления языковых единиц. Внутри данных групп примеры можно распределить на подгруппы по другим признакам [Белайчук 2004: 161]. Наряду с этим можно выделить дистрибутивные параметры слов, т.е. обозначить все окружения, в которых встречается исследуемая языковая единица, определить все возможные позиции данного слова относительно других элементов и его сочетаемость с ними. Это позволяет выдвинуть гипотезу о значении исследуемых языковых единиц, однако на данном этапе у исследователя может быть не сформирована гипотеза, так как результаты дистрибутивного анализа не всегда позволяют выделить различия в значениях данных единиц [Сулейманова 2017б: 18]. Так, эмпирический материал был разделён на группы в зависимости от того, из какого источника он был отобран (инструкции по применению технических приборов, корпуса текстов); также был проведён дистрибутивный анализ, в рамках которого были выделены наречия, встречающиеся в квазисубъектных моделях. Количественный подсчёт наречий в рамках контент-анализа на данном этапе позволил определить наиболее частотные наречия, а также наиболее частотный тип наречия. В Таблице 2 представлены 10 самых частотных наречий, встречающихся в русских и английских квазисубъектных моделях, а также указан их семантический класс. В Таблице 3 представлены количественные данные относительно частотности типов наречий (в порядке убывания). Так, единственным типом наречия, который реализуется в рамках квазисубъектных моделей, является наречие образа и способа действия: в частности, в русском языке преобладают наречия, характеризующие меру, степень проявления признака (59 наречий), тогда как в английском языке наиболее частотными являются наречия, описывающие

различные качества субъекта, которые возникают в результате деятельности человека (вливают на эмоциональное и физиологическое состояние внешнего лица, его настроение и др.) (46 наречий).

Таблица 2 – Показатели частотности наречий

Русский язык			Английский язык		
Наречие	Кол-во	Тип	Наречие	Кол-во	Тип
быстро	114	скорость	quickly	101	скорость
легко	68	сложность	slowly	75	скорость
резко	55	скорость	easily	52	сложность
медленно	49	скорость	slightly	51	мера и степень
постепенно	45	характеристики процесса	rapidly	40	скорость
постоянно	37	характеристики процесса	immediately	32	скорость
сильно	34	мера и степень	completely	23	характеристики процесса
хорошо	24	оценка	suddenly	22	скорость
плохо	22	оценка	sharply	15	скорость
часто	19	характеристики процесса	loudly	13	звук

Таблица 3 – Показатели частотности типов наречия

Русский язык		Английский язык			
Общее кол-во выделенных наречий (на 1000 высказываний)	253	Общее кол-во выделенных наречий (на 1000 высказываний)	226		
Типы наречия	мера и степень	59	Типы наречия	деятельность человека	46
	характеристики процесса	52		мера и степень	43
	оценка	34		характеристики процесса	32
	деятельность человека	27		оценка	27
	скорость	21		скорость	19
	физические характеристики	16		физические характеристики	18
	визуальное восприятие	12		расположение в пространстве	13
	звук	11		время	9
	время	9		звук	9
	расположение в пространстве	7		визуальное восприятие	6
	сложность	5		сложность	4

На **третьем** этапе формируется репрезентативная выборка, а именно: из каждой группы примеров отбирается несколько репрезентативных представителей. Таким образом, неограниченный объем материала сводится к репрезентативному списку примеров, который впоследствии предъявляется

информанту [Белайчук 2004: 162]. Так, репрезентативная выборка в данном исследовании составила 12 высказываний: шесть высказываний на русском языке и шесть высказываний на английском языке. Репрезентативная выборка включает предложения, в которых реализуются выделенные ранее типы субъекта, на каждый из которых приходится по два высказывания (Таблица 4). Типы субъекта обозначаются следующими сокращениями: неопределяющий неагентивный субъект – НН, неопределяющий агентивный субъект – НА, определяющий неагентивный субъект – ОН.

Таблица 4 – Репрезентативная выборка исследования

Русский язык		Английский язык	
Высказывание	Тип субъекта	Высказывание	Тип субъекта
Книга легко читается	НН	The book sells well	НН
Сад хорошо охраняется	НН	Dye washes out quickly	НН
Ракета медленно опускается	НА	Cells move slowly	НА
Автомобиль быстро разгоняется	НА	Protein binds poorly	НА
Огонь быстро распространяется	ОН	Fire spreads quickly	ОН
Поры постепенно расширяются	ОН	The heart beats quickly	ОН

На **четвёртом** этапе проводится замена исходной единицы в репрезентативной выборке на единицу с теми же грамматическими характеристиками и из того же семантического поля, тем самым формируется экспериментальная выборка. При этом предыдущие этапы представляли собой предварительную подготовку к последующему эксперименту, тогда как на данном этапе происходит непосредственное вмешательство в существующую языковую данность [Белайчук 2004: 162]. Например, синонимичной структурой квазисубъектной модели может служить пассивная конструкция. Тем не менее следует учитывать, что квазисубъектные модели могут быть созвучны с пассивными моделями, а также что возможно добавление в определённые высказывания дополнения в творительном падеже, поэтому данная замена не представляется адекватной в силу её неоднозначности. Как отмечалось в п. 1.3, возможность добавления дополнения в творительном падеже может указывать на реализацию неопределяющего неагентивного субъекта, ср. *Ткань быстро*

разрезается – *Ткань быстро разрезается ножницами*. Поэтому проверка сочетаемости исходной модели с дополнением в творительном падеже выступает в качестве одного из тестов на наличие в высказывании неопределяющего неагентивного субъекта. Поэтому в данном исследовании было принято решение заменить в исходной модели наречие, которое наделяет субъект высказывания определёнными характеристиками. Например, в исходном высказывании *Автомобиль быстро разгоняется* наречие *быстро* было заменено на наречие *плохо*, которое позволяет трактовать описываемую ситуацию в другом ключе: *Автомобиль плохо разгоняется*. Наречие *быстро* характеризует субъект с точки зрения его скоростных характеристик, тогда как наречие *плохо* меняет семантику фразы, вводя некую внешнюю силу или агенса, который должен дать оценку описываемому действию. Таким образом, была произведена замена исходного наречия на такие наречия, которые описывают отличные от исходных характеристики, в результате чего было решено составить шесть дополнительных высказываний для каждого из исходных примеров. Итоговая экспериментальная выборка включает 84 высказывания (42 высказывания на русском языке, 42 высказывания на английском языке; 7 высказываний на каждый из репрезентативных примеров, включая исходный).

Как отмечалось выше, на данном этапе у исследователя может не быть гипотезы о характере различий в значениях исследуемых единиц, поскольку, например, данные словарей не представляют точных определений, так как исследуемые слова либо трактуются одно через другое, либо их определения идентичны, поэтому разница в значениях данных единиц остаётся нераскрытой. Наличие различий в значениях исследуемых слов также подтверждается невозможностью замены одной единицы на другую [Сулейманова 2017б: 19]. Решение заменять в исходных высказываниях наречие обуславливается следующими предположениями. Так, наречие может менять семантику высказывания в целом. В данном случае необходимо определить, зависит ли тип субъекта от наречия, которое присутствует в высказывании, или же тип субъекта определяет тип наречия, которое может реализовываться в квазисубъектной

модели. Иными словами, поднимается следующий вопрос: тип субъекта определяет тип наречия или тип наречия определяет тип субъекта? На данном этапе мы выдвигаем гипотезу о том, что именно тип субъекта определяет, какой тип наречия с ним может сочетаться в рамках квазисубъектных моделей.

Рассмотрим представленный выше пример. В исходном высказывании реализуется неопределяющий агентивный субъект, т.е. такой субъект, который прикладывает усилия для реализации события, но окончательный результат зависит от влияния внешней силы. Маркером данного типа субъекта также выступают глаголы движения. В высказывании *Автомобиль быстро разгоняется* представлен глагол движения (*разгоняться*), а также субъект, который прикладывает усилия для реализации события (одной из функций автомобиля является его способность разгоняться), но конечный результат зависит от внешней силы или условий (в автомобиле установлен двигатель определённой модели, который позволяет ему быстро разгоняться; водитель совершает соответствующую последовательность действий, которая обуславливает быстрый разгон автомобиля). В изменённом высказывании, как представляется, тип субъекта не меняется; меняется только тип воздействия со стороны внешней силы, которая влияет на реализацию действия (некое внешнее лицо сидит за рулём и оценивает характер разгона автомобиля). Проведение семантического эксперимента далее позволит определить, какие типы наречий возможно использовать с соответствующим типом субъекта.

На **пятом** этапе экспериментальная выборка предъявляется информанту-носителю языка для оценки правильности или неправильности предложенных высказываний. При работе с информантами часто используется шкала оценок, предложенная А. Тимберлейком (Таблица 5) [Тимберлейк 1985: 265], к которой обращаются в различных семантических исследованиях [Фомина 2009; Лукошус 2015; Холодова 2015, Никитина 2021б и др.].

Таблица 5 – Шкала оценок А. Тимберлейка

Grade (Оценка)	Meaning (Значение)	Comment (Комментарий по поводу частоты употребления)
1	Acceptable, preferred (приемлемо, предпочтительно)	Most frequent (встречается наиболее часто)
2	Acceptable, not preferred (приемлемо, не предпочтительно)	Frequent (встречается часто)
3	Marginally acceptable (на грани приемлемости)	Rare (встречается не часто)
4	Unacceptable (неприемлемо)	Non-occurring (не употребляется вовсе)

Перед тем как перейти к следующему этапу гипотетико-дедуктивного метода, необходимо осветить некоторые трудности, которые могут возникать при проведении семантического эксперимента. Например, при подготовке эксперимента следует учитывать величину выборки, представляемую для оценки информантам, её репрезентативность, а также количество информантов, поскольку статистические данные позволяют в дальнейшем утверждать, что полученные результаты эксперимента не только отражают представления группы опрошенных информантов, но и релевантны для данного языкового сообщества [Сулейманова 2013: 62]. Отмечается, что в рамках семантического эксперимента для получения валидных результатов необходимо предложить для оценки информантам не менее 25-40 событий (величина выборки составляет произведение числа высказываний на число информантов), при этом увеличение количества высказываний или информантов не повлияет на общую картину эксперимента. Таким образом, для проведения адекватного лингвистического эксперимента и получения валидных результатов достаточно опросить в среднем 5-8 информантов при условии, что для оценки предлагается не менее 5 высказываний (величина выборки при этом будет составлять не менее 25-40 высказываний) [Сулейманова 2013: 62–63]. Данный формат работы позволяет исследователю после выдвижения гипотезы и её экспериментальной проверки построить другие высказывания с учётом данной гипотезы и проверить их на языковой практике, оценивая правильность или неправильность полученных высказываний с опорой на языковое чувство информанта (при этом

каждый раз имеет место верификация описания исследуемой единицы) [Сулейманова 2017б: 17–18]. В рамках данного исследования экспериментальная выборка общим объёмом 84 высказывания была предложена пяти информантам-носителям русского языка и трём информантам-носителям английского языка. Таким образом, итоговая выборка составляет 210 высказываний на русском языке и 126 высказываний на английском языке, что позволяет говорить о валидности полученных результатов.

В связи с тем, что исследователь может сам являться информантом при проведении лингвистического эксперимента, правомерен вопрос о статусе интроспекции и о том, насколько ей можно доверять. Действительно, в рамках семантического исследования можно говорить об интроспекции в том случае, когда информант оценивает высказывание как правильное или неправильное с опорой на свою интроспекцию, которая в данном случае представляет собой языковое чувство носителя языка. При этом, как указывалось выше, сам исследователь также выступает в качестве информанта и оценивает не выдвинутую гипотезу, а правильность или неправильность предложенных высказываний и, следовательно, имеет право опираться на интроспекцию (языковое чувство) [Сулейманова 2013: 63–64].

Утверждения о ненадёжности интроспекции скорее всего вызваны тем, каким образом исследователь приходит к гипотезе в рамках семантического исследования. Действительно, этап выдвижения гипотезы в некоторой степени основан на субъективных представлениях, и, следовательно, любое гипотетическое представление является интроспективным. Тем не менее обращение к лингвистическому эксперименту позволяет впоследствии снять интроспективность выдвинутых гипотетических положений. Иными словами, интроспекция является одним из компонентов научного исследования, однако при этом она нуждается в экспериментальной проверке [Сулейманова 2013: 64].

Участие информанта в проведении эксперимента не означает, что полученные на выходе результаты будут носить субъективный характер. Следует учитывать, что в принципе языковые коды носителей языка совпадают, что

обуславливает понимание между людьми (иначе существование языка не имело бы смысла за счёт невозможности выполнения основной его функции – коммуникативной). Употребление языковых единиц не является произвольным и подчиняется определённым законам, которые не зависят от говорящего. Следовательно, утверждения о том, что в процессе эксперимента «информант может наговорить всё что угодно» или «информанты всё описали», а «роль исследователя минимальна», не имеют достаточного основания. Напротив, задачей информанта является только оценка правильности или неправильности предложенных высказываний в рамках заданной системы оценок. Любые комментарии информанта, с помощью которых он пытается вербализовать своё языковое чувство, получают объяснение после проведения исследования. Субъективность оценок может иметь место в силу возникающих расхождений в оценках информантов. Действительно, оценки информантов в принципе могут различаться в силу действия определённых факторов: например, на ответ говорящего могут повлиять внешние условия, обстановка проведения эксперимента, настроение и самочувствие информанта и др., что представляет трудности в проведении эксперимента [Сулейманова 2013: 65–66].

Следовательно, с целью избежать существенных расхождений в результатах при проведении эксперимента, требуется учитывать факторы, которые могут повлиять на его ход. Так, например, значимые расхождения в результатах эксперимента связаны с некорректностью или погрешностью в его постановке (однако такие расхождения поддаются корректировке на стадии разработки эксперимента). Расхождения, вызванные случайными факторами (например, как указывалось выше, обстановка проведения эксперимента, различные психологические факторы), тем не менее не поддаются корректировке, и их невозможно избежать. Существуют, однако, математико-статистические методы, которые позволяют определить компетентность информанта, а его оценки признать валидными [Сулейманова 2013: 66]. Таким образом, цифровые данные, получаемые в ходе эксперимента, можно считать объективными относительно языковой системы, так как при оценке предложенных высказываний «информант

руководствуется независимыми от него законами языка». Результаты эксперимента могут быть обработаны с помощью математико-статистических методов, что позволяет математически обосновать достоверность полученных оценок, которая «свидетельствует о надёжности группы информантов и возможности работать с данной группой в дальнейшем» [Сулейманова 2013: 66–67].

На **шестом** этапе работы полученный в результате эксперимента языковой материал делится на маркированный и немаркированный, т.е. на высказывания, которые получили положительную и отрицательную оценку информанта. Таким образом, исследователь получает отрицательный языковой материал, анализ которого в дальнейшем позволяет выделить отличительные признаки в значениях исследуемых единиц [Белайчук 2004: 165], а также служит «основой для выдвижения гипотезы о сущности различий в значениях исследуемых единиц» [Сулейманова 2017б: 20]. Например, высказывание *Автомобиль долго разгоняется* в среднем было оценено информантами-носителями языка как приемлемое, тогда как тот же самый пример, но с заменой исходного наречия на наречие, характеризующее действие в зависимости от эмоционального восприятия события внешним лицом, было оценено в целом как неприемлемое: **Автомобиль серьёзно разгоняется* (Таблица 6). Данные поисковых систем Google и Yandex также оценивают высказывание с заменой как неприемлемое в силу отсутствия вхождений (Рисунки 16, 17). См. также Приложение 1, Приложение 2, Приложение 3, где представлены обобщённые результаты оценивания экспериментальной выборки.

Таблица 6 – Фрагмент экспериментальной выборки
с оценками информанта-носителя языка

Высказывание	Оценка	Комментарий
Автомобиль быстро разгоняется	1	
Автомобиль плохо разгоняется	1	
Автомобиль долго разгоняется	1	
Автомобиль сразу разгоняется	1	
Автомобиль серьёзно разгоняется	4	
Автомобиль сильно разгоняется	4	
Автомобиль горизонтально разгоняется	4	

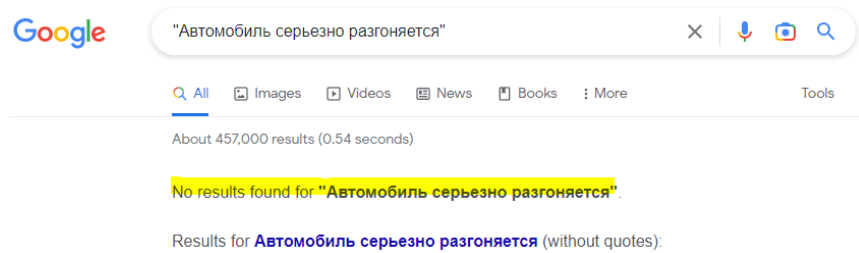

Рисунок 16 – Результаты направленного поиска в Google для «Автомобиль серьезно разгоняется» (дата обращения: 27.03.2023)

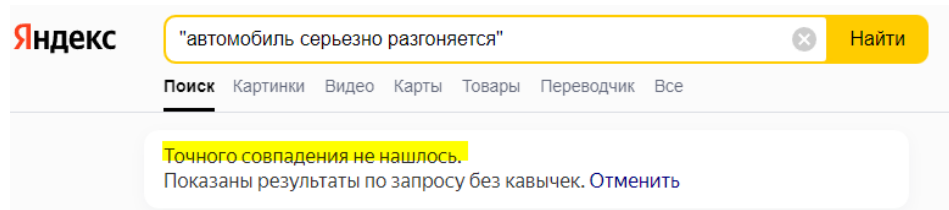

Рисунок 17 – Результаты направленного поиска в Yandex для «Автомобиль серьезно разгоняется» (дата обращения: 27.03.2023)

На **седьмом** этапе выдвигается гипотеза о дифференциальных семантических признаках исследуемых языковых единиц, которые в определённых контекстах позволяют использование одной лексической единицы, но запрещают использование других [Белайчук 2004: 166]. Как отмечалось выше, была выдвинута гипотеза о том, что именно тип субъекта определяет тип наречия, которое может с ним сочетаться в высказывании.

На **восьмом** этапе работы данная гипотеза проверяется на имеющемся языковом материале и, в первую очередь, на собранном ранее материале, часть которого использовалась в репрезентативной выборке. В случае если выдвинутое положение получает подтверждение на имеющемся материале, представляется возможным перейти к следующему этапу исследования [Белайчук 2004: 166], поскольку, несмотря на наличие примеров, подтверждающих выдвинутую гипотезу, «исследование не представляется завершённым, а выводы полностью достоверными» [Сулейманова 2017б: 22].

На **девятом** этапе строится новая экспериментальная выборка, но на основе иного принципа, чем на четвёртом этапе. В данном случае исследователь обращается к принципу варьирования: формируются примеры, в которых

контекст меняется только по одному признаку [Белайчук 2004: 167]. Иными словами, учитывая полученные выводы об условиях употребления исследуемых единиц после проведения первого эксперимента, исследователю требуется составить такие высказывания, которые согласно гипотезе должны характеризоваться как положительные или отрицательные [Сулейманова 2017б: 22]. В рамках настоящего исследования на данном этапе высказывания проверяются с помощью системы семантических тестов, а также проводится направленная проверка высказываний в поисковых системах, которые позволяют определить, приемлемо данное высказывание или нет.

Например, в рамках данной работы с помощью системы семантических тестов можно определить, чем отличаются ситуации *Лампочка быстро загорается* и *Лампочка легко переключается* относительно субъекта действия. В первом случае можно говорить об определяющем неагентивном субъекте, так как для осуществления действия *загореться* субъект *лампочка* полагается на внутренний источник энергии. Одним из семантических тестов, которые позволяют выделить определяющий неагентивный субъект, является преобразование типа «Субъект X способен выполнять действие P сам по себе»: *Лампочка способна быстро загораться сама по себе*. Напротив, во втором случае субъект *лампочка* является неопределяющим неагентивным, поскольку действие *переключается* указывает на наличие некой внешней силы, которая обуславливает возникновение данного действия. Отличие типов субъекта связано с тем, что свойство *быстро загораться* определяется характеристиками самой *лампочки* (например, материал изготовления, наполнитель колбы и пр.), тогда как *переключаться* лампочка сама не может: для осуществления данного действия необходим некий внешний субъект. Подтвердить данный факт позволяет тест с добавлением дополнения в творительном падеже, с помощью которого выделяется неопределяющий неагентивный субъект: *Лампочка легко переключается нажатием кнопки*.

На **десятом** этапе проводится анализ результатов эксперимента и проверяется гипотеза. В данном случае проверка гипотезы заключается в

определении соответствия опытных данных выводам и ожиданиям исследователя, нежели в разграничении материала на маркированный и немаркированный [Сулейманова 2017б: 22]. В настоящей работе на данном этапе производится обзор результатов проведённого семантического эксперимента, которые также сопоставляются с количественными данными, полученными на базе поисковых систем Google и Yandex. Корреляция статистических данных и оценок информантов-носителей языка в дальнейшем позволяет подтвердить или опровергнуть выдвинутое ранее предположение о том, что тип субъекта в высказывании определяет тип наречия, которое с ним может сочетаться (см. п. 3.1).

На **одиннадцатом** этапе составляются релевантные толкования исследуемых единиц, в рамках которых будут учитываться все выявленные в процессе исследования дифференциальные семантические признаки, что позволит адекватно употреблять данные единицы в речи [Белайчук 2004: 171]. В настоящем исследовании на данном этапе квазисубъектные модели получают описание с точки зрения их субъектной перспективы, и для каждого из типов субъекта предлагается набор семантических тестов, с помощью которых представляется возможным определить его наличие в высказывании (см. Главу III).

Таким образом, выдвинутая гипотеза о различиях в значении исследуемых языковых единиц получает подтверждение путём экспериментальной проверки, которая также позволяет уточнить их семантическое описание [Сулейманова 2017б: 23].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В данной главе были подробно рассмотрены принципы отбора и обработки языкового материала, которые определяются типом анализируемого источника. Так, для отбора примеров употребления квазисубъектных моделей на материале инструкций по эксплуатации технических приборов и устройств были использованы компьютерные программы Tropes и Adobe Acrobat. Функционал

данных программ позволяет производить направленный поиск исследуемых моделей в тексте по заданным параметрам (поиск по форманту *-ся*, отбор высказываний по типу наречия и глагола), что сокращает время обработки материала вручную. Наряду с этим рассмотрен инструментарий различных корпусов текстов (НКРЯ, BNC, COCA) и предложен алгоритм поиска квазисубъектных моделей с использованием возможностей корпусов текстов. Как представляется, оперирование морфологическими обозначениями, а также уточнение поискового запроса с опорой на грамматические, семантические и синтаксические особенности каждого из составных компонентов квазисубъектной модели позволяет отобрать те контексты, в которых будут присутствовать языковые примеры, структурно соответствующие исследуемой модели. Отметим, что часть языкового материала приходится обрабатывать вручную, однако обращение к цифровым инструментам значительно сокращает время отбора, обработки и анализа эмпирического материала.

В рамках контент-анализа были выделены наречия, встречающиеся в квазисубъектных моделях, определен тип наречия и произведён их количественный подсчёт. Количественный подсчёт типов наречий показал, какие типы наречий преобладают в русских и английских квазисубъектных моделях (см. Таблицы 2, 3 в п. 2.4). Так, в русском языке преобладают наречия, характеризующие меру и степень проявления некоего признака, который приписывается субъекту высказывания или реализуемому действию, тогда как в английском языке наиболее частотными являются наречия, описывающие различные качества субъекта, которые возникают в результате деятельности человека (влияют на эмоциональное и физиологическое состояние внешнего лица, его настроение и др.).

Далее предлагается пошаговое описание процедуры применения гипотетико-дедуктивного метода, включающей в себя создание экспериментальной выборки, которая предлагалась информантам-носителям языка для оценки приемлемости репрезентативных высказываний. Производился также направленный поиск репрезентативных высказываний в поисковых

системах Google и Yandex. Было выявлено, что на основе статистических данных поисковых систем представляется возможным оценить языковой материал как положительный или отрицательный, что упрощает процесс работы исследователя. Для каждого из высказываний были собраны данные по количеству вхождений, которые выдаёт поисковая система. Последующая корреляция результатов семантического эксперимента и данных поисковых систем позволяет определить степень приемлемости репрезентативных высказываний в русском и английском языках. Обращение к гипотетико-дедуктивному методу с опорой на семантический эксперимент обеспечивает также выдвижение гипотезы о том, что тип субъекта определяет тип наречия, которое может реализовываться в квазисубъектной модели. Проверка отобранного языкового материала с помощью семантических тестов, анализ результатов семантического эксперимента, оценок и комментариев информантов-носителей языка, а также направленная проверка экспериментальной выборки в поисковых системах позволит подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу, что поможет составить семантическое описание исследуемых квазисубъектных моделей и определить их субъектную перспективу.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ

Поскольку цель данного исследования заключается в анализе субъектной перспективы квазисубъектных моделей, тесты, рассматриваемые в данной работе, в большинстве своём нацелены на выделение типов субъекта. В связи с этим типология квазисубъектных моделей основана на том, какой тип субъекта реализуется в том или ином высказывании. В качестве основных тестов выступают следующие преобразования и факторы:

1) тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже. Для высказываний на английском языке аналогом данного теста выступает дополнение, присоединяемое к высказыванию предлогами *by* и *with*: *The fabric cuts easily – The fabric cuts easily with scissors*;

2) преобразование в неопределённо-личную модель. По причине того, что в английском языке отсутствуют неопределённо-личные модели, в данном случае представляется возможным преобразовать исходную модель в пассивное высказывание или высказывание с восстановленным субъектом *they*: *The door opens quietly – The door is opened quietly / They open the door quietly*;

3) возможность применения семантических тестов «X возможно *легко* / *быстро* / *сильно* / пр. Р», «X *легко* / *быстро* / *сильно* / пр. поддаётся действию Р», «X таков, что его можно *легко* / *быстро* / *сильно* / пр. подвергнуть действию Р». В данном случае для английских моделей будет применяться тест «X can be easily / quickly / etc. Р»;

4) возможность применения семантического теста «Субъект X способен выполнять действие Р сам по себе». Для английских моделей также представляется использовать преобразование «X can produce Р on its own accord / on its own»;

5) наличие в модели глагола действия, в семантику которого включены компоненты, фиксирующие способ и характер деятельности, наличие и тип

орудия или инструмента, что применимо как для русских моделей, так и для английских;

б) наличие в модели глагола, денотат которого подразумевает обязательное наличие внешних условий;

7) наличие в модели глагола движения.

Перейдём далее к обсуждению результатов семантического эксперимента и к подробному анализу исследуемых моделей и определим, каким образом предложенные тесты позволяют выделить тип субъекта в квазисубъектной модели.

3.1. Обсуждение результатов семантического эксперимента

Как отмечалось ранее, в рамках гипотетико-дедуктивного метода информантам-носителям языка была предложена экспериментальная выборка, которая состояла из 84 высказываний (42 высказывания на русском языке, 42 высказывания на английском языке). Выборка включала 12 репрезентативных высказываний (по два предложения на каждый из выделенных в данной работе субъектов), в которых далее производилась замена наречия на наречие другого типа. В рамках данной работы было выявлено, что в квазисубъектных моделях реализуются наречия образа и способа действия, которые далее возможно разделить на 11 групп в зависимости от их семантических признаков (см. п. 1.6). В процессе подготовки экспериментальной выборки наречия, которые должны были заменять исходное наречие в модели, были отобраны методом сплошной выборки. В частности, были отобраны наречия, описывающие скорость протекания действия (*быстро, медленно, quickly, rapidly*); наречия, характеризующие событие в зависимости его от эмоционального восприятия внешним лицом (*благоговейно, серьезно, happily, nervously*); наречия, дающие оценочную характеристику событию (*хорошо, плохо, well, badly*); наречия, характеризующие продолжительность события (*долго, вечно, часто, редко, continuously, indefinitely, briefly, suddenly*). Итоговая экспериментальная выборка содержала высказывания, в которых

реализовывались 7 типов наречий, описывающих различные свойства и качества субъекта высказывания или характеристики выполняемого действия: наречия, описывающие скорость протекания действия; характеризующие событие в зависимости от эмоционального состояния внешнего лица; оценочные наречия; наречия, указывающие на продолжительность события; наречия меры и степени; наречия, определяющие расположение субъекта в пространстве. В перспективе дальнейшего исследования представляется возможным разделить наречия на более частные группы и провести дополнительный семантический эксперимент, для того чтобы определить, какие типы наречия могут сочетаться с тем или иным типом субъекта. Исходное наречие в высказывании в некоторых случаях также заменялось на одно из списка частотных наречий (см. п. 2.4, где представлен список десяти самых частотных наречий, выделенных на базе отобранного эмпирического материала).

Рассмотрим далее результаты эксперимента. Обратимся к высказываниям, в которых представлен **неопределяющий агентивный субъект** (субъект X прикладывает усилия для осуществления действия P, но окончательный результат зависит от действий внешней силы Z или влияния внешних условий).

– *Ракета медленно опускается* – ракета изначально наделена способностью опускаться, однако *медленно* она может опускаться под влиянием внешних условий или действий внешней силы (например, оператор управляет ракетой таким образом, что она *медленно опускается*). В данном случае большая часть высказываний, в которых наблюдается замена наречия, были оценены информантами-носителями языка как неприемлемые. Ср. **Ракета хорошо опускается*, **Ракета серьёзно опускается*, **Ракета сильно опускается*, **Ракета горизонтально опускается*. В высказываниях с наречиями *хорошо*, *серьёзно* (оценочное наречие и наречие, характеризующее событие в зависимости от эмоционального состояния) неприемлемость высказывания можно объяснить семантикой данных наречий. Предположительно для того, чтобы дать оценку или испытать какие-либо эмоции, внешнее лицо должно быть вовлечено в событие в большей степени, чем к этому располагает неопределяющий агентивный субъект,

который частично уже прилагает усилия для осуществления действия. Следующая ситуация наблюдается с примером *Автомобиль быстро разгоняется*, для которого высказывания с наречием, описывающим скорость движения (исходное высказывание), наречием, с помощью которого событию даётся оценочная характеристика (*Автомобиль плохо разгоняется*), наречием, характеризующим продолжительность действия (*Автомобиль долго разгоняется*), были в среднем оценены как приемлемые. Высказывания с наречием, которое характеризует действие в зависимости от эмоционального восприятия события внешним лицом, наречиями меры и степени и наречием, описывающим расположение субъекта в пространстве, в среднем оцениваются как неприемлемые: **Автомобиль серьёзно разгоняется*, *Автомобиль сильно разгоняется*, **Автомобиль горизонтально разгоняется*.

Таким образом, среди типов наречия, которые могут сочетаться с неопределяющим агентивным субъектом, наблюдаются наречия, описывающие скоростные характеристики действия, дающие оценочную характеристику событию и указывающие на продолжительность действия. Данные семантического эксперимента также подкрепляются результатами направленного поиска высказываний в поисковых системах Google и Yandex. Так, количество вхождений для исходного высказывания *Ракета медленно опускается* составляет 1 241 вхождение (по состоянию на 27.03.2023), тогда как для всех преобразованных высказываний ни одна из поисковых систем не предлагает результатов и количество вхождений равняется нулю, что позволяет судить о неприемлемости данных высказываний (см. Приложение 2).

– *Cells move slowly* / *Клетки медленно двигаются* – клетки изначально способны двигаться и перемещаться в пространстве, однако скорость их движения зависит от внешних условий (температурный режим, воздействие различных веществ и др.). В данном случае наблюдаются некоторые расхождения. Так, высказывания *Cells move slowly* и *Cells move regularly* были оценены информантами-носителями языка как приемлемые, но встречающиеся редко. Тем не менее направленный поиск данных высказываний в поисковых

системах Google и Yandex показал следующее. Для высказывания *Cells move slowly* общее количество вхождений составляет 12 400 (по состоянию на 27.03.2023), что показывает относительно высокую частотность данного высказывания, поэтому в целом его можно назвать приемлемым. Количество вхождений для примера *Cells move regularly*, напротив, составляет 72 вхождения (Таблица 7). По сравнению с 12 400 вхождениями данный показатель представляется низким и указывает на то, что в целом высказывание встречается крайне редко.

В связи с этим поднимается вопрос о том, как следует соотносить оценки шкалы А. Тимберлейка с количеством вхождений и какие высказывания можно считать приемлемыми в зависимости от того, сколько вхождений предлагает поисковая система. Так, например, в маркетинговых исследованиях и исследованиях, посвящённых поисковой оптимизации, при анализе поисковых запросов обращаются к такому параметру, как частотность, под которой понимается «количество запросов определённого словосочетания, совершенного пользователями поисковых систем за месяц» [Андреев 2017: 43]. В зависимости от степени использования запросы делятся на высокочастотные (частота более 10 000 запросов в месяц), среднечастотные (частота находится в промежутке от 1 000 до 10 000 запросов) и низкочастотные (до 1 000 запросов в месяц) [Андреев 2017; Конобеева 2020]. В рамках данного исследования не производится проверка частотности поисковых запросов, производимых в месяц, напротив, внимание уделяется общему количеству вхождений, которое исследователь получает на выходе по определённому запросу. Отмеченные показатели тем не менее представляется возможным применить для сопоставления количества вхождений, выдаваемых поисковой системой, с оценками информантов-носителей языка. Так, целесообразно предположить, что если количество вхождений для определённого высказывания составляет более 10 000, тогда данное высказывание является приемлемым и часто используемым. Следующие оценки распределяются согласно среднечастотным и низкочастотным запросам. Так, если количество вхождений для высказывания составляет меньше 1 000, тогда, по сравнению с количеством в

10 000 и более результатов, данное высказывание можно считать редко используемым (на грани приемлемости). Данное положение можно объяснить также тем, что в условиях базы данных, которая оперирует миллионами текстовых источников, показатель в рамках данного диапазона представляется значительно более низким по сравнению с многотысячными количественными показателями. Все предложения, для которых поисковая система не выдаёт результатов и количество вхождений равняется нулю, можно отнести к неприемлемым высказываниям, которые не употребляются вовсе (Таблица 8). Следует отметить, что данная корреляция оценок и количества вхождений не претендует на истинность и может быть в дальнейшем пересмотрена.

Таким образом, согласно предложенному соотношению количества вхождений и оценок информантов высказывания *Cells move regularly* и *Cells move slightly* представляются находящимися на грани приемлемости. Высказывание *Cells move vertically* в среднем было оценено информантами-носителями языка как неприемлемое, тогда как согласно предложенному соотношению количества вхождений (1 188 вхождений по состоянию на 27.03.2023) и оценок данное высказывание можно отнести к приемлемым, но встречающимся редко. Итоговая оценка высказывания представляет собой среднее значение между средней оценкой информантов и оценкой, зависящей от количества вхождений. В результате данные примеры оцениваются как высказывания, находящиеся на грани приемлемости. Высказывания *?Cells move immediately*, *?Cells move happily* получают такую же оценку, а пример **Cells move well* в целом рассматривается как неприемлемый (См. Приложение 3).

Таблица 7 – Количество вхождений и средняя оценка информантов

Высказывание	Кол-во вхождений (Google)	Кол-во вхождений (Yandex)	Общее кол-во вхождений	Средняя оценка информантов
Cells move slowly	11 400	1 000	12 400	2
Cells move well	543	37	580	4
Cells move happily	1	0	1	3
Cells move slightly	734	817	1 551	3
Cells move immediately	251	300	551	3
Cells move regularly	71	1	72	2
Cells move vertically	820	368	1 188	4

Таблица 8 – Корреляция количества вхождений и шкалы оценок

Оценка	Значение	Комментарий	Кол-во вхождений
1	Приемлемо, предпочтительно	Встречается часто	> 10 000 вхождений
2	Приемлемо, не предпочтительно	Редко встречается	> 1 000 вхождений < 10 000 вхождений
3	На грани приемлемости	Встречается крайне редко	> 0 вхождений < 1 000 вхождений
4	Неприемлемо	Не употребляется вовсе	0 вхождений

Отметим далее следующие высказывания: *The kite climbs vertically* / Воздушный змей поднимается **вертикально**, *The ball bounces vertically* / Мяч отскакивает **в вертикальном направлении**, где представлены наречия, описывающие расположение субъекта в пространстве, а также траекторию его перемещения. Возможность построения таких высказываний обуславливается тем, что в них присутствует глагол движения, который в силу своей семантики позволяет дополнительно указать, в каком направлении движется субъект. Поэтому в ситуациях, когда неопределяющий агентивный субъект сочетается с глаголом движения, представляется возможным использовать наречия расположения в пространстве. Аналогичная ситуация наблюдается в высказываниях с наречием, характеризующим продолжительность действия, и наречиями меры и степени: *The train runs regularly* / Поезд ходит **регулярно**, *The head turns slightly* / Голова **слегка** поворачивается, Поезд **часто** дёргается, Плот **эле-эле** движется (движению возможно дать как временную характеристику, так и описать степень интенсивности движения).

Далее рассмотрим высказывания, в которых реализуется **неопределяющий неагентивный субъект** (X выступает пациенсом, реализация Р полностью зависит от внешней силы Z).

– *Сад хорошо охраняется* – субъект *сад* не может сам себя охранять, для осуществления данного действия необходимо присутствие внешнего агенса (охранник, сотрудники службы безопасности и др.), усилиями которого будет реализовываться данное событие. Средняя оценка исходного высказывания составляет «1» (приемлемо, предпочтительно), тогда как по общему количеству вхождений (454 по состоянию на 27.03.2023) выставляется оценка «3» (на грани

приемлемости). Итоговая оценка по результатам опроса информантов и направленной проверки высказывания в поисковых системах составила «2» (приемлемо, не предпочтительно). Несмотря на то что высказывание встречается редко и не является предпочтительным у информантов, в целом оно является предпочтительным. Данный факт позволяет заключить, что в квазисубъектных моделях, в которых реализуется неопределяющий неагентивный субъект, встречаются наречия, которые дают определённую оценку описываемой ситуации (*хорошо, плохо*). Действительно, в данном случае реализация действия полностью зависит от внешнего агенса, который может оценить свои способности и дать характеристику событию. Высказывания, в которых представлены наречия, характеризующие событие в зависимости от эмоционального состояния внешнего лица и продолжительность действия, в среднем получили итоговую оценку «3» (на грани приемлемости). Ср.: ?*Сад серьёзно охраняется*, ?*Сад долго охраняется*, ?*Сад часто охраняется*. Неприемлемыми считаются высказывания, в которых присутствует наречие меры и степени и наречие, указывающее на расположение субъекта в пространстве. Ср. **Сад значительно охраняется*, **Сад горизонтально охраняется*.

– *The book sells well* / *Книга хорошо продаётся* – книга также не может сама себя продавать, данное действие производится усилиями внешнего агенса. В данном случае наблюдается такая же ситуация, что и в русском языке: исходное высказывание с оценочным наречием рассматривается как приемлемое, тогда как все остальные высказывания в среднем характеризуются как неприемлемые (**The book sells nervously*, **The book sells diagonally*, **The book sells slightly*) или на грани приемлемости (?*The book sells immediately*, ?*The book sells regularly*).

Таким образом, согласно результатам семантического эксперимента единственным типом наречия, которое может сочетаться с неопределяющим неагентивным субъектом, является наречие, с помощью которого даётся оценочная характеристика событию, что можно объяснить следующим. В ситуациях, когда субъект выступает пациентом и реализация события полностью зависит от внешнего деятеля, логично предположить, что при выполнении

определённого действия данный деятель будет оценивать свойства и качества субъекта, а также давать характеристику выполняемому действию (насколько *хорошо* или *плохо* книга продаётся, насколько *сложно* или *легко* читать книгу и др.). Следовательно, в данном случае наречие не только описывает качества и свойства субъекта высказывания, но характеризует особенности выполняемого действия.

Отметим, однако, высказывания типа *Дверца устанавливается горизонтально*, *The jug turns upside down* / *Стакан (блендера) переворачивается вверх дном*. В данных высказываниях реализуется наречие, указывающее на расположение субъекта в пространстве и направление его перемещения. Возможность таких высказываний также можно объяснить семантическими особенностями глаголов *устанавливать*, *to turn* / *поворачивать*: устанавливать объекты можно в различных положениях (*горизонтально*, *вертикально*), поворачивать и переворачивать объекты также можно в различных направлениях (*по часовой стрелке*, *вверх дном*). Таким образом, если в высказывании в сочетании с неопределяющим неагентивным субъектом реализуется глагол, позволяющий указать направление перемещения субъекта в пространстве, то тогда в данном высказывании возможно использовать соответствующие наречия. Аналогичная ситуация наблюдается при наличии в высказывании наречия, которое указывает на длительность события, возможность его реализации вновь или последовательность его протекания. Ср. *Ёлка долго украшается*, *Ключи часто теряются*, *Product range extends constantly* / *Линия товаров постоянно расширяется*. Как представляется, данным событиям можно дать временную характеристику: определяется количество времени, которое необходимо потратить на украшение ёлки, указывается частотность, с которой теряются ключи, отмечается периодичность изменения линии товаров и др. Представляется возможным также подобрать примеры с наречиями меры и степени: *Состав тщательно удаляется*, *Кожуца мелко шинкуется*, поскольку в данных случаях внешний агент также может определить, с какой интенсивностью исполняется действие. Кроме того, выделяются высказывания, в которых реализуются

наречия, описывающие события с точки зрения эмоционального состояния внешнего лица, например: *Молитва произносится благоговейно* (внешний агент с помощью голоса передаёт своё эмоциональное состояние).

Перейдём далее к высказываниям, в которых реализуется **определяющий неагентивный субъект** (субъект X для реализации действия полагается только на внутренний источник энергии, влияние со стороны внешней силы Z отсутствует).

– *Огонь быстро распространяется* – субъект *огонь* производит собственную энергию (тепловая энергия), которая позволяет ему совершать действие *распространяться*. В данном случае положительную оценку получило исходное высказывание с наречием, описывающим скорость протекания действия (характеризуется скоростью распространения огня). Высказывания, в которых реализуются наречия других типов, в среднем оценены как неприемлемые (**Огонь серьёзно распространяется*; **Огонь горизонтально распространяется*) или на грани приемлемости (?*Огонь долго распространяется*, ?*Огонь сильно распространяется*). Следует отметить, что пример *Огонь сразу распространяется*, в котором представлено наречие, указывающее на внезапность возникновения события (т.е. дающее определённую характеристику описываемому процессу), было оценено информантами-носителями языка как приемлемое, предпочтительное. При этом поисковые системы предлагают всего 11 вхождений (по состоянию на 27.03.2023). Тем не менее наличие таких исходных высказываний, как *Кровь сразу распространяется*, *Энергия сразу распространяется*, *Пиктограмма сразу зажигается* позволяет говорить о том, что данный тип наречия возможно использовать при определяющем неагентивном субъекте. В данном случае такое наречие указывает на готовность субъекта незамедлительно приступить к продуцированию действия, опираясь на внутренний источник энергии.

– *The heart beats quickly* / *Сердце быстро бьётся* – субъект *сердце* способен продуцировать собственную энергию, которая обеспечивает его работу. Исходное высказывание с наречием, описывающим скорость протекания события, а также с наречиями, дающими оценочную характеристику событию и

указывающими на продолжительность действия, в среднем оценены как приемлемые (*The heart beats **regularly**, The heart beats **well***), тогда как примеры с наречием эмоций (?*The heart beats **happily***) получают оценку «3» (на грани приемлемости). Тем не менее высказывание *The heart beats **happily*** в среднем было оценено информантами как приемлемое, не предпочтительное, и это позволяет говорить о том, что с определяющим неагентивным субъектом возможно сочетать наречия, которые характеризуют событие в зависимости от эмоционального состояния внешнего лица. Данную ситуацию можно интерпретировать следующим образом: происходит метонимический перенос с человека на его сердце, которое наделяется способностью испытывать эмоции (например, счастье). Ср. русское высказывание *Сердце бьётся от счастья*.

Как представляется, анализ результатов семантического эксперимента показал, что выдвинутое ранее предположение о том, что тип субъекта определяет тип наречия, которое может реализовываться в квазисубъектной модели, не находит подтверждения. Например, в некоторых высказываниях с неопределяющим агентивным субъектом невозможно использовать определённые типы наречия. Тем не менее существуют такие высказывания, где тот же самый тип субъекта сочетается с типом наречия, употребление которого в некоторых случаях даёт отрицательный языковой материал. Скорее всего, возможность употребления того или иного типа наречия зависит от семантических особенностей предиката, который присутствует в предложении. Отметим в связи с этим, что в задачи данной работы не входит выявление семантических особенностей предиката, которые определяют условия употребления типов наречия. Остановимся далее на сопоставительном анализе субъектной перспективы русских и английских квазисубъектных моделей и рассмотрим семантические тесты, которые позволяют определить, какой тип субъекта реализуется в высказывании (см. Приложение 4, где представлен фрагмент тестирования языкового материала).

3.2. Неопределяющий агентивный субъект

Согласно определению О. Н. Селиверстовой, **неопределяющий агентивный субъект** указывает на то, что субъект X прикладывает усилия для осуществления действия P, однако конечное положение дел всё равно будет зависеть от некоей внешней силы Z (некое внешнее лицо, наличие внешних условий, обуславливающих реализацию события, и др.). Выделение данного типа субъекта связано с не-декаузативной интерпретацией глаголов движения на -ся, при которых субъект высказывания сам рассматривается как каузатор движения, т.е. в составе высказывания можно наблюдать имплицитно заданный агенс. При этом такие модели невозможно перестроить в неопределённо-личное высказывание, поскольку в данном случае образуется отрицательно маркированное высказывание, например: *Поезда быстро разъезжаются* – **Поезда быстро **разъезжают***, *Поезд движется равномерно* – **Поезд **двигают** равномерно*. Однако данный тест не всегда выдаёт в качестве результата отрицательный языковой материал. Так, высказывание *Мяч легко отталкивается* можно преобразовать в неопределённо-личную конструкцию *Мяч легко **отталкивают***. Отметим, что в результате такого преобразования меняется семантика изначального высказывания, поскольку характеристика *легко* переходит с субъекта *мяч* на внешнюю силу, и выражения не могут считаться равнозначными. Однако наличие глагола движения (*отталкиваться*) позволяет говорить о том, что субъект высказывания продуцирует соответствующее действие, но реализуется оно за счёт дополнительных внешних условий (скорость, с которой был кинут мяч, упругость материала и пр.).

В английских квазисубъектных моделях маркером неопределяющего агентивного субъекта также выступает глагол движения: *The car **drives** slowly* / *Машина **едет** медленно*, *Lava **flows** slowly* / *Лава **течёт** медленно*, *The bus **stops** suddenly* / *Автобус внезапно **останавливается***. Действительно, в данных случаях можно наблюдать, как субъект прикладывает усилия для осуществления действия: работа двигателя и составных механизмов обуславливает способность машины

двигаться; лава обладает свойством текучести, что также позволяет ей приходить в движение; движение автобуса, как и движение машины, обеспечивается работой составных деталей. Тем не менее окончательный результат действия зависит от действий внешней силы или деятеля, а также от влияния внешних условий: водитель машины контролирует скорость, с которой она движется; лава течёт по ландшафту с низким уровнем наклона; водитель автобуса резко тормозит.

Поскольку в английском языке не представляется возможным перестроить высказывание в неопределённо-личную конструкцию, обратимся к преобразованию, связанному с восстановлением субъекта *they* [Грамматические аспекты перевода 2012: 155]. Так, в качестве результатов преобразования может образовываться как отрицательный языковой материал, так и положительный. Ср. **Lava flows slowly / Лава течёт медленно – *They flow lava slowly / *Лаву медленно текут. The bus stops suddenly / Автобус внезапно останавливается – They stop the bus suddenly / Автобус внезапно останавливают.* В случае положительного результата на данный семантический тест, как и в русском языке, исходная семантика высказывания меняется: свойство *suddenly / внезапно*, которое характеризует движение субъекта *bus / автобус*, переносится на внешнего деятеля и его действия (например, сотрудники полиции внезапно останавливают автобус на дороге).

Помимо глаголов движения на неопределяющий агентивный субъект могут указывать глаголы, описывающие действие, реализация которого предполагает наличие определённых внешних условий, например: *Жировые клетки быстро расщепляются, Куст равномерно разрастается, Образования в лёгких и груди резко уменьшаются, Биологический материал прекрасно сохраняется.* В таких высказываниях можно наблюдать, что конечный результат зависит от некой внешней силы *Z*. Так, *жировые клетки* вступают друг с другом в реакцию, однако процесс расщепления может зависеть от дополнительных факторов (отдельные свойства клеток, температурные условия, наличие катализатора); *куст* постоянно находится в процессе роста, однако его разрастанию может способствовать плодородность почвы, погодные условия, наличие или отсутствие ухода за

растением; уменьшение *образований в лёгких и груди* также подвержено внешним факторам (результаты химиотерапии, определённый образ жизни, принятие лекарств и пр.); степень сохранения биологического материала может зависеть от условий внешней среды (поддерживается ли определённый температурный режим, соблюдают ли необходимые условия хранения биологического материала) и т.д. Иными словами, если ситуация предполагает обязательное наличие внешних условий, без которых результат действия не может наблюдаться, тогда в высказывании будет реализовываться неопределяющий агентивный субъект.

В английских квазисубъектных моделях также можно наблюдать глаголы, которые указывают на необходимость внешних условий для реализации события: *Soil dries out completely* / Почва полностью **высыхает**, *Illness spreads quickly* / Болезнь быстро **распространяется**, *Calcium increases dramatically* / Уровень кальция резко **увеличивается**. В данных высказываниях конечный результат зависит от внешней силы Z или внешних условий. Так, логично предположить, что почва испаряет влагу, которая в ней содержится, однако высохнуть полностью почва может только при наличии определённых внешних условий (засушливый климат, период засухи и др.); болезнь обладает соответствующими свойствами, которые позволяют ей распространяться, однако скорость её распространения зависит от внешних условий (отсутствие ограничений на передвижение людей, не введён карантин и др.); уровень кальция в организме или крови может находиться на определённой отметке, однако резкое его увеличение зависит от внешних факторов (принятие препаратов, которые повышают уровень кальция, потребление определённых продуктов и др.).

Как представляется, большинство тестов, которые направлены на определение типа субъекта, выдают отрицательный языковой материал с данными моделями. Так, например, в модели с неопределяющим агентивным субъектом невозможно добавить дополнение в творительном падеже, так как возникает трудность подбора соответствующего дополнения: *Мхи взбираются высоко* – *Мхи взбираются высоко кем? чем?*, *Ареал постепенно расширяется* – *Ареал постепенно расширяется кем? чем?* Данное положение можно объяснить тем, что

в высказывании уже присутствует активный агент, который прилагает усилия для осуществления действия, а также наличием внешних сил, обеспечивающих реализацию события, поэтому добавление дополнительного агента в данном случае невозможно в силу того, что данная позиция уже занята другими элементами. В английском языке аналогом данной конструкции является дополнение, которое вводится с помощью предлогов *by / with*. Результатом такого преобразования также выступает отрицательный языковой материал: *Carbohydrate reacts chemically / Углеводы вступают в химическую реакцию – *Carbohydrate reacts chemically by who? with what? / *Углеводы вступают в химическую реакцию кем? чем?, The boat goes slowly / Лодка медленно движется – *The boat goes slowly by who? with what? / *Лодка медленно движется кем? чем?*

Наряду с этим к высказываниям с неопределяющим агентивным субъектом невозможно применить семантические тесты типа **Энергопотребление резко поддается действию «увеличиваться», *Энергопотребление может резко увеличиваться само по себе, *Энергопотребление возможно резко увеличить* и пр. (ср. исходное высказывание *Энергопотребление резко увеличивается*). Такая проверка подтверждает, что субъект высказывания не может выступать в качестве объекта в страдательной конструкции, а также не обладает встроенными свойствами, обеспечивающими реализацию события. В английском языке аналогом данных семантических тестов выступают преобразования типа «X can be easily / quickly / etc. P» и «X can produce P on its own accord / on its own», которые также невозможно применить, если в высказывании реализуется неопределяющий агентивный субъект. Ср. *Molecules collide quickly / Молекулы быстро сталкиваются – *Molecules can be collided quickly / *Молекулы возможно быстро столкнуть, *Molecules collide quickly on their own accord / *Молекулы быстро сталкиваются сами по себе.*

Как представляется, тесты «X возможно легко / быстро / сильно / пр. P», «X can be easily / quickly / etc. P» указывают на то, что субъект выступает в высказывании пациенсом, а тесты «Субъект X способен выполнять действие P сам по себе» и «X can produce P on its own accord / on its own» указывают на то,

что субъект обращается к внутреннему источнику энергии для реализации события. Поскольку при неопределяющем агентивном прочтении субъект является как активным участником действия (прикладывает усилия), так и пациенсом (внешняя сила влияет на конечный результат), то возможны ситуации, когда оба теста выдают положительные результаты. Ср. *Кнопка сразу блокируется* – *Кнопку возможно сразу заблокировать*, *Кнопка сразу блокируется сама по себе*; *Life changes dramatically* / *Жизнь резко меняется* – *Life can be changed dramatically* / *Жизнь возможно резко изменить*, *Life changes dramatically on its own* / *Жизнь резко меняется сама по себе*. Следовательно, если оба данных теста выдают одновременно либо положительный, либо отрицательный результат, то в высказывании будет реализовываться неопределяющий агентивный субъект.

Таким образом, в качестве основных характеристик русских и английских квазисубъектных моделей, в которых реализуется неопределяющий агентивный субъект, выступают глаголы движения; глаголы, денотат которых предполагает обязательное наличие внешних условий для реализации описываемого действия; невозможность построения страдательной конструкции с дополнением в творительном падеже по причине наличия активного деятеля в структуре модели. Следует также отметить рассмотренные выше тесты, которые дают одновременно либо положительный, либо отрицательный результат. Статистически из 1 000 примеров на русском языке было выделено 538 высказываний, из 1 000 примеров на английском языке было выделено 423 высказывания, в которых реализуется неопределяющий агентивный субъект.

3.3. Неопределяющий неагентивный субъект

Под **неопределяющим неагентивным субъектом** понимается такой субъект X, который в высказывании выступает в качестве пациента, т.е. реализация действия P полностью зависит от внешней силы Z. В качестве тестов на выявление данного типа субъекта выступает преобразование исходного

высказывания в неопределённо-личную конструкцию, в результате которого семантика исходного высказывания сохраняется, например: *Молитвы читаются громко* – *Молитвы **читают** громко*; *Тема горячо обсуждается* – *Тему горячо **обсуждают***; *Дата записывается полностью* – *Дату **записывают** полностью* и др. Данные преобразования возможны, поскольку речь идёт не о каких-либо присущих субъектам свойствах. Событие *читаться громко* не зависит от субъекта *молитвы*, поскольку оно возникает в случае совершения действий со стороны некой внешней силы (священника, патриарха, прихожан церкви и др.). Похожая ситуация наблюдается и в последующих высказываниях: тема может горячо обсуждаться только за счёт действий собеседников; дата может записываться полностью только исходя из желания внешнего агенса и пр. В английском языке аналогом данного теста может служить преобразование с восстановленным субъектом *they*, при этом исходное и преобразованное предложения выступают синонимичными друг другу. Ср. *The discussion drags on interminably* / *Дискуссия тянется бесконечно долго* – ***They drag the discussion on interminably*** / *Они бесконечно долго растягивают дискуссию*. Действие *тянуться* / *длиться* не зависит от субъекта *дискуссия*; напротив, данную ситуацию можно наблюдать только в том случае, если внешняя сила (собеседники, группа людей) прикладывает усилия, чтобы обеспечить реализацию действия (*растягивать дискуссию*). Аналогичная ситуация наблюдается в высказывании *The siege ends quietly* / *Осада мирно прекращается* – ***They end the siege quietly*** / *Осаду мирно **прекращают***: осада может быть прекращена только в том случае, если внешний агент прикладывает определённые усилия (ведёт мирные переговоры, издаёт указ о прекращении осады и др.).

К таким высказываниям также можно применить следующие семантические тесты: «Субъект X легко / быстро / др. поддаётся действию Р» или «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию Р». Рассмотрим высказывания *Рубашка сильно пачкается*, *Ствол легко шатается*, *Зеркало легко прислоняется*. Каждое из данных высказываний представляется возможным преобразовать с помощью предложенных преобразований:

- *Рубашку возможно сильно испачкать / Рубашка сильно поддаётся действию «пачкать»;*
- *Ствол легко поддаётся действию «шатать» / Ствол возможно легко пошатать;*
- *Зеркало легко поддаётся действию «прислонить» / Зеркало возможно легко прислонить.*

Данные формулировки с лексическими средствами, которые указывают на возможность субъекта подвергнуться определённому действию (предикаты *поддаваться, возможно*), подразумевают необходимость наличия некой внешней силы, благодаря усилиям которой будет продуцироваться соответствующее действие. При этом сам субъект действия не может прилагать усилия для осуществления действия и выступает в роли пациента, обладающего определёнными свойствами, которые позволяют реализовать соответствующее действие. В данном случае глагол, используемый в квазисубъектной модели, реализует одно из пассивно-качественных значений, а именно: содержит семантический элемент неагентивности.

В английском языке аналогом данного семантического теста выступает преобразование «X can be easily / quickly / etc. P», где модальный глагол *can* в сочетании с пассивной конструкцией выполняет такую же функцию, что и предикат *возможно*, а именно: указывает на то, что действие выполняется лишь усилиями внешнего агенса. Ср. *Powdered food mixes easily / Порошковые продукты легко смешиваются – Powdered food **can be mixed** easily / Порошковые продукты **возможно легко смешать**.*

Ещё одним маркером наличия неопределяющего неагентивного субъекта являются глаголы, в семантику которых входят компоненты, фиксирующие способ или образ действия, а также наличие и тип орудия или инструмента: *Ткань быстро разрезается* (для осуществления данного действия необходим режущий предмет), *Грудь прощупывается последовательно* (данное действие предполагает, что внешний агентс будет выполнять действие руками), *Слово пишется полностью* (для того чтобы что-то написать, необходим пишущий предмет или материалы, с

помощью которых можно выполнить данное действие). При этом в данные модели представляется возможным добавить дополнение в творительном падеже: *Ткань быстро разрезается ножницами / ножом, Грудь прощупывается последовательно руками / пальцами, Слово пишется полностью ручкой / карандашом.*

В английском языке также можно отметить глаголы, которые фиксируют способ действия или инструмент, который необходим для реализации события. Ср. *The liquid wipes up easily / Жидкость легко вытереть* (для того чтобы вытереть пролитую жидкость, необходимо полотенце, салфетка, любая другая ткань, позволяющая впитать влагу, и др.); *The flesh spoons out easily / Мякоть легко вычерпнуть ложкой* (здесь можно наблюдать метонимический перенос в сфере глагола на основе обстоятельственных отношений: действие и инструмент, с помощью которого оно выполняется). В связи с этим данные конструкции можно расширить дополнением, которое вводится предлогами *by / with*: *The avocado halves easily / Авокадо легко разделить пополам – The avocado halves easily with a knife / Авокадо легко разделить пополам ножом.*

Таким образом, для определения неопределяющего неагентивного субъекта в русском и английском языках используются следующие тесты: преобразование высказывания в неопределённо-личную конструкцию или восстановление субъекта *they*, в результате которого исходное и преобразованное высказывания остаются семантически равнозначными; использование семантических тестов «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию P» и «X can be easily / quickly / etc. P»; возможность добавления дополнения в творительном падеже или дополнения, которое вводится предлогами *by / with*, что обуславливается наличием инструментального компонента в семантике глагола. Статистически данный тип субъекта представлен 239 высказываниями из 1 000 на русском языке, 136 высказываниями из 1 000 на английском языке.

3.4. Определяющий неагентивный субъект

Под **определяющим неагентивным субъектом** понимается такой субъект X, который не прилагает каких-либо усилий для осуществления действия P, но воздействие производится благодаря внутреннему источнику энергии субъекта, а именно: X не создаёт энергию специально для продуцирования соответствующего действия. Таким образом, у подобных высказываний нет целеполагающего стороннего агенса, действие поддерживается лишь внутренней энергией субъекта. Отсюда следует, что такие высказывания позволяют трактовать действие как происходящее само по себе и зависящее лишь от заложенных в субъекте свойств. В данном случае, в отличие от неопределяющего неагентивного субъекта, нельзя обратиться к семантическому тесту «Субъект X легко / быстро / др. поддается действию P» или «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию P», поскольку данные преобразования требуют семантического компонента неагентивности. Напротив, семантический тест «Субъект X способен выполнять действие P сам по себе» позволяет выделить описываемый тип субъекта.

Рассмотрим высказывания *Пианино легко расстраивается, Мясо быстро запекается, Бумага легко рвётся, Сердце сильно бьётся*. К каждому из приведённых примеров можно применить указанный семантический тест:

– *Пианино способно расстраиваться само по себе*, потому что составные механизмы могут быть плохого качества, но **Пианино возможно легко расстроить*.

– *Мясо способно само по себе быстро запекаться*, потому что мясо может быть хорошего качества или быть достаточно тонким, чтобы процесс запекания не занимал много времени.

– *Бумага способна рваться сама по себе*, поскольку она может быть тонкой, может быть произведена из некачественного материала (ср. с примером *Нитки быстро рвутся*, где можно предположить, что нитки непрочные или плохого качества).

– *Сердце способно сильно биться само по себе*, так как сердце продуцирует собственную энергию, которая обеспечивает его работу.

Для того чтобы выделить данный тип субъекта в английских квазисубъектных моделях, представляется возможным применить аналог указанного выше преобразования «X can produce P on its own accord / on its own», где с помощью выражений *on its own accord*, *on its own* (*сам по себе, собственными силами*) выражается способность субъекта выполнять действия самостоятельно и без посторонней помощи. Ср. следующие высказывания:

– *LEDs light up quickly / Светодиоды быстро загораются – LEDs can light up quickly on their own accord / Светодиоды способны быстро загораться сами по себе*, поскольку они могут быть собраны из определённых деталей, которые позволяют им загораться быстро.

– *The sun shines brightly / Солнце ярко светит – The sun can shine brightly on its own / Солнце способно ярко светиться само по себе*, поскольку солнце продуцирует собственную энергию, в результате чего выделяется тепловая и световая энергия.

– *The fire burns brightly / Огонь ярко горит – The fire can burn brightly on its own / Огонь способен ярко гореть сам по себе*. В данном высказывании представлена ситуация, аналогичная предыдущей: огонь, в силу определённых химических процессов, продуцирует тепловую и световую энергию, что обеспечивает процесс горения.

Помимо данных семантических тестов для выделения определяющего неагентивного субъекта применяется преобразование высказывания в неопределённо-личную конструкцию, характерной чертой которой является изменение исходной семантики высказывания. Это объясняется тем, что определяющий неагентивный субъект полагается лишь на себя при реализации действия и не требует наличия стороннего агенса, как, например, это наблюдается при неопределяющем неагентивном субъекте, являющемся пациентом по своей сути. Отсюда следует изменение семантики высказывания

при перестройке его в неопределённо-личную конструкцию либо невозможность её построения, ср.:

– *Вода постоянно испаряется* – *Воду постоянно **испаряют*** (происходит семантический сдвиг с субъекта высказывания *вода* на некую внешнюю силу или агенс, например: ***Растения постоянно испаряют воду***).

– *Волосы чуть вьются* – **Волосы чуть **вьют*** (в данном случае высказывание в неопределённо-личной форме не представляется адекватным).

– *Шрам ярко выделяется* – *Шрам ярко **выделяют***. В данном высказывании акцентируются действия постороннего агенса, например, кто-то выделяет шрам с помощью макияжа; имеет место семантический сдвиг, в результате которого внимание уделяется не самим характеристикам субъекта (шрам некрасивый, ещё не зажил рубец, шрам может выделяться на загорелой коже), а тому, каким образом посторонний агенс выполняет соответствующее действие.

В английских квазисубъектных моделях наблюдается аналогичная ситуация в случае преобразования с восстановлением субъекта *they*. При удачном преобразовании высказывания происходит семантический сдвиг, и фокус смещается с характеристик субъекта на действия внешнего агенса. Ср. следующие высказывания:

– *The cycle pauses temporarily* / *Цикл временно приостанавливается* – ***They pause the cycle temporarily*** / *Цикл временно **приостанавливают***, где исходное и преобразованное высказывания отличаются по своей семантике. В первом предложении в программу цикла могут быть изначально заложены такие параметры, которые обуславливают приостановку всего процесса. В преобразованном высказывании, напротив, восстановленный субъект *they* принимает решение временно приостановить цикл. Таким образом, внимание уделяется не внутренним особенностям субъекта *cycle* / *цикл*, а тому, каким образом восстановленный внешний субъект производит действие.

– *The programme stops abruptly* / *Программа резко останавливается* – ***They stop the programme abruptly*** / *Программу резко **останавливают***. В данном

высказывании наблюдается аналогичная предыдущей ситуации. В субъекте *programme / программа* изначально заложены параметры, которые позволяют ему полагаться только на внутренний источник энергии, тогда как преобразованное предложение характеризует действия внешнего агенса.

– *The machine washes gently / Стирка производится в мягком режиме* – **They wash the machine gently / *Стиральную машину осторожно моют* (в данном случае преобразованное высказывание не представляется приемлемым с точки зрения узуса языка).

По причине того, что субъект полагается лишь на внутренний источник энергии при продуцировании действия, к такому высказыванию невозможно добавить дополнение в творительном падеже или дополнение, которое вводится с помощью предлогов *by / with*. Ср.: *Лампочка-индикатор быстро загорается* – **Лампочка-индикатор быстро загорается кнопкой*; *Gas dissolves quickly / Газ быстро рассеивается* – **Gas dissolves quickly by the atmosphere / *Газ быстро рассеивается атмосферой* (варианты высказываний с дополнениями не представляются адекватными); *Дым медленно рассеивается, Огонь быстро распространяется, Soap hardens quickly / Мыло быстро затвердевает, The suds form quickly / Пена быстро образуется* (в данных случаях не представляется возможным подобрать ни дополнение в творительном падеже, ни дополнение, которое можно ввести с помощью предлогов *by / with*).

Следовательно, при реализации определяющего неагентивного субъекта в высказывании тесты на возможность образования неопределённо-личной конструкции, восстановления субъекта *they*, на сочетаемость с дополнением в творительном падеже и дополнением, вводимым предлогами *by / with* дают отрицательный результат. Данное положение позволяет говорить о не зависящем от внешних факторов субъекте, который будет полагаться только на внутренний источник энергии. Статистически из 1 000 примеров на русском языке было выделено 223 высказывания, из 1 000 примеров на английском языке было выделено 440 высказываний.

Таким образом, рассмотренные в данной главе семантические тесты позволяют определить, какой тип субъекта представлен в квазисубъектной модели, при этом возможность или невозможность применения того или иного теста объясняется семантическими особенностями определённого типа субъекта.

3.5. Количественное соотношение типов субъекта

Проведённый анализ субъектной перспективы в высказываниях типа *Книга легко читается / The book sells well* с опорой на предложенные семантические тесты позволяет произвести далее количественный подсчёт типов субъекта, которые реализуются в исследуемых синтаксических моделях. Так, были получены следующие данные по каждому из типов субъекта (см. также Рисунки 18, 19, где представлено процентное соотношение типов субъекта):

– **неопределяющий агентивный субъект:** *вселенные постоянно рождаются; мышечная деятельность резко повышается; лифт равномерно движется; the drum rotates clockwise / барабан крутится по часовой стрелке; plane lands safely / самолёт благополучно приземляется; train slows down considerably / поезд значительно замедляется.* На материале 2 000 высказываний было выделено 538 моделей в русском языке, 423 модели в английском языке;

– **неопределяющий неагентивный субъект:** *жир легко устраняется; гвоздь легко забивается; школы регулярно проверяются; пункт выдачи открывается вовремя; stains remove easily / пятна легко удаляются; the blender jug screws on securely / стакан блендера надёжно закрепляется; the book sells well / книга хорошо продаётся.* На материале 2 000 высказываний было выделено 239 моделей на русском языке, 136 моделей на английском языке;

– **определяющий неагентивный субъект:** *светодиоды тускло светятся; мозги мучительно напрягаются; дыхание сильно учащается; хлороформ быстро улетучивается; кровь быстро обращается; the appliance overheats easily / прибор легко перегревается; the battery rechargers quickly / аккумулятор быстро*

заряжается; *the heart beats steadily* / *сердце бьётся ровно*; *the engine crackles loudly* / *двигатель громко трещит*. На материале 2 000 высказываний было выделено 223 модели на русском языке, 440 моделей на английском языке.

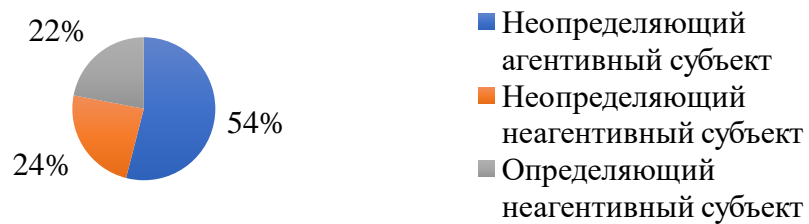

Рисунок 18 – Количественное соотношение типов субъекта, реализующихся в рамках русских квазисубъектных моделей

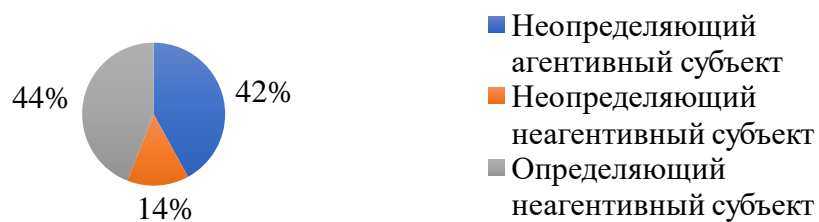

Рисунок 19 – Количественное соотношение типов субъекта, реализующихся в рамках английских квазисубъектных моделей

Проведённый анализ языкового материала позволил установить, что в рамках квазисубъектных моделей такие типы субъекта, которые либо частично нуждаются в некой внешней силе для осуществления определённого действия, либо полностью полагаются на неё, реализуются в русском языке чаще всего, причём неопределяющий агентивный субъект преобладает (54%). Количество высказываний, в рамках которых реализуется определяющий неагентивный субъект, указывающий на то, что субъект полагается лишь на внутреннюю энергию для продуцирования соответствующего действия, значительно меньше (22%). Данный факт позволяет предположить, что определяющий неагентивный субъект не получает широкого распространения в рамках квазисубъектных моделей.

Таким образом, в русскоязычной картине мира событие, описываемое квазисубъектными моделями, обязательно должно реализовываться или поддерживаться некой внешней силой. Данное положение можно объяснить особенностями национальной картины мира. Так, в национальном сознании

носителя языка имеется устойчивая ориентация на мнение окружающих, направленность на другого; русский человек также не мыслит себя одиноким [Стилистические аспекты перевода 2010: 71–72]. Следовательно, в ситуациях, когда изначально неодушевлённое лицо наделяется признаком одушевлённости и способностью выполнять какое-либо действие, оно в силу своей деятельностной неполноценности (неодушевлённые предметы в реальности не могут сами что-либо выполнять, поскольку у них отсутствуют собственное сознание и воля) нуждается в помощи для реализации конкретных действий. В связи с этим наиболее частотными являются модели с неопределяющим агентивным субъектом, в которых субъект высказывания частично прилагает усилия, но в конечном итоге всё равно нуждается в посторонней помощи. Вторыми по частотности являются такие модели, в которых субъект высказывания выступает пациентом, т.е. он полностью полагается на внешнюю силу для реализации описываемого события. Наконец, примеров с моделями, в которых реализуется определяющий неагентивный субъект, значительно меньше по сравнению с количеством примеров с двумя другими типами субъекта. Причиной данного разрыва можно считать особенность данного типа субъекта: определяющий неагентивный субъект полагается лишь на свою внутреннюю энергию для реализации определённого действия, т.е. он полагается лишь на себя и не нуждается в посторонней помощи (что противоречит особенностям национальной картины мира).

В английском языке типы субъекта распределяются иначе, что также можно потенциально объяснить особенностями национальной картины мира. Так, особенности англоязычной коммуникации обуславливаются культурно-историческими фактами, а именно: на англоязычную коммуникацию в значительной степени повлияла культура проповедей, получившая распространение в XVII в., в частности в пуританской традиции [Стилистические аспекты перевода 2010: 39]. Основная задача проповедей заключалась в том, чтобы в простой и доступной форме донести информацию, но также с помощью проповедей до общества доносилась идея о независимости. Прихожан призывали

найти свой индивидуальный путь к совершенству, продвигалась идея о том, что духовное спасение находится в руках самого верующего [Бурстин 1993: 21–22], что повлияло на развитие индивидуализма в англоязычной культуре. Данная особенность также находит отражение в языке, что можно отметить на примере исследуемых квазисубъектных моделей. Как представляется, наиболее частотными выступают модели, в которых реализуется определяющий неагентивный субъект (44%), который полагается только на внутренний источник энергии для реализации события. Иными словами, субъект самостоятельно должен достичь своей цели, не прибегая при этом к посторонней помощи, что соотносится с ценностями индивидуализма. Вторыми по частотности являются модели с неопределяющим агентивным субъектом (43%), который продолжает прилагать усилия для реализации действия, несмотря на то что окончательный результат зависит от внешних сил. Моделей с неопределяющим неагентивным субъектом представлено значительно меньше (14%), поскольку данный субъект выступает пациентом, т.е. он не прилагает каких-либо усилий для реализации события, которое совершается усилиями внешней силы или агенса (что противоречит национальной картине мира, направленной на продвижение индивидуализма).

Таким образом, соотношение типов субъекта в русском и английском языках значительно отличается, что объясняется особенностями национальных картин мира (одна направлена на коллективное взаимодействие, тогда как другая отмечает способность индивида действовать самостоятельно, без обращения к посторонней помощи).

Отметим, что в текстах инструкций наблюдается следующая ситуация (см. Рисунки 20, 21, где представлено процентное соотношение типов субъекта в русских и английских квазисубъектных моделях в текстах инструкций). В текстах инструкций на русском языке (Рисунок 20) наиболее частотными выступают модели с неопределяющим агентивным субъектом (47%), а вторыми по частотности являются модели с определяющим неагентивным субъектом (29%). Преобладание неопределяющего агентивного субъекта, как отмечалось выше,

связано с наблюдаемой в русскоязычной коммуникации направленностью на другого. Вместе с тем применение человеком технических приборов и устройств предполагает некую автоматизацию процесса, т.е. контроль за выполнением действия передаётся неодушевлённому предмету, а приложение усилий со стороны человека (внешней силы) сводится к минимуму. Поэтому неопределяющий неагентивный субъект представлен меньшим количеством высказываний (24%), что объясняется его особенностями (он выступает пациенсом). При неопределяющем агентивном субъекте технический прибор обеспечивает реализацию действия, однако с индивида не снимается полностью контроль за ситуацией. Частотность моделей с определяющим неагентивным субъектом обуславливается способностью субъекта выполнять действие самостоятельно, полагаясь только на внутренний источник энергии, что обеспечивает автоматизацию процесса.

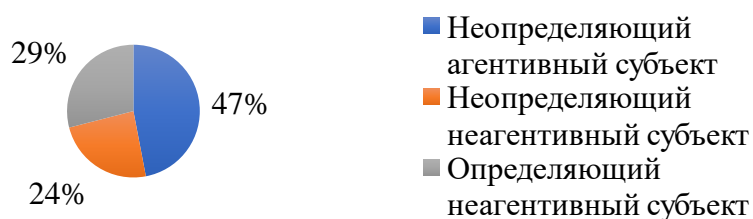

Рисунок 20 – Количественное соотношение типов субъекта в текстах инструкций на русском языке

В текстах инструкций на английском языке (Рисунок 21) наиболее частотными выступают высказывания с определяющим неагентивным субъектом (36%), что также обуславливается особенностями описываемой ситуации. Эксплуатация технических приборов и устройств характеризуется автоматизацией процесса, которая требует минимального вмешательства со стороны человека, чем можно объяснить относительно низкий процентный показатель высказываний, содержащих неопределяющий неагентивный субъект (31%). Вторыми по частотности выступают высказывания с неопределяющим агентивным субъектом (33%). Предположительно это связано с тем, что для обеспечения правильной работы устройства необходимо содержать его в надлежащем состоянии, что возможно только при условии вовлечения человека в

процесс: устройство может изнашиваться, поэтому человек должен следить за его техническим состоянием. Иными словами, компоненты устройства выполняют соответствующие функции, однако их конечное состояние зависит от действий человека.

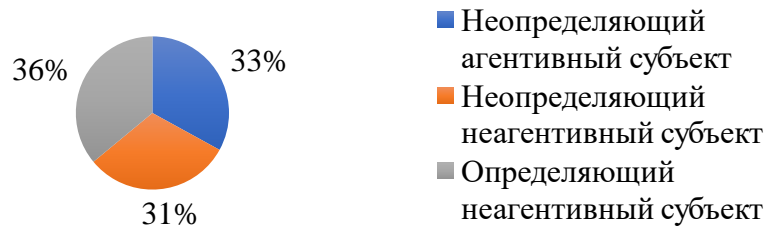

Рисунок 21 – Количественное соотношение типов субъекта в текстах инструкций на английском языке

Таким образом, анализ количественных данных позволяет сделать вывод о том, что частотность реализации определённого типа субъекта в том или ином языке зависит от особенностей национальной картины мира данного языка, а также от жанра текста, в котором употребляются исследуемые синтаксические модели. В рамках дальнейшего исследования представляется возможным применить разработанные принципы к языковому материалу на других языках и выявить особенности их субъектной перспективы, которая, вероятно, также будет зависеть от особенностей национальной картины мира. В перспективе также возможно рассмотреть семантические особенности квазисубъектных моделей, которые используются в текстах других жанров.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

В данной главе анализ результатов проведённого семантического эксперимента показал, что выдвинутая в Главе II гипотеза о том, что тип субъекта определяет тип представленного в квазисубъектной модели наречия, не получает подтверждения. Связано это с тем, что в некоторых случаях употребление одного из типов субъекта в сочетании с определённым типом наречия может давать как положительный, так и отрицательный языковой материал. Вместе с тем

выдвигается предположение, что тип наречия зависит от семантики глагола, который реализуется в высказывании. Выявление семантических особенностей предиката, которые определяют условия употребления типов наречий, составляет перспективу дальнейшего исследования.

В рамках обсуждения результатов семантического эксперимента поднимается вопрос о соотношении оценок шкалы А. Тимберлейка, которая предлагается информантам-носителям языка для оценки правильности или неправильности экспериментальной выборки исследования, с количеством вхождений проверяемого высказывания в поисковых системах Google и Yandex. При сопоставлении количества вхождений с оценками предлагается обратиться к понятию частотности запросов и выделить высокочастотные (более 10 000 вхождений, что соответствует приемлемым, предпочтительным высказываниям), среднечастотные (от 1 000 до 10 000 вхождений – приемлемые, редко встречаемые высказывания) и низкочастотные запросы (менее 1 000 вхождений – высказывания, находящиеся на грани приемлемости). Все предложения, для которых количество вхождений равняется нулю, можно отнести к неприемлемым высказываниям, которые не употребляются вовсе. Данная корреляция оценок и количества вхождений, тем не менее, не претендует на истинность и может быть в дальнейшем пересмотрена.

В данной главе рассматриваются также принципы выделения типов субъекта в русских и английских квазисубъектных моделях и предлагается соответствующая система семантических тестов, которая включает следующие преобразования и факторы:

- 1) тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже, дополнение, присоединяемое к высказыванию предлогами *by* и *with*;
- 2) преобразование в неопределённо-личную модель, восстановление в высказывании субъекта *they*;
- 3) возможность применения семантических тестов «X возможно легко / быстро / сильно / пр. P», «X can be easily / quickly / etc. P»;

4) возможность применения семантических тестов «Субъект X способен выполнять действие P сам по себе», «X can produce P on its own accord / on its own»;

5) наличие в модели глагола действия, в семантику которого включены компоненты, фиксирующие способ и характер деятельности, наличие и тип орудия или инструмента, что применимо как для русских моделей, так и для английских;

6) наличие в модели глагола, денотат которого подразумевает обязательное наличие внешних условий;

7) наличие в модели глагола движения.

Количественный анализ эмпирического материала позволил определить процентное соотношение типов субъекта в русском и английском языке и выделить наиболее частотные типы субъекта. Как представляется, частотность реализации того или иного типа субъекта в конкретном языке зависит от особенностей национальной картины мира (отмечающаяся в русском языке направленность на коллективное взаимодействие, в английском языке – способность индивида действовать самостоятельно, без посторонней помощи), а также от жанра текстов (тексты инструкций по эксплуатации технических приборов и устройств), в которых встречаются квазисубъектные модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование выполнено в рамках когнитивного подхода к изучению языковых единиц и посвящено сопоставительному анализу субъектной перспективы квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается / The book sells well*. Изучение данных синтаксических моделей обусловлено отсутствием комплексных исследований, раскрывающих семантический потенциал квазисубъектных моделей, а также предлагающих развёрнутую интерпретацию их субъектной перспективы.

Объектом данной работы являются квазисубъектные модели типа *Книга легко читается / The book sells well*. **Предметом** исследования выступили семантика вышеобозначенных синтаксических моделей и их субъектная перспектива.

Методологическая база настоящего исследования базируется на ключевых положениях когнитивной лингвистики и семантики, связанных, во-первых, с представлениями о способах и моделях концептуализации языковой действительности, а также с корреляцией структурных схем предложений и фрагментов внеязыковой действительности [Степанов 1981; Колшанский 1990; Караулов 2010; Болдырев 2014; Сулейманова 2020; Заботкина 2022; Langacker 1991; Jackendoff 1995]; во-вторых, с представлениями о природе значения языкового знака как информации, вносимой об объекте внеязыковой действительности и имеющей языковую релевантность [Селиверстова 2004; Сулейманова 2015, 2018а; Макеева 2020]; в-третьих, с интерпретацией семантической структуры предложения как языкового знака; в частности, с определением соответствующих особенностей структурной схемы предложения и интерпретацией семантики синтаксических моделей [Бенвенист 1974; Степанов 1981; Гак 1998; Сулейманова 2000; Селиверстова 2004].

В работе предлагается обоснование **методики** исследования, которая основана на триангуляционном подходе, заключающемся в совмещении гипотетико-дедуктивного метода с опорой на семантический эксперимент, опроса

информантов-носителей языка и проверки полученных результатов при помощи таких сетевых исследовательских технологий, как поисковые системы Google и Yandex. Кроме того, обращение к методам дистрибутивного анализа и контент-анализа позволяет собрать релевантную информацию как о лексическом, так и о семантическом окружении исследуемых моделей, а также привести статистику их употребления. На основе последующей интерпретации собранных данных и применения соответствующих методов исследования представляется возможным выдвинуть гипотезу о семантике квазисубъектных моделей, экспериментально её проверить и верифицировать выдвигаемые положения.

Наряду с этим использование сетевых исследовательских технологий, в частности, корпусов текстов и поисковых систем Google и Yandex в качестве коллективного информанта, позволяет подкрепить результаты опроса информантов-носителей языка статистическими данными, достоверность которых обуславливается их дальнейшей корреляцией (наличие определённого количества вхождений позволяет говорить о степени приемлемости проверяемого высказывания с точки зрения узуса языка, тогда как отсутствие точных вхождений свидетельствует о неприемлемости данного высказывания). Как представляется, обращение к триангуляционному подходу необходимо в данном случае для получения адекватного описания семантики исследуемых квазисубъектных моделей.

Эмпирическую базу исследования составили примеры употребления квазисубъектных моделей на русском и английском языках, отобранные из различных источников, в частности, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – 813 высказываний; Британского национального корпуса текстов (BNC) – 700 высказываний; Корпуса современного американского английского языка (COCA) – 72 высказывания; текстов инструкций по эксплуатации технических приборов и устройств – 187 примеров на русском языке, 228 примеров на английском языке (на материале объёмом 188 страниц и 175 страниц соответственно). Общий объём эмпирической базы составил 2 000 высказываний.

Применение комплексной методики обеспечивает достижение поставленной цели исследования, которая заключалась в выделении соответствующих типов субъекта, предиката и наречия, реализующихся в исследуемых моделях, которые позволяют определить семантические особенности данных моделей; рассматривалась также субъектная перспектива квазисубъектных моделей и их характерная структура.

Так, было определено, что для семантической интерпретации исследуемых моделей релевантным оказывается выбор типа субъекта (неопределяющий агентивный субъект, неопределяющий неагентивный субъект, определяющий неагентивный субъект), который определяет, как описываемая ситуация будет концептуализироваться носителем языка. Предикаты в квазисубъектных моделях представляют собой глаголы среднего залога, указывающие на то, что действие исходит из субъекта и замыкается в нём, и являются предикатами класса, т.е. описывают некую гомогенную ситуацию, протяжённую во времени, не имеющую предела и, следовательно, точной локализации на оси времени. Отмечается, что обязательным компонентом квазисубъектных моделей является наречие, в частности, наречие образа и способа действия, с помощью которого описываются качества и свойства субъекта высказывания, а также даётся определённая характеристика соответствующему действию. Наречия в рамках исследуемых моделей далее разделяются на 11 семантических классов в зависимости от того, какие особенности события помещаются в фокус (например, наречия, характеризующие скорость протекания действия, сложность его реализации, указывающие на свойства субъекта, которые воспринимаются внешним лицом визуально, и др.).

Анализ субъектной перспективы квазисубъектных моделей позволил разработать систему семантических тестов, с помощью которых собранный языковой материал представляется возможным распределить по соответствующим группам в зависимости от того, какой тип субъекта реализуется в исходной модели. В качестве основных тестов в данном исследовании выступают следующие преобразования и факторы.

1. **Тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже.** Для высказываний на английском языке аналогом данного теста выступает возможность сочетаемости высказывания с дополнением, которое вводится с помощью предлогов *by* и *with*. Данный тест даёт положительный результат в том случае, если в высказывании наблюдается неопределяющий неагентивный субъект, поскольку данный тип субъекта подразумевает необходимость присутствия некой внешней силы или лица, которое будет ответственно за реализацию события. Ср. *Слово пишется полностью – Слово пишется полностью ручкой / карандашом, The avocado halves easily / Авокадо легко разделить пополам – The avocado halves easily with a knife / Авокадо легко разделить пополам ножом.*

2. **Преобразование в неопределённо-личную модель.** По причине того, что в английском языке отсутствуют неопределённо-личные модели, в данном случае представляется возможным преобразовать исходную модель в высказывание с восстановленным субъектом *they*. Если в результате преобразования семантика исходного высказывания сохраняется, в квазисубъектной модели будет реализовываться неопределяющий неагентивный субъект. Ср. *Молитвы читаются громко – Молитвы читают громко, The discussion drags on interminably / Дискуссия тянется бесконечно долго – They drag the discussion on interminably / Они бесконечно долго растягивают дискуссию.* Данные преобразования возможны, поскольку речь идёт не о каких-либо присущих субъектам свойствах. Событие *читаться громко* не зависит от субъекта *молитва*, так как оно возникает в случае совершения определённых действий со стороны некоего внешнего лица (священника, патриарха, прихожан церкви и др.); действие *тянуться / длиться* не зависит от субъекта *дискуссия*, напротив, данную ситуацию можно наблюдать только тогда, когда внешняя сила (собеседники, группа людей) прикладывает определённые усилия, чтобы обеспечить реализацию действия.

Высказывания, в которых реализуется определяющий неагентивный субъект, также возможно преобразовать в неопределённо-личную конструкцию

или высказывание с восстановленным субъектом *they*. Характерной чертой такого преобразования является изменение исходной семантики высказывания. Это объясняется тем, что определяющий неагентивный субъект полагается на себя при реализации действия и не требует наличия стороннего агенса, как, например, это наблюдается при неопределяющем неагентивном субъекте. Отсюда следует изменение семантики высказывания при перестройке его в неопределённо-личную конструкцию либо невозможность её построения. Ср. *Вода постоянно испаряется* – *Воду постоянно **испаряют***, где происходит семантический сдвиг с субъекта высказывания *вода* на некую внешнюю силу, например, *Растения постоянно **испаряют** воду*. Ср. также *The cycle pauses temporarily* / *Цикл временно приостанавливается* – *They pause the cycle temporarily* / *Цикл временно **приостанавливают***, где в программу цикла могут быть изначально заложены такие параметры, которые обуславливают приостановку всего процесса. В преобразованном высказывании, напротив, восстановленный субъект принимает решение временно приостановить цикл, и внимание уделяется не внутренним особенностям субъекта *cycle* / *цикл*, а тому, каким образом восстановленный внешний субъект производит действие.

Похожая ситуация наблюдается в моделях с неопределяющим агентивным субъектом, которые также либо можно подвергнуть данному преобразованию, но при этом происходит семантический сдвиг, либо преобразование невозможно. Ср. *The bus stops suddenly* / *Автобус внезапно останавливается* – *They stop the bus suddenly* / *Автобус внезапно **останавливают***. В случае положительного результата на данный семантический тест исходная семантика высказывания меняется: свойство *suddenly* / *внезапно*, которое характеризует движение субъекта *bus* / *автобус*, переносится на внешнего деятеля и его действия (например, сотрудники полиции внезапно останавливают автобус на дороге). Ср. также *Поезда быстро разъезжаются* – **Поезда быстро **разъезжают***, **Lava flows slowly* / *Лава течет медленно* – **They flow lava slowly* / **Лаву медленно **текут***.

3. Возможность применения семантических тестов «**X** возможно легко / быстро пр. Р», «**X** легко / быстро пр. поддается действию Р», «**X** таков, что

его можно *легко / быстро* пр. подвергнуть действию **P**» для русских моделей и теста «**X can be easily / quickly / etc. P**» для английских моделей. Данный семантический тест позволяет выделить в высказывании неопределяющий неагентивный субъект в силу того, что в формулировке теста присутствуют лексические средства (предикаты *поддаваться, возможно, can be*), которые указывают на необходимость наличия некой внешней силы, благодаря усилиям которой будет продуцироваться соответствующее действие. Ср. *Рубашка сильно пачкается* – *Рубашку возможно сильно испачкать*, *Powdered food mixes easily / Порошковые продукты легко смешиваются* – *Powdered food can be mixed easily / Порошковые продукты возможно легко смешать*.

4. Возможность применения семантического теста «**Субъект X способен выполнять действие P сам по себе**». Для английских моделей используется преобразование «**X can produce P on its own accord / on its own**». В данном тесте такие лексические средства, как *сам по себе, on its own accord, on its own*, позволяют выразить способность субъекта выполнять действия самостоятельно, без посторонней помощи. С помощью данного теста в высказывании отмечается определяющий неагентивный субъект, который полагается только на внутренний источник энергии для реализации действия. Ср. *Нитки быстро рвутся* – *Нитки способны рваться сами по себе*, поскольку они могут быть непрочными или плохого качества; *The sun shines brightly / Солнце ярко светит* – *The sun shines brightly on its own / Солнце ярко светит само по себе*, поскольку солнце продуцирует собственную энергию, в результате чего выделяются тепло и свет.

Отметим, что возможны ситуации, когда оба данных теста (тесты 3 и 4) выдают положительные результаты. Ср. *Кнопка сразу блокируется* – *Кнопку возможно сразу заблокировать, Кнопка сразу блокируется сама по себе; Life changes dramatically / Жизнь резко меняется* – *Life can be changed dramatically / Жизнь возможно резко изменить, Life changes dramatically on its own / Жизнь резко меняется сама по себе*. В таких случаях в высказывании будет реализовываться неопределяющий агентивный субъект, что объясняется его особенностью: при неопределяющем агентивном прочтении субъект выступает

как активным участником действия (прикладывает определённые усилия), так и пациенсом (внешняя сила влияет на конечный результат). Следовательно, если оба данных теста выдают одновременно либо положительный, либо отрицательный результат, то в высказывании будет реализовываться неопределяющий агентивный субъект.

5. Наличие в модели глагола действия, в семантику которого включены компоненты, фиксирующие способ и характер деятельности, наличие и тип орудия или инструмента, что применимо как для русских, так и английских моделей. Данный тест позволяет выделить в модели неопределяющий неагентивный субъект, поскольку денотаты соответствующих глаголов указывают на то, что событие возможно только в том случае, если некое внешнее лицо воспользуется необходимым для его реализации инструментом. Ср. *Ткань быстро **разрезается*** (для осуществления данного действия необходим режущий предмет), *The liquid **wipes up** easily* / *Жидкость легко **вытереть*** (для того, чтобы вытереть пролитую жидкость, необходимо полотенце, салфетка, любая другая ткань, позволяющая впитать влагу и др.).

6. Наличие в модели глагола, денотат которого подразумевает обязательное присутствие внешних условий. В исследуемой модели такие глаголы указывают на реализацию неопределяющего агентивного субъекта. Ср. *Жировые клетки быстро **расщепляются***, *Soil **dries out** completely* / *Почва полностью **высыхает***, где можно наблюдать, что конечный результат зависит от некой внешней силы Z. Так, *жировые клетки* вступают друг с другом в реакцию, однако процесс расщепления может зависеть от дополнительных факторов (отдельные свойства клеток, температурные условия, наличие катализатора); *почва* способна испарять влагу, которая в ней содержится, однако *высохнуть полностью* почва может только при наличии определённых внешних условий (засушливый климат, период засухи и др.). Таким образом, если ситуация предполагает обязательное наличие внешних условий, без которых результат действия не может наблюдаться, тогда в высказывании будет реализовываться неопределяющий агентивный субъект.

7. Наличие в модели **глагола движения**, с которым будет сочетаться только неопределяющий агентивный субъект. Выделение данного типа субъекта связано с не-декаузативной интерпретацией глаголов движения на *-ся*, при которых субъект высказывания сам рассматривается как каузатор движения, т.е. в составе высказывания можно наблюдать имплицитно заданный агенс. Ср. *The car drives slowly* / *Машина едет медленно, Автобус внезапно останавливается*. Действительно, в данных случаях можно наблюдать, как субъект прикладывает усилия для осуществления действия: работа двигателя и составных механизмов позволяет машине двигаться; движение автобуса, как и движение машины, обеспечивается работой составных деталей. Тем не менее окончательный результат зависит от действий внешней силы или деятеля, а также от влияния внешних условий: водитель машины контролирует скорость, с которой она движется; водитель автобуса резко тормозит.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения квазисубъектных моделей и более подробного анализа их семантики в естественном языке. Результаты данного исследования способствуют развитию представлений в области изучения семантики языковых единиц; также получает описание субъектная перспектива исследуемых моделей, которая зависит от особенностей национальной картины мира.

Перспективу дальнейшего исследования может составить определение условий реализации наречий в рамках данных моделей, поскольку выдвинутая в рамках данной работы гипотеза о том, что тип субъекта определяет тип наречия, не получила практического подтверждения. Таким образом, в дальнейшем необходимо определить, какой из структурных компонентов модели влияет на реализацию того или иного типа наречия. Наряду с этим в перспективу исследования входит изучение квазисубъектных моделей в других языках, что позволит выявить общие и отличительные особенности субъектной перспективы данных моделей в естественном языке. Представляется возможным также рассмотреть квазисубъектные модели в переводческой перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина, А. В. Зависимость семантики модальных глаголов немецкого языка от контекстуального окружения / А. В. Аверина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 7–11.
2. Аверина, А. В. Структурные модели предложений с внешней перспективой в немецком языке / А. В. Аверина. – Текст : непосредственный // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 17. Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве / под общей редакцией А. В. Иванова. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – С. 81–98.
3. Аверина, А. В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках / А. В. Аверина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 569–575.
4. Алияришорехдели, М. Особенности категории залога в русском языке (в сравнении с персидским языком): возвратные пассивные конструкции / М. Алияришорехдели. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2011. – № 6. – С. 169–174.
5. Андреев, А. В. Развитие технологий поисковой оптимизации / А. В. Андреев, Е. С. Феофанова. – Текст : непосредственный // Качество информационных услуг : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (Тамбов, 30 октября 2017 г.) / редколлегия : С. В. Аксенова, М. А. Ахметов, В. Д. Баширов [и др.]. – Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2017. – С. 42–47.
6. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учебное пособие / В. Д. Аракин. – 3-е изд. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с. – ISBN 5-9221-0023-8. – Текст : непосредственный.
7. Арутюнова, Н. Д. Вариации на тему предложения / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Инвариативные синтаксические значения и структура

предложения : доклады конференции по теоретическим проблемам синтаксиса / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1969. – С. 38–48.

8. Афанасьева, О. М. Базовые функции синтаксических конструкций в публицистическом тексте (на материале бюллетеней И. А. Ильина «Наши задачи») / О. М. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 46. – С. 2054–2060.

9. Белайчук, О. С. Гипотетико-дедуктивный метод для описания семантики глаголов отрицания (пошаговое описание методики, применяемой для решения конкретной исследовательской задачи) / О. С. Белайчук – Текст : непосредственный // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии : сборник статей / составители О. А. Сулейманова, Н. Л. Огуречникова. – Вып. 2. – Москва : Московский городской педагогический университет, 2004. – С. 158–176.

10. Беляков, М. В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент анализа (статья 1) / М. В. Беляков. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 3. – С. 58–67.

11. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; общая редакция, вступительная статья и комментарии Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с. – Текст : непосредственный.

12. Бирюкова, Е. В. Специфика функционирования инфинитива в этических кодексах банков (на материале английского и русского языков) / Е. В. Бирюкова, И. И. Мухортова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 2856–2860.

13. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студентов филологических факультетов университетов и факультетов английского языка педвузов / М. Я. Блох. – Москва : Высшая школа, 1983. – 383 с. – Текст : непосредственный.

14. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой

степени доктора филологических наук / Болдырев Николай Николаевич. – Санкт-Петербург, 1995. – 445 с. – Текст : непосредственный.

15. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

16. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев, Министерство образования и науки РФ, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с. – ISBN 978-5-89016-938-9. – Текст : непосредственный.

17. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.

18. Болдырев, Н. Н. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке / Н. Н. Болдырев, И. Ю. Безукладова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 72–77.

19. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко, Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с. – (Studia philologica). – ISBN 5-94457-021-0. – Текст : непосредственный.

20. Борискина, О. О. Эмоции как вместилище в разных лингвокультурах англосферы / О. О. Борискина, О. Ф. Задобривская. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 68–74.

21. Бурнакова, К. Н. Значение неочевидности глагольного действия в языках Южной Сибири / К. Н. Бурнакова, Т. Н. Боргоякова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2019. – № 7. – С. 89–91.

22. Бурстин, Д. Американцы. Колониальный опыт / Д. Бурстин ; перевод с английского, под общей редакцией и с комментариями В. Т. Олейникова ; послеслов. В. П. Шестакова. – Москва : Прогресс-Литера, 1993. – 480 с. – ISBN 5-01-002601-5. – ISBN 5-01-002604-X. – Текст : непосредственный.
23. Викулова, Е. А. Средний залог как имплицитная грамматическая категория современного английского языка / Е. А. Викулова. – Текст : непосредственный // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – № 8. – С. 489–498.
24. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под редакцией Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва : Русский язык, 2001. – 720 с. – ISBN 5-200-03017-X. – Текст : непосредственный.
25. Водяницкая, А. А. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии: анализ академических дискурсивных практик : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Водяницкая Альбина Александровна. – Москва, 2022. – 407 с. – Текст : непосредственный.
26. Войтенко, М. И. Категория залога в русском языке. Употребление страдательных категорий залога в русском языке. Употребление страдательных и действительных оборотов в сопоставлении с английским языком / М. И. Войтенко, Н. М. Кизилова. – Текст : непосредственный // Вестник научных конференций. – 2016. – № 1–4 (5). – С. 29–31.
27. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с. – ISBN 5-7859-0063-7. – Текст : непосредственный.
28. Гиро-Вебер, М. Вид и семантика русского глагола / М. Гиро-Вебер. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 102–112.
29. Гордиенко, А. Ю. Концептуализация разнообразия в естественном языке : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гордиенко Анастасия Юрьевна. – Москва, 2017. – 197 с. – Текст : непосредственный.

30. Грамматические аспекты перевода : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова [и др.]. – 2-е изд., испр. – Москва : Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с. – ISBN 978-5-7695-8740-5. – Текст : непосредственный.
31. Девятова, Н. М. О качественных наречиях и их роли в организации моно- и полипредикативных высказываний / Н. М. Девятова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 2(42). – С. 50–57.
32. Дегальцева, А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Дегальцева Анна Владимировна. – Саратов, 2021. – 638 с. – Текст : непосредственный.
33. Долин, Ю. Т. Еще раз о подлежащем как главном члене предложения в русском языке (к теории вопроса) / Ю. Т. Долин. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 11(105). – С. 50–53.
34. Досиева, М. М. О категории залога глагола в русском языке / М. М. Досиева. – Текст : непосредственный // Lingua-Universum. – 2006. – № 4. – С. 41–42.
35. Евтеева, М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением делать в естественном языке: специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Евтеева Мария Юрьевна. – Москва, 2014. – 293 с. – Текст : непосредственный.
36. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 6-е изд. – Москва : КомКнига, 2010. – 368 с. – ISBN 978-5-484-01107-0. – Текст : непосредственный.

37. Заботкина, В. И. Язык и идентичность: изменения в русскоязычной и англоязычной картинах мира / В. И. Заботкина. – Текст : непосредственный // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2020. – № 1(105). – С. 72–75.
38. Заботкина, В. И. Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы / В. И. Заботкина. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2(45). – С. 166–171.
39. Заботкина, В. И. Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры / В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4-3. – С. 300–311.
40. Зубенко, Н. В. Когнитивно-семантические параметры наречий с суффиксом *-ly* в английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зубенко Наталья Викторовна. – Пятигорск, 2015. – 178 с. – Текст : непосредственный.
41. Иванова, А. М. Проблема концептуализации ментальных процессов, связанных с «выделением / подчеркиванием» в естественном языке : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванова Анна Михайловна. – Москва, 2011. – 194 с. – Текст : непосредственный.
42. Иванова, А. М. Метод направленной проверки сочетаемости слов в корпусах и поисковых системах как инструмент исследования семантики языковых знаков / А. М. Иванова, А. Ю. Гордиенко. – Текст : непосредственный // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе : коллективная монография / ответственный редактор О. А. Сулейманова, Д. Б. Никуличева, М. А. Фомина. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – С. 19–28.
43. Иванова, И. А. Категория залога в английском языке / И. А. Иванова. – Текст : непосредственный // Теория и практика современных гуманитарных и

естественных наук : сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции (Петропавловск-Камчатский, 04–06 февраля 2014 г.) / ответственный редактор В. В. Давыдов, О. В. Шереметьева. – Вып. 4. Ч. 1. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2014. – С. 76–79.

44. Иванова, С. В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? / С. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4(54). – С. 25–35.

45. Карасик, В. И. Нормы поведения в языковой картине мира / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 35–49.

46. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7. – Текст : непосредственный.

47. Карданова-Бирюкова, К. С. Цифровые инструменты в проведении психолингвистического исследования / К. С. Карданова-Бирюкова. – Текст : непосредственный // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 4. – С. 123–135.

48. Клепикова, Т. А. Предикаты с пропозициональным компонентом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Клепикова Татьяна Альбертовна. – Санкт-Петербург, 2009. – 490 с. – Текст : непосредственный.

49. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебное пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – Москва : Высшая школа, 2007. – 368 с. – ISBN 978-5-06-005413-2. – Текст : непосредственный.

50. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский ; ответственный редактор А. М. Шахнарович. – Москва : Наука, 1990. – 107 с. – ISBN 5-02-010976-2. – Текст : непосредственный.

51. Конобеева, О. Е. Направления совершенствования маркетинговых коммуникаций: практический аспект / О. Е. Конобеева, Е. А. Сотникова. – Текст : непосредственный // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2020. – № 12. – С. 37–40.
52. Кравчук, Ю. С. Лингвокультурологический концепт “realty” / «недвижимость» в английской и русской национальных языковых картинах мира : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кравчук Юлия Сергеевна. – Москва, 2018. – 196 с. – Текст : непосредственный.
53. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Филология и культура : материалы международной конференции (Тамбов, 12-14 мая 1999 г.): в 3 ч. / ответственный редактор Н. Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 6–13.
54. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; перевод с английского А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. – Москва : УРСС, 2004. – 256 с. – ISBN 5-354-00222-2. – Текст : непосредственный.
55. Летучий, А. Б. Между пассивом и декаузативом: Русские модальные пассивы / А. Б. Летучий. – Текст : непосредственный // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 365–395.
56. Лось, А. Л. Когнитивная интерпретация как способ анализа различий в значениях слов, репрезентирующих аудиальную перцепцию / А. Л. Лось. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 2(41). – С. 249–253.
57. Лось, А. Л. Репрезентация звуковых ощущений «треск» и «хруст» по данным семантического и ассоциативного экспериментов / А. Л. Лось. – Текст : непосредственный // Этнопсихолингвистика. – 2022а. – № 4(11). – С. 45–54.

58. Лось, А. Л. Условность границ, определяющих число данных для экспериментальных лингвистических процедур / А. Л. Лось. – Текст : непосредственный // Лингвистическая лимология : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 16 декабря 2021 г.). – Москва : Московский государственный областной университет, 2022б. – С. 133–142.
59. Лось, А. Л. Проблема использования экспериментальных методик в когнитивной лингвистике / А. Л. Лось. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 590–596.
60. Лукошус, О. Г. Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением «настоящий» : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лукошус Оксана Геннадьевна. – Москва, 2015. – 203 с. – Текст : непосредственный.
61. Лукошус, О. Г. Использование возможностей Search Engines при описании семантики слова / О. Г. Лукошус. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 65–67.
62. Лягушкина, Н. В. Семантические представления, релевантные для описания значения ряда пространственных предлогов и наречий : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лягушкина Наталья Владимировна. – Москва, 2002. – 205 с. – Текст : непосредственный.
63. Макеева, Л. Б. Что есть значение? Ответ Пола Грайса / Л. Б. Макеева. – Текст : непосредственный // Философский журнал. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 69–88.
64. Масалова, М. Ю. Неоднозначные явления в синтаксисе русского языка как выражение асимметрии языкового знака / М. Ю. Самалова, С. В. Шелковникова. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2019. – № 3. – С. 45–47.

65. Мелиг, Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке / Х. Р. Мелиг. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Современная зарубежная русистика / составление и общая редакция Т. В. Булыгиной, А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 227–249.
66. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; перевод с английского О. Н. Гринбаума ; под редакцией. Ф. М. Кулакова. – Москва : Энергия, 1979. – 152 с. – Текст : непосредственный.
67. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с. – (Studia philologica). – ISBN 5-9551-0116-0. – Текст : непосредственный.
68. Назари, Ф. Т. Возвратные глаголы в русском языке и их аспекты / Ф. Т. Назари. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 2(35). – С. 306–308.
69. Никитина, В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа X SHUDDERS TO V / В. В. Никитина. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021а. – № 3(46). – С. 191–194.
70. Никитина, В. В. Концептуализация ментального состояния субъекта в конструкциях типа *X shudders to think* : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Никитина Вероника Владимировна. – Москва, 2021б. – 230 с. – Текст : непосредственный.
71. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего: от смысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 3-е изд. – Москва : ЛЕНАД, 2018. – 232 с. – ISBN 978-5-9710-5045-2. – Текст : непосредственный.
72. Падучева, Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 52–79.
73. Панкратова, М. Е. Английские наречия сквозь призму глагольного окружения / М. Е. Панкратова. – Текст : непосредственный // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 55–58.

74. Панкратова, М. Е. Семантика наречного слова в современном английском языке (на материале пространственных наречий) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Панкратова Марина Евгеньевна. – Воронеж, 2015. – 199 с. – Текст : непосредственный.

75. Петрова, И. М. Контекстуальный анализ вариативности биномов, обозначающих участников институционального взаимодействия, в русском и английском языках / И. М. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 4(44). – С. 64–72.

76. Петрова, И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина. – Москва : Языки Народов Мира, 2022. – 259 с. – ISBN 978-5-6048046-8-1. – Текст : непосредственный.

77. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с. – ISBN 5-94457-019-9. – Текст : непосредственный.

78. Попов, А. С. Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка : пособие для спецкурса по русскому языку для студентов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / А. С. Попов. – Пермь : ПГУ, 1974. – 116 с. – Текст : непосредственный.

79. Попова, Л. Г. Концептуальное понимание свободы в английском и русском языках / Л. Г. Попова, Е. С. Грищенко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 153–156.

80. Попова, Л. Г. Лексикографическая представленность периферии концепта *верность* посредством синонимов ядерных лексем *die treue* и *верность* / Л. Г. Попова, Л. Ф. Исаева. – Текст : непосредственный // Сопоставительные исследования 2023 : продолжающееся научное. издание. / научный редактор М. А. Стернина. – Вып. 20. – Москва : Издательство Ритм, 2023. – С. 75–79.
81. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 176 с. – ISBN 978-5-9765-0047-1. – Текст : непосредственный.
82. Пупынин, Ю. А. О качественном пассиве в русском языке / Ю. А. Пупынин. – Текст : непосредственный // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 127–136.
83. Рахманкулова, С. Е. К проблеме освоения семантического пространства синтаксиса изучаемого языка / С. Е. Рахманкулова. – Текст : непосредственный // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами : сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции (Нижний Новгород, 15-16 октября 2020 г.) / ответственные редакторы Ж. В. Никонова, Н. В. Макшанцева. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2021. – С. 90–95.
84. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / главный редактор Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980а. – 792 с. – Текст : непосредственный.
85. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / главный редактор Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980б. – 717 с. – Текст : непосредственный.
86. Селиверстова, О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика : опыт описания / О. Н. Селиверстова. – Москва : Наука, 1990. – 150 с. – ISBN 5-02-010978-9. – Текст : непосредственный.
87. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. – ISBN 5-9551-0020-2. – Текст : непосредственный.

88. Селин, С. В. Вербализация концепта Madness (безумие) в английском языке: когнитивно-корпусные и лингвокультурологические аспекты: специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Селин Сергей Васильевич. – Воронеж, 2011. – 232 с. – Текст : непосредственный.
89. Семантические типы предикатов / Т. В. Бурлыгина, О. Н. Селиверстова, Н. А. Ишевская [и др.] ; ответственный редактор О. Н. Селиверстова. – Москва : Наука, 1982. – 370 с. – Текст : непосредственный.
90. Сибирцева, В. Г. Исследование потенциала компьютерных программ для стилистического и переводческого анализа текста и его практическое применение / В. Г. Сибирцева, Н. Х. Фролова. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 90–101.
91. Силкина, О. М. Культурно-специфические особенности использования глагольной категории залога в научных аннотациях (на материале английского, немецкого и русского языков) / О. М. Силкина. – Текст : непосредственный // Studium juvenis : межвузовский сборник трудов молодых ученых / ответственный редактор Н. Н. Кошкарлова. – Вып. 11. – Челябинск : Уральский государственный университет физической культуры, 2019. – С. 75–81.
92. Сичинава, Д. В. Наречие / Д. В. Сичинава. – Текст : электронный // Русская корпусная грамматика. – 2011. – С. 108–135. – URL: <http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-adverbs.pdf> (дата обращения: 13.03.2023).
93. Современный русский язык : учебник для филологических специальностей университетов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под редакцией В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1989. – 800 с. – ISBN 5-06-000191-1. – Текст : непосредственный.
94. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1981. – 361 с. – Текст : непосредственный.

95. Степанов, Ю. С. Проблема общего метода современной лингвистики // Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания : тезисы докладов (Москва, 11-16 ноября 1974 г.) / ответственный редактор В. И. Борковский. – Москва : Институт языкознания АН СССР, 1974. – С. 118–126.
96. Стернина, М. А. Семантические типы наречного слова: На материале пространственных наречий английского и русского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Стернина Марина Абрамовна. – Воронеж : Саратовский ун-т., 1984. – 188 с. – Текст : непосредственный.
97. Стилистические аспекты перевода : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова [и др.]. – Москва : Издательский центр «Академия», 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-7695-6504-5. – Текст : непосредственный.
98. Сулейманова, О. А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь / целый и all / whole : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сулейманова Ольга Аркадьевна ; Академия наук СССР, Ин-т языкознания АН СССР. – Москва, 1985. – 190 с. – Текст : непосредственный.
99. Сулейманова, О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты : специальность 10.02.19 «Теория языка», специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сулейманова Ольга Аркадьевна. – Москва, 2000. – 332 с. – Текст : непосредственный.
100. Сулейманова, О. А. Гипотетико-дедуктивный метод в современной семантике / О. А. Сулейманова. – Текст : непосредственный // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии : сборник статей / составители

О. А. Сулейманова, Н. Л. Огуречникова. – Вып. 2. – Москва : Московский городской педагогический университет, 2004. – С. 6–17.

101. Сулейманова, О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: *pro et contra* / О. А. Сулейманова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2013. – № 2(12). – С. 60–68.

102. Сулейманова, О. А. Значение языкового знака как лингвистическая константа / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Красноярск, 15 ноября 2015 г.). / редакционная коллегия: Е. С. Бойко, Ю. А. Бражникова, А. С. Бутусова [и др.]. – Вып. 2 – Красноярск : ИЦРОН, 2015. – С. 78–83.

103. Сулейманова, О. А. К вопросу о «границах» значения языкового знака / О. А. Сулейманова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017а. – Вып. 29. – С. 409–414.

104. Сулейманова, О. А. Верификационный потенциал семантического эксперимента / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина. – Текст : непосредственный // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2017б. – № 2(34). – С. 15–28.

105. Сулейманова, О. А. К вопросу о методике дискурсивного анализа / О. А. Сулейманова, О. Г. Лукошус. – Текст : непосредственный // Дискурс как универсальная матрица вербального воздействия : монография / Д. Д. Холодова, Г. Н. Манаенко, С. Н. Плотников [и др.] ; редактор Л. Г. Викулова, О. Г. Лукошус ; ответственный редактор О. А. Сулейманова. – Москва : ЛЕНАНД, 2018а. – С. 62–82.

106. Сулейманова, О. А. Семантический анализ наречий градации типа *довольно, достаточно* / О. А. Сулейманова, М. А. Нерсесян. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 11 марта 2018 г.) / редакционная коллегия: В. Н. Чечелева, С. И. Хватова,

Е. И. Дмитриева [и др.]. – Вып. 5. – Нижний Новгород : ИЦРОН, 2018б. – С. 43–47.

107. Сулейманова, О. А. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений / О. А. Сулейманова, И. М. Петрова. – Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. – 2018в. – № 3(24). – С. 52–64.

108. Сулейманова, О. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации / О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая, М. А. Фомина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17(2). – С. 309–322.

109. Сулейманова, О. А. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках / О. А. Сулейманова, Э. В. Нерсесова. – Текст : непосредственный // История, теория и дидактика переводческой деятельности : коллективная монография / под общей редакцией Н. Н. Гавриленко. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – С. 73–89.

110. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность / А. В. Бондарко, В. Гладров, И. Б. Долинина [и др.] ; ответственный редактор А. В. Бондарко. – Москва : Наука, 1992. – 305 с. – ISBN 5-02-028058-5. – Текст : непосредственный.

111. Тивьяева, И. В. Методологический потенциал цифровых методов исследований в обучении лингвистов-переводчиков основам научно-исследовательской деятельности / И. В. Тивьяева. – Текст : непосредственный // Инновационные технологии и технические средства специального назначения : труды 14-й общероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–19 ноября 2021 г.) : в 2 т. / ответственный редактор М. Н. Охочинский. – Санкт-Петербург : БГТУ «Военмех», 2022. – С. 340–342.

112. Тимберлейк, А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке / А. Тимберлейк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Современная зарубежная русистика / составление и

общая редакция Т. В. Булыгиной, А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 261–285.

113. Трубецкой, Н. С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник / Н. С. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сборник трудов / ответственный редактор Н. И. Толстой. – Москва : Беловодье, 1997. – С. 267–299.

114. Турбина, О. А. Языковое представление Пространства по оси лица: концептуализация и категоризация / О. А. Турбина. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 267–270.

115. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / редакционная коллегия: В. А. Звегинцев, А. К. Авеличев, Н. Д. Арутюнова [и др.]. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 52–92.

116. Фомина, М. А. Концептуализация «пустого» в языковой картине мира : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фомина Марина Аркадьевна. – Москва, 2009. – 217 с. – Текст : непосредственный.

117. Фомина, М. А. Особенности типов субъектов в переводческой перспективе / М. А. Фомина. – Текст : непосредственный // English Studies at NBU. – 2015a. – Т. 1, № 1. – С. 116–126.

118. Фомина, М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* / М. А. Фомина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015б. – № 4(20). – С. 49–55.

119. Фомина, М. А. Субъект-экспериенцер как квазиагенс: «от значения к форме» / М. А. Фомина. – Текст : непосредственный // Вопросы прикладной лингвистики. – 2020. – № 40. – С. 112–136.

120. Фомина, М. А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления / М. А. Фомина. – Текст : непосредственный //

- Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 4(48). – С. 126–136.
121. Фролова, Е. А. Исследование современного состояния конструкции с расщепленным инфинитивом на базе корпусов английского языка / Е. А. Фролова. – Текст : непосредственный // В многомерном пространстве современной лингвистики : сборник работ молодых ученых / ответственный редактор О. А. Сулейманова ; составитель К. С. Карданова-Бирюкова. – Москва : ПРИНТИКА, 2021. – С. 245–248.
122. Функциональный синтаксис русского языка : учебник для вузов / А. С. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 728 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11-450-8. – Текст : непосредственный.
123. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : специальность 10.02.04 «Германские языки», специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фурс Людмила Алексеевна. – Тамбов, 2004. – 370 с. – Текст : непосредственный.
124. Хлебникова, И. Б. Морфология английского языка : учебное пособие / И. Б. Хлебникова. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 2004. – 135 с. – ISBN 5-06-004980-9. – Текст : непосредственный.
125. Холодова, Д. Д. Предикаты «бесперспективного протекания»: семантический и прагматический анализ : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Холодова Дарья Дмитриевна. – Москва, 2015. – 189 с. – Текст : непосредственный.
126. Чаплин, Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чаплин Евгений Владимирович. – Москва, 2020. – 246 с. – Текст : непосредственный.
127. Червоный, А. М. Семантический субъект и имплицитность / А. М. Червоный. – Текст : непосредственный // Современная наука: Актуальные

проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 6-2. – С. 168–170.

128. Чернобровкина, Е. П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях / Е. П. Чернобровкина. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 125–129.

129. Чупрына, О. Г. Судьба как концепт в языке и культуре / О. Г. Чупрына, К. М. Баранова, М. Г. Меркулова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 3(56). – С. 120–125.

130. Шабанова, Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование / Т. Д. Шабанова. – Уфа : Восточный университет, 1998. – 198 с. – ISBN 5-87865-151-3. – Текст : непосредственный.

131. Шаронов, И. А. *Вот ведь и надо же!* Путь от конструкции ко вторичному междометию / И. А. Шаронов. – Текст : непосредственный // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2019. – № 4(22). – С. 325–334.

132. Шереметьева, С. О. Моделирование многоязычного интеллектуального контент-анализа / С. О. Шереметьева, А. Ю. Зиновьева. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 52–58.

133. Шереметьева, С. О. Цифровой анализ эмоционального компонента поэтического текста / С. О. Шереметьева, О. И. Бабина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 58–65.

134. Шестопалова, А. М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается* / А. М. Шестопалова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 2(46). – С. 189–195.

135. Штеба, А. А. Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций / А. А. Штеба. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3(22). – С. 176–181.

136. Юдина, Н. В. Знаковые единицы в синтаксических конструкциях интернет-коммуникации / Н. В. Юдина, Н. И. Полидовец. – Текст : непосредственный // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 4(46). – С. 147–165.
137. Alexiadou, A. The syntactic construction of two non-active voices: Passive and middle / A. Alexiadou, E. Doron. – Text : direct // Journal of Linguistics. – 2012. – Vol. 48(1). – P. 1–34.
138. Belligh, T. Alternating constructions on the semantics-pragmatics interface: theticity and sentence-focus in Dutch and Italian : PhD Thesis / Thomas Belligh. – Ghent University, 2021. – 441 p. – Text : direct.
139. Boulton, A. Wanted: Large corpus, simple software. No timewasters / A. Boulton. – Text : direct // TaLC10: 10th International Conference on Teaching and Language Corpora (Warsaw, July 2012) / editor A. Leńko-Szymańska. – Warsaw : Institute of Applied Linguistics, University of Warsaw, 2013. – P. 1–6.
140. Castroviejo Miró, E. “Wh”-exclamatives in Catalan : PhD Thesis / Elena Castroviejo Miró. – Universitat de Barcelona, 2006. – 244 p. – Text : direct.
141. Davidse, K. On the middle voice: An interpersonal analysis of the English middle / K. Davidse, L. Heyvaert. – Text : direct // Linguistics. – 2007. – Vol. 45 (1). – P. 37–83.
142. Curme, G. O. English Grammar Simplified / G. O. Curme. – New York : Harper & Row Publishers, Inc., 1971. – 308 p. – ISBN 0-060460061-0. – Text : direct.
143. Davidse, K. English middles with mental and verbal predicates: Towards a typology / K. Davidse, N. Olivier. – Text : direct // English Text Construction. – 2008. – Vol. 1(2). – P. 169–197.
144. De Mendoza Ibáñez, F. J. R. On the cognitive grounding of agent-deprofiling constructions as a case of pretense construction / F. J. R. de Mendoza Ibáñez, I. M. Sastre. – Text : direct // Revista Espanola de Linguistica Aplicada. – 2019. – Vol. 32(2). – P. 573–589.

145. Dixon, R. M. W. *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology* / R. M. W. Dixon. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 392 p. – ISBN 0-19-927093-7. – ISBN 0-19-920346-6. – Text : direct.
146. Ernst, T. *The Syntax of Adjuncts* / T. Ernst. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 569 p. – ISBN 0-521-77134-X. – Text : direct.
147. Fábregas, A. The emergence of middle voice structures with and without agents / A. Fábregas, M. Putnam. – Text : direct // *Linguistic Review*. – 2014. – Vol. 31(2). – P. 193–240.
148. Fagan, S. M. B. *The Syntax and Semantics of Middle Constructions: A Study with Special Reference to German* / S. M. B. Fagan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 300 p. – ISBN 978-0-5211-0746-4. – Text : direct.
149. Fernando, M. *The Causative and Anticausative Alternation in Kikongo (Kizombo)* : PhD Thesis / Mbiavanga Fernando. – Stellenbosch University, 2013. – 510 p. – Text : direct.
150. Fillmore, C. J. *Frame Semantics* / C. J. Fillmore. – Text : direct // *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981* / editor The Linguistic Society of Korea. – Seoul : Hanshin Publishing Company, 1982. – P. 111–137.
151. Hebert, J. E. *What Students Know about In and On: Understanding Semantic Complexity of Spatial Terms in L2 English Speakers* : MA Thesis / Jacqueline E. Hebert. – University of Louisiana at Lafayette, 2018. – 93 p. – Text : direct.
152. Herman. *Investigating Sentence Fragments in Comic Books: A Syntactic Perspective* / Herman, N. V. Thao, N. A. Purba. – Text : direct // *World Journal on English Language* – 2021. – Vol. 11, № 2. – P. 139–151.
153. Holvoet, A. *The facilitative middle in Baltic and north Slavonic: An overview of its variation* / A. Holvoet, A. Daugavet. – Text : direct // *Baltic Linguistics*. – 2020. – Vol. 11. – P. 291–342.
154. House, H. C. *Descriptive English Grammar* / H. C. House, S. E. Harman. – 2nd ed. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice Hall, 1962. – 457 p. – Text : direct.

155. Huddleston, R. *The Cambridge Grammar of the English Language* / R. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 1842 p. – ISBN 978-0-521-43146-0. – Text : direct.
156. Iten, C. B. ‘Non-Truth-Conditional’ Meaning, Relevance and Concessives : PhD Thesis / Corinne Beatrice Iten. – University College London, 2000. – 348 p. – Text : direct.
157. Ivanova, S. V. *A Corpus-Based Differentiation of Near-Synonyms in Smart-Technologies Framework* / S. V. Ivanova, S. N. Medvedeva. – Text : direct // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 342 LNNS. – P. 684–692.
158. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1985. – 283 p. – ISBN 978-0-2626-0013-2. – Text : direct.
159. Ji, X. *The Middle Construction in English and Chinese* : MA Thesis / Xiaoling Ji. – Chinese University of Hong Kong, 1995. – 104 p. – Text : direct.
160. Julien, H. *Content Analysis* / H. Julien. – Text : direct // *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods* / editor L. M. Given. – Thousand Oaks, California : SAGE Publications, 2008. – P. 120–121.
161. Kaufmann, I. *Middle voice* / I. Kaufmann. – Text : direct // *Lingua*. – 2007. – Vol. 117(10). – P. 1677–1714.
162. Kilgarriff, A. *Introduction to the Special Issue on the Web as Corpus* / A. Killgarriff, G. Grefenstette // *Computational Linguistics*. – 2003. – № 29(3). – P. 333–347.
163. Krippendorff, K. *Content Analysis: An introduction to Its Methodology* / K. Krippendorff. – Thousand Oaks, California : SAGE Publications, 2004. – 422 p. – ISBN 0-7619-1544-3. – ISBN 0-7619-1545-1. – Text : direct.
164. Lai, C.-H. *On the Predicative Use of Taiwanese U-V Adjectives* : MA Thesis / Chia-Hua Lai. – National Chiao Tung University, 2007. – 86 p. – Text : direct.
165. Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites* : in 2 Vol. / R. W. Langacker. – Vol. 1. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 540 p. – ISBN 978-0-8047-3851-4. – Text : direct.

166. Langacker, R. W. *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R. W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 409 p. – ISBN 978-3-1101-2599-3. – Text : direct.
167. Langacker, R. W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction* / R. W. Langacker. – Oxford : Oxford University Press, Inc., 2008. – 562 p. – ISBN 978-0-1953-3196-7. – Text : direct.
168. Lekakou, M. *In the Middle, Somewhat Elevated: The Semantics of Middles and Its Crosslinguistic Realization* : PhD Thesis / Marika Lekakou. – University College London, 2005. – 251 p. – Text : direct.
169. Li, X. *The Interaction between Genericity and the Formal Performances of the Verb in Middle Construction* / X. Li. – Text : direct // *International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2014)* : conference proceedings (Zhengzhou, China, 5-7 May 2014) / editors D. Howard, T. Volodina, Y. Zhang, R. Green. – Zhengzhou : Atlantis Press, 2014. – P. 270–274.
170. Lyons, J. *Semantics*. In 2 Vol. Vol. 1 / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 897 p. – ISBN 978-0-521-21473-5. – ISBN 978-0-521-29165-1. – Text : direct.
171. Missuno, F. *'Shadow' and Paradoxes of Darkness in Old English and Old Norse Poetic Language* : PhD Thesis / Filip Missuno. – University of York, 2012. – 341 p. – Text : direct.
172. Mitkovska, L. *Quasi-passive reflexive constructions: Bridging autonomous and passive situations* / L. Mitkovska, E. Buzarovska. – Text : direct // *Linguistic Typology*. – 2021. – Vol. 25(2). – P. 303–343.
173. Nam, B. *Be-Insertion in Interlanguage: A Topic Marker, A Tense/Agreement Morpheme, or Both?* : PhD Thesis / Bora Nam. – Indiana University, 2020. – 300 p. – Text : direct.
174. Navarro i Ferrando, I. *A Cognitive Semantics Analysis of the Lexical Units AT, ON and IN in English* : PhD Thesis / Ignasi Navarro i Ferrando. – Castellón de la Plana, 1998. – 312 p. – Text : direct.

175. Nessel, T. Big data in Russian linguistics? Another look at paucal constructions / T. Nessel. – Text : direct // Zeitschrift für Slawistik. – 2019. – № 64(2). – P. 157–174.
176. Parsons, T. Events in the Semantics of English: A Study in Subatomic Semantics / T. Parsons. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1990. – 353 p. – ISBN 978-0-2621-6120-6. – Text : direct.
177. Ramos Bierge, S. Clause Types and Transitivity in Wixárika (Huichol): A Uto-Aztecan Language : PhD Thesis / Stefanie Ramos Bierge. – University of Colorado at Boulder, 2017. – 404 p. – Text : direct.
178. Rosch, E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch. – Text : direct // Cognition and Categorization / editors E. H. Rosch, B. B. Lloyd. – New Jersey : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
179. Solnyshkina, M. I. The structure of cross-linguistic differences: Meaning and context of ‘readability’ and its Russian equivalent ‘chitabelnost’ / M. I. Solnyshkina, E. V. Harkova, M. B. Kazachkova. – Text : direct // Journal of Language and Education. – 2020. – Vol. 6(1). – P. 103–119.
180. Spencer, A. Stative Predicates in Russian and Their Nominalization / A. Spencer, M. Zaretskaya. – Text : direct // Essex Research Reports in Linguistics. – 2003. – Vol. 22. – P. 1–44.
181. Suleimanova, O. A. Using big data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian / O. A. Suleimanova, I. M. Petrova. – Text : direct // Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13(3). – P. 385–393.
182. Tamamoto, K. The Syntactic Derivation of the Middle and Other Constructions by the Covert Modality Heads : MA Thesis / Koji Tamamoto. – Kyoto University, 2009. – 39 p. – Text : direct.
183. Taylor, J. R. The middle construction as a prototype category / J. R. Taylor, K. Yoshimura. – Text : direct // Journal of the Cognitive Linguistics Society of Japan. – 2006. – № 6. – P. 362–370.

184. Thornton, F. J. A Classification of the Semantic Field Good and Evil in the Vocabulary of English : PhD Thesis / Freda J. Thornton. – University of Glasgow, 1988. – 507 p. – Text : direct.
185. Tillman, K. A. Constructing the Concept of Time: Roles of Perception, Language, and Culture : PhD Thesis / Katharine A. Tillman. – University of California, San Diego, 2017. – 199 p. – Text : direct.
186. Tropes. Reference Manual. – Text : electronic. – 2011. – 62 p. – URL: http://www.forhe.ro/docs/tropes_manual_de_referinta.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
187. Troseth, E. L. Adicity and Reference: Middle Voice and Its Components : PhD Thesis / Erica Leigh Troseth. – The City University of New York, 2009. – 161 p. – Text : direct.
188. Vendler, Z. Verbs and Times / Z. Vendler. – Text : direct // The Philosophical Review. – 1957. – Vol. 66(2). – P. 143–160.
189. Wårnsby, A. (De)coding Modality: The Case of Must, May, Måste and Kan / A. Wårnsby. – Lund : Lund University, 2006. – 244 p. – ISBN 91-975158-2-5. – Text : direct.
190. Weber, R. P. Basic Content Analysis / R. P. Weber. – Newbury Park, California : SAGE Publications, 1990. – 96 p. – ISBN 978-0-8039-3863-2. – Text : direct.
191. Yamada, A. The Syntax, Semantics and Pragmatics of Japanese Addressee-Honorific Markers : PhD Thesis / Akitaka Yamada. – Georgetown University, 2019. – 568 p. – Text : direct.
192. Yeom, J.-I. Genericity in Middle Constructions / J.-I. Yeom. – Text : direct // Language Research. – 2002. – № 38(4). – P. 1151–1184.
193. Zhang, Y. Qualitative Analysis of Content / Y. Zhang, B. M. Wildemuth. – Text : direct // Applications of Social Research Methods to Questions in Information and Library Science / editor B. M. Wildemuth. – 2nd ed. – Santa Barbara, California : Libraries Unlimited. – P. 318–329.
194. Zwart, J. W. Nonargument Middles in Dutch / J. W. Zwart. – Text : direct // Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik. – 1998. – № 42. – P. 109–128.

Интернет-ресурсы

195. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» (БРЭ) : [сайт] / главный редактор С. Л. Кравец. – 2022. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).
196. Британский национальный корпус (British National Corpus [BNC]) : [сайт]. – 1994. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 12.07.2023).
197. Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English [COCA]) : [сайт] / M. Davies. – 2008. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 12.07.2023).
198. Национальный корпус русского языка [НКРЯ] : [сайт]. – 2003. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.07.2023).

Пример заполненной анкеты на русском языке

АНКЕТА

Возраст 27

Уровень образования Высшее, лингвистика

Уважаемый участник опроса!

Вам будет предложено 6 блоков по 7 высказываний каждый. Вам необходимо оценить все высказывания в каждом блоке по следующей шкале:

Оценка	Значение	Комментарий
1	Приемлемо, предпочтительно	Встречается часто
2	Приемлемо, не предпочтительно	Редко встречается
3	На грани приемлемости	Встречается крайне редко
4	Неприемлемо	Не употребляется вовсе

Приветствуются любые Ваши комментарии!

Спасибо

Оцените следующие высказывания

№	Пример	Оценка	Комментарий
1	Книга легко читается	1	
	Книга плохо читается	2	
	Книга серьезно читается	4	
	Книга сильно читается	4	
	Книга сразу читается	4	
	Книга долго читается	3	
	Книга горизонтально читается	4	
2	Ракета медленно опускается	4	
	Ракета хорошо опускается	4	
	Ракета серьезно опускается	4	
	Ракета сильно опускается	4	
	Ракета сразу опускается	4	
	Ракета долго опускается	4	
	Ракета горизонтально опускается	3	
3	Огонь быстро распространяется	1	
	Огонь хорошо распространяется	3	
	Огонь серьезно распространяется	3	
	Огонь сильно распространяется	3	
	Огонь сразу распространяется	2	
	Огонь долго распространяется	3	
	Огонь горизонтально распространяется	4	
4	Поры постепенно расширяются	4	
	Поры сильно расширяются	3	
	Поры мгновенно расширяются	4	
	Поры плохо расширяются	4	
	Поры легко расширяются	4	
	Поры отчаянно расширяются	4	
	Поры горизонтально расширяются	4	
5	Сад хорошо охраняется	1	
	Сад легко охраняется	4	
	Сад серьезно охраняется	3	
	Сад долго охраняется	4	
	Сад часто охраняется	4	
	Сад значительно охраняется	4	
	Сад горизонтально охраняется	4	
6	Автомобиль быстро разгоняется	1	
	Автомобиль плохо разгоняется	1	
	Автомобиль долго разгоняется	1	
	Автомобиль сразу разгоняется	1	
	Автомобиль серьезно разгоняется	4	
	Автомобиль сильно разгоняется	4	
	Автомобиль горизонтально разгоняется	4	

Спасибо за прохождение опроса!

Пример заполненной анкеты на английском языке

*Questionnaire**Age* 42*Nationality* US Citizen*Education* Some College :-)*Dear participant,**You will be offered 6 blocks that contain 7 sentences each. Please, grade all the sentences in each block relying on the following scale:*

Grade	Meaning	Comment
1	Acceptable, preferred	Most frequent
2	Acceptable, not preferred	Frequent
3	Marginally acceptable	Rare
4	Unacceptable	Non-occurring

*All comments will be appreciated!**Thank you*

Grade the following sentences

№	Sentence	Grade	Comment
1	Fire spreads quickly	1	Mostly first one is the best
	Fire spreads well	4	
	Fire spreads happily	4	
	Fire spreads slightly	4	
	Fire spreads immediately	2	
	Fire spreads regularly	4	
	Fire spreads vertically	4	
2	Cells move slowly	1	First is best
	Cells move well	4	
	Cells move happily	4	
	Cells move slightly	3	
	Cells move immediately	4	
	Cells move regularly	4	
	Cells move vertically	4	
3	The book sells well	1	
	The book sells quickly	1	
	The book sells nervously	4	
	The book sells slightly	4	
	The book sells immediately	1	
	The book sells regularly	1	
	The book sells diagonally	4	
4	Dye washes out quickly	1	
	Dye washes out well	3	
	Dye washes out happily	4	
	Dye washes out thoroughly	1	
	Dye washes out immediately	1	
	Dye washes out regularly	4	
	Dye washes out vertically	4	
5	The heart beats quickly	1	
	The heart beats well	2	
	The heart beats happily	2	
	The heart beats thoroughly	4	
	The heart beats immediately	1	
	The heart beats regularly	1	
	The heart beats diagonally	4	
6	Protein binds poorly	3	
	Protein binds quickly	2	
	Protein binds nervously	4	
	Protein binds thoroughly	1	
	Protein binds immediately	1	
	Protein binds regularly	3	
	Protein binds vertically	3	

Thank you for completing the questionnaire!

**Результаты проверки экспериментальной выборки на русском языке
на базе поисковых систем Google и Yandex**

Дата обращения: 27.03.2023

Обозначения:

[+] – высказывание имеется в базе данных поисковой системы

[X] – высказывание отсутствует в базе данных поисковой системы

Шкала оценки

Оценка	Значение	Комментарий	Кол-во вхождений
1	Приемлемо, предпочтительно	Встречается часто	> 10 000 вхождений
2	Приемлемо, не предпочтительно	Редко встречается	> 1 000 вхождений < 10 000 вхождений
3	На грани приемлемости	Встречается крайне редко	> 0 вхождений < 1 000 вхождений
4	Неприемлемо	Не употребляется вовсе	0 вхождений

№	Поисковая система		Всего вхождений	Вывод (оценка)
	Высказывание	Google		
1	Книга легко читается	+ 27 800	+ 16 000	43 800 1
	Книга плохо читается	+ 213	+ 183	396 3
	Книга серьезно читается	X	X	0 4
	Книга сильно читается	X	X	0 4
	Книга сразу читается	+ 2	+ 12	14 3
	Книга долго читается	+ 36	+ 266	302 3
	Книга горизонтально читается	X	X	0 4
2	Ракета медленно опускается	+ 1 220	+ 21	1 241 2
	Ракета хорошо опускается	X	X	0 4
	Ракета серьезно опускается	X	X	0 4
	Ракета сильно опускается	X	X	0 4
	Ракета сразу опускается	X	X	0 4
	Ракета долго опускается	X	X	0 4
	Ракета горизонтально опускается	X	X	0 4
3	Огонь быстро распространяется	+ 14 100	+ 25 000	39 100 1
	Огонь хорошо распространяется	+ 7	+ 67	74 3
	Огонь серьезно распространяется	X	X	0 4
	Огонь сильно распространяется	+ 24	+ 152	176 3

	Огонь сразу распространяется	+	+	11	3
	Огонь долго распространяется	2	15	17	3
	Огонь горизонтально распространяется	X	X	0	4
4	Поры постепенно расширяются	+	+	487	3
	Поры сильно расширяются	116	125	505	3
	Поры мгновенно расширяются	+	+	32	3
	Поры плохо расширяются	4	28		
	Поры легко расширяются	X	X	0	4
	Поры отчаянно расширяются	+	+	11	3
	Поры горизонтально расширяются	2	9		
5	Сад хорошо охраняется	X	X	0	4
	Сад легко охраняется	+	+	454	3
	Сад серьезно охраняется	X	+	9	3
	Сад долго охраняется	X	X	0	4
	Сад часто охраняется	X	X	0	4
	Сад значительно охраняется	X	X	0	4
	Сад горизонтально охраняется	X	X	0	4
6	Автомобиль быстро разгоняется	+	+	2 812	2
	Автомобиль плохо разгоняется	812	2 000		
	Автомобиль долго разгоняется	+	+	784	3
	Автомобиль сразу разгоняется	14 500	17 000	31 500	1
	Автомобиль серьезно разгоняется	+	+	461	3
	Автомобиль сильно разгоняется	4	457		
	Автомобиль горизонтально разгоняется	X	X	0	4
	Автомобиль горизонтально разгоняется	+	+	296	3
	Автомобиль горизонтально разгоняется	7	289		
	Автомобиль горизонтально разгоняется	X	X	0	4

**Результаты проверки экспериментальной выборки на английском языке
на базе поисковых систем Google и Yandex**

Дата обращения: 27.03.2023

Обозначения:

[+] – высказывание имеется в базе данных поисковой системы

[X] – высказывание отсутствует в базе данных поисковой системы

Шкала оценки

Оценка	Значение	Комментарий	Кол-во вхождений
1	Приемлемо, предпочтительно	Встречается часто	> 10 000 вхождений
2	Приемлемо, не предпочтительно	Редко встречается	> 1 000 вхождений < 10 000 вхождений
3	На грани приемлемости	Встречается крайне редко	> 0 вхождений < 1 000 вхождений
4	Неприемлемо	Не употребляется вовсе	0 вхождений

№	Поисковая система		Всего вхождений	Вывод (оценка)	
	Высказывание	Google			Yandex
1	Fire spreads quickly	+ 7 750	+ 369	8 119	2
	Fire spreads well	+ 1 750	+ 2	1 752	2
	Fire spreads happily	X	X	0	4
	Fire spreads slightly	+ 48	+ 12	60	3
	Fire spreads immediately	+ 174	+ 2	176	3
	Fire spreads regularly	+ 2	X	2	3
	Fire spreads vertically	+ 261	+ 1 000	1 261	2
2	Cells move slowly	+ 11 400	+ 1 000	12 400	1
	Cells move well	+ 543	+ 37	580	3
	Cells move happily	+ 1	X	1	3
	Cells move slightly	+ 734	+ 817	1 551	2
	Cells move immediately	+ 251	+ 300	551	3
	Cells move regularly	+ 71	+ 1	72	3
	Cells move vertically	+ 820	+ 368	1 188	2

3	The book sells well	+ 33 300	+ 1 000	34 300	1
	The book sells quickly	+ 373	+ 4	377	3
	The book sells nervously	X	X	0	4
	The book sells slightly	X	X	0	4
	The book sells immediately	+ 1	X	1	3
	The book sells regularly	+ 8	X	8	3
	The book sells diagonally	X	X	0	4
4	Dye washes out quickly	+ 951	+ 475	1 426	2
	Dye washes out well	+ 4	+ 2	6	3
	Dye washes out happily	X	X	0	4
	Dye washes out thoroughly	+ 1	X	1	3
	Dye washes out immediately	+ 1	+ 10	11	3
	Dye washes out regularly	X	X	0	4
	Dye washes out vertically	X	X	0	4
5	The heart beats quickly	+ 12 700	+ 1 000	13 700	1
	The heart beats well	+ 2 990	+ 280	3 270	2
	The heart beats happily	+ 292	+ 19	311	3
	The heart beats thoroughly	X	X	0	4
	The heart beats immediately	+ 6	+ 36	42	3
	The heart beats regularly	+ 7 600	+ 1 000	8 600	2
	The heart beats diagonally	X	X	0	4
6	Protein binds poorly	+ 2 350	+ 3 000	5 350	2
	Protein binds quickly	+ 276	+ 6	282	3
	Protein binds nervously	X	X	0	4
	Protein binds thoroughly	X	X	0	4
	Protein binds immediately	+ 385	+ 5	390	3
	Protein binds regularly	X	X	0	4
	Protein binds vertically	X	X	0	4

Сводные данные по результатам семантического эксперимента (русский язык)

№	Пример	Средняя оценка информантов	Оценка по результатам поисковых систем	Итоговая оценка
1	Книга легко читается	1	1	1
	Книга плохо читается	2	3	3
	Книга серьезно читается	4	4	4
	Книга сильно читается	4	4	4
	Книга сразу читается	4	3	4
	Книга долго читается	2	3	3
	Книга горизонтально читается	4	4	4
2	Ракета медленно опускается	2	2	2
	Ракета хорошо опускается	3	4	4
	Ракета серьезно опускается	4	4	4
	Ракета сильно опускается	3	4	4
	Ракета сразу опускается	3	4	4
	Ракета долго опускается	2	4	3
	Ракета горизонтально опускается	3	4	4
3	Огонь быстро распространяется	1	1	1
	Огонь хорошо распространяется	2	3	3
	Огонь серьезно распространяется	3	4	4
	Огонь сильно распространяется	2	3	3
	Огонь сразу распространяется	1	3	2
	Огонь долго распространяется	2	3	3
	Огонь горизонтально распространяется	3	4	4
4	Поры постепенно расширяются	2	3	3
	Поры сильно расширяются	2	3	3
	Поры мгновенно расширяются	2	3	3
	Поры плохо расширяются	2	4	3
	Поры легко расширяются	2	3	3
	Поры отчаянно расширяются	4	4	4
	Поры горизонтально расширяются	3	4	4
5	Сад хорошо охраняется	1	3	2
	Сад легко охраняется	3	4	4
	Сад серьезно охраняется	2	3	3
	Сад долго охраняется	2	4	3
	Сад часто охраняется	2	4	3
	Сад значительно охраняется	4	4	4
	Сад горизонтально охраняется	4	4	4
6	Автомобиль быстро разгоняется	1	2	2
	Автомобиль плохо разгоняется	1	1	1
	Автомобиль долго разгоняется	1	3	2
	Автомобиль сразу разгоняется	1	3	2
	Автомобиль серьезно разгоняется	4	4	4
	Автомобиль сильно разгоняется	2	3	3
	Автомобиль горизонтально разгоняется	4	4	4

Сводные данные по результатам семантического эксперимента (английский язык)

№	Пример	Средняя оценка информантов	Оценка по результатам поисковых систем	Итоговая оценка
1	Fire spreads quickly	1	2	2
	Fire spreads well	3	2	3
	Fire spreads happily	4	4	4
	Fire spreads slightly	3	3	3
	Fire spreads immediately	2	3	3
	Fire spreads regularly	3	3	3
	Fire spreads vertically	3	2	3
2	Cells move slowly	2	1	2
	Cells move well	4	3	4
	Cells move happily	3	3	3
	Cells move slightly	3	2	3
	Cells move immediately	3	3	3
	Cells move regularly	2	3	3
	Cells move vertically	4	2	3
3	The book sells well	2	1	2
	The book sells quickly	2	3	3
	The book sells nervously	4	4	4
	The book sells slightly	3	4	4
	The book sells immediately	2	3	3
	The book sells regularly	2	3	3
	The book sells diagonally	4	4	4
4	Dye washes out quickly	2	2	2
	Dye washes out well	3	3	3
	Dye washes out happily	4	4	4
	Dye washes out thoroughly	2	3	3
	Dye washes out immediately	2	3	3
	Dye washes out regularly	3	4	4
	Dye washes out vertically	4	4	4
5	The heart beats quickly	2	1	2
	The heart beats well	2	2	2
	The heart beats happily	2	3	3
	The heart beats thoroughly	4	4	4
	The heart beats immediately	2	3	3
	The heart beats regularly	1	2	2
	The heart beats diagonally	4	4	4
6	Protein binds poorly	3	2	3
	Protein binds quickly	2	3	3
	Protein binds nervously	4	4	4
	Protein binds thoroughly	2	4	3
	Protein binds immediately	2	3	3
	Protein binds regularly	2	4	3
	Protein binds vertically	4	4	4

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Фрагмент тестирования языкового материала

Обозначения:

НА – неопределяющий агентивный субъект
 НН – неопределяющий неагентивный субъект
 ОН – определяющий неагентивный субъект

ИС – изменение семантики высказывания
 СН – семантика высказывания не изменяется
 [+] – тест положительный
 [-] – тест отрицательный

№	Тесты Примеры	Дополнение в тв. п. / дополнение, вводимое предлогами <i>by</i> / <i>with</i>	Неопределённо- личная конструкция / восстановление	X возможно легко / быстро / сильно / пр. Р X can easily / quickly be Р	X таков, что он может выполнять Р сам по себе X can produce Р on its own accord / on its own	инструментальный компонент в семантике глагола	Глагол движения	Глагол, денотат которого подразумевает обязательное наличие внешних условий	Вывод
1.	Автомобиль шустро разгоняется	-	-	-	+	-	-	-	ОН
2.	Акониты быстро разрастаются	-	-	-	+	-	+	+	НА
3.	Дерево легко ломается	+	+	+	-	+	-	-	НН
4.	Духовка сильно пачкается	+	+	+	-	-	-	-	НН
5.	Жир легко устраняется	+	+	+	-	+	-	-	НН
6.	Законы нарушаются постоянно	+	+	+	-	-	-	-	НН

